

В. Кормилицын

ДЕРЖАВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Кормилицын
Держава том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кормилицын В. А.

Держава том 2 / В. А. Кормилицын — «ЛитРес: Самиздат», 2014

2 -й том исторического романа "Держава" посвящён российским событиям начиная с 1902 и по 1905 год. В книге описаны и "Кишинёвский погром", и русско-японская война. Это летопись переходной эпохи. В романе показано лишь начало борьбы за Россию в результате которой произошёл её крах. Так называемое образованное общество очень этому посодействовало, опомнившись лишь тогда, когда развалили страну. Рядом со старшим из братьев Рубановых - Акимом переплетаются две женские судьбы - Натали и Ольги. Но в жизни почему-то получается, что любим одну, а остаёмся с другой. В боях русско-японской войны, они - сёстры милосердия, и когда поручика Рубанова ранило, одна из девушек ухаживала за ним и поставила на ноги... И он выбирает её. Читайте, и узнаете кого именно...Содержит нецензурную брань.

© Кормилицын В. А., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

В начале февраля, звёзды на небе расположились таким счастливым образом, что полковое начальство 145-го Новочеркасского пехотного полка, ходатайствовало о присвоении чина подпоручика старшему унтер-офицеру Дубасову. Вскоре вожделенный офицерский чин оный унтер благополучно и получил.

Сначала он «гудел» с сослуживцами, затем, в офицерской уже форме, с шашкой, а не с тросточкой, сделал визиты друзьям и пригласил их обкатать и спрыснуть чинишку.

Встречу назначил у цирка Чинизелли.

«Интересно, почему у Чинизелли? – направляясь на санях к дому Бутенёвых, размышлял Рубанов. – Может, надумал совратить безвинную птичку, мадам Пальцапупу? – иронично хмыкнул он. – Да ещё сказал, что меня ожидает сюрприз...».

В доме Бутенёвых его уже ждали, и к удивлению Акима, кроме таинственно улыбающейся Натали, отмечать чинопроизводство Дубасов пригласил ротного командира подполковника Кускова и его пассию, сестру бравого капитана Бутенёва.

Дмитрий Николаевич и Зинаида Александровна сердечно поприветствовали подпоручика и сообщили, что до поздних часов, под свою ответственность, отпросили у родителей Натали.

Когда вчетвером вышли из подъезда, рядом с транспортом, привёзшим Акима, стояли ещё одни сани с извозчиком на облучке.

«Всё предусмотрено и, видимо, заранее оговорено», – поудивлялся в душе Рубанов.

– Ну, это же надо, – тихо сказал на ухо Натали, на секунду коснувшись губами её щеки сквозь вуалетку, – ни точильщика ножей у подъезда, ни бабы со швабрами... Кто же следующий? – пошутил он.

И не успела ещё честная компания расположиться в санях, как по тротуару прошёл одетый в брезентовый, испачканный сажей костюм, трубочист.

– Во! – указал на него пальцем Аким. – Трубочист! – чему-то обрадовался он, а Натали даже захлопала в ладоши.

– Это к счастью! – разглядывала плотную фигуру в высокой, похожей на феску, шапочке, с лесенкой на плече.

К лесенке была привязана метёлка с шарами, а за широким поясом виднелся грязнящий черпачок для выгребания сажки.

Сани тронулись, обогнав безучастного к ним трубочиста, а Натали для чего-то, дружелюбно помахала ему рукой, получив в ответ ослепительную, на фоне чумазого лица, улыбку.

У цирка Акима на самом деле ждал сюрприз, от которого, на некоторое время, он потерял дар речи, а лицо стало, как красно солнышко.

Рядом с широкими санями, запряжёнными дымчатой масти лошадьми, их ожидали два офицера с дамами.

Но офицеры-то ещё ладно, Дубасов с Зерендорфом, а дамы – водоплавающие гимнастки. На этот раз, правда, видимо для разнообразия, одетые в шубки и меховые шапочки, вуальки на которых были подняты.

Они ничуть не покраснели, а раскованно протянули руки для поцелуя.

Пока Дубасов с Зерендорфом по очереди лобызали руки Натали и её тётке, немного пришедший в себя Аким спросил у блондинистой Полины, какими судьбами они оказались здесь.

– Вы думаете, – шёпотом ответила та, – мы живём в Дудергофском озере? Ошибаетесь, мы петербурженки, к тому же – взрослые дамы, закончившие в прошлом году гимназию. Наталья с Зинаидой Александровной, по просьбе господ офицеров, с превеликим трудом отпросили нас у родителей на сегодняшний вечер, до поздних часов, покататься на санях.

«А мне ничего не сказала, – удивился Аким, – что за тайны мадридского двора?» – пошёл поздравлять его благородие подпоручика Дубасова.

– А я Зерендорфа с Варей познакомил, – отчего-то покраснел Дубасов. – Аким Максимович, будьте так любезны, и забудьте, что вы видели на озере, – просительно произнёс он.

– То есть, «щука» кричать нельзя, – подколот приятеля Аким, на что тот молча показал ему здоровенный кулак. – Понял, – согласился с весьма веским доводом и полез занимать оставленное ему место в расписанных цветами и петушками в русском стиле, санях.

Место его было крайнее, у высокой спинки, с перекинутым богатым ковром.

Рядом сидела Натали, бок о бок с ней водоплавающая Полина, а ближе к монументальному бородатому детине-возчику в синем кафтане и четырёхугольной меховой шапке с павлиньими перьями, взгромоздился подпоручик Дубасов.

Напротив, на покрытой ковром скамейке, расположились подполковник, Зерендорф и их дамы.

– Трогаемся, господа?! – утвердительно и в то же время с вопросом, прогудел извозчик.

Не получив ответа от весёлой компании, чмокнул губами и слегка дёрнул три пары вожжей.

– Вот она, птица-тройка, – завизжала Натали.

Ясное дело, её голос потонул в визге «водоплавающих». Те вопили самозабвенно и с восторгом.

Но их заглушил вопль Зерендорфа: «Красо-о-ота-а!», после которого кони понесли, а в санях повисла изумлённая тишина.

– Дамы думают, что лишь они умеют визжать, – развеселил компанию Рубанов.

Жизнерадостно звенели бубенцы, оптимистично скрипел снег, весело свистел ветер в ушах, и ужасно приятно пахло морозом, молодостью и любовью.

Сани, между тем, уже неслись по пригороду, мимо детей в огромных валенках и шарфах, завязанных на спине, с упоением лепивших снеговика.

Путавшаяся под их ногами беленькая, мелкая собачонка, то ли чтоб согреться, то ли из желания напугать непрошенных гостей, помчалась за санями, поднатужилась, догнала и испустила такой душераздирающий вопль, что заткнула если не за пояс, то за ошейник, даже Зерендорфа.

Вся без исключения компания с уважением воззрилась на бледную немощь с прекрасно поставленным оперным голосом.

Но вот и тяжело дышащая собачонка осталась позади. Промелькнул красный кирпичный дом с прозрачными сосульками, свисающими с покрытой снегом крыши... И вокруг раскинулась безбрежная снежная равнина с далёкой рошей и уходящим за горизонт блеклым солнышком.

Наступило время сокровенного перехода дня в ночь... И вокруг безмолвие, нарушаемое лишь звоном бубенцов да стуком копыт.

Уставшие лошади пошли шагом, а сидевшие в санях люди, покинув город, поначалу не решались нарушить метафизическую тишину природы грубым звуком слов.

Так и ехали в тишине, думая и мечтая каждый о своём.

Монументальный извозчик тоже задумался и, предоставленные сами себе задумчивые лошади, сбились с дороги и встали, плотно застряв в сугробе.

Это почему-то всех, кроме возца, ужасно обрадовало. Что может быть романтичнее незапланированного приключения? А вокруг оснеженный, затихший лес и превратившаяся в тропу дорога. По этой тропе и пошли друг за другом, углубляясь в чашу и любуюсь заиндевевшими деревьями.

Прелесть тишины, как водится, нарушил Дубасов. Через пушистый снег пробрался к ёлке, подлез под неё и, зарывав медведем, обрушил на окружающих целый снегопад.

Дамы, согласно отработанному веками ритуалу, дико завизжали, затем засмеялись, отряхивая одежду, а виновник переполоха пострадал больше всех, по самую шею уйдя в рукотворный сугроб.

Уже в темноте побрели обратно.

Возчик успел вывести лошадей на дорогу и, сидя на облучке, ожидал загулявшую компанию.

Отдохнувшие лошади бодро пошли рысью. А вокруг волшебство зимней русской ночи... И лишь напоминают о близкой цивилизации мелькающие вдоль дороги телеграфные столбы. И безмолвие... Затерянной в глубине гиперборейской страны, равнины и горстки людей на ней.

Аким, сняв перчатку, накрыл ладонь Натали своей ладонью. Рука её была холодна, а муфта лежала на коленях.

– Натали, у тебя ледяная ладонь, – сжал её руку и к своему удивлению почувствовал исходящий от ледяной ладони жар, который тут же передался ему.

Он глянул на девушку и увидел две таинственные луны в её глазах.

– Натали, у тебя лунные глаза...

Задумавшись, она не ответила. Её ледяная рука пылала, передавая тепло Акиму.

А в лицо летел снег... и звёзды... и рядом лунные глаза... и зимняя ночь... и звон бубенцов... и тепло девичьей ладони... От которой у Акима пылали щёки и кружилась голова.

«Может это от быстрой езды? – думал он, точно зная, что тепло и дрожь, и счастье исходят от сидящей рядом Натали. – Неужели я её люблю?»

На миг показалось, что зима обернулась весной, и это не снег, а зацвели яблони... И он даже уловил их душистый запах.

А тройка ворвалась уже в пригород. Вновь промелькнул бесцветный в темноте кирпичный дом, с серебрившейся в лунном свете крышей со свисающими сосульками. Добродушный снеговик с ведром на голове плавно проплыл мимо них и растаял в темноте. Улица была бела и пустынна. Дети и пушистая оперная прима, дрыхли без задних ног.

Кучер остановил взмыленных лошадей на набережной Мойки у ресторана «Донон».

– Приехали. Вот и «Долдон», – внёс светлую струю веселья в сумрак ночи Дубасов.

– Не «Долдон», а «Додон», – поправил его подполковник.

– Сам ты долдон, – съязвил Зерендорф.

– А ведь я уже офицер, и запросто могу защитить свою честь на дуэли, – расплатился с Гераклом в извозчицкой форме Дубасов. – И вообще, какая разница: «Додон», «Долдон» или «Гвидон»... Главное, что забегаловка первоклассная, – остановился перед массивной дубовой дверью, которую тут же распахнул швейцар.

– Это наших часовых не дозовёшься, особенно твоего... как его...

– Моего денщика Петьку Ефимова, – жизнеутверждающе хохотнул на всю улицу подпоручик 145-го пехотного, разбудив в ближайших двух кварталах всех военных старичков-пенсионеров.

Вымуштрованный, в отличие от Петьки Ефимова, швейцар в новенькой ливрее, с благообразной рожей, украшенной ухоженными пушкинскими бакенбардами, с почтением раскланялся с каждым посетителем.

Царственным взмахом руки передал компанию служителю с умильным выражением лица, сообщавшим клиенту, что его-то с нетерпением и ждал всю жизнь. Аккуратно шагая по мягкому ковру, тот довёл их до гардероба и передал на руки десятку ухажёристых гардеробщиков, накинувшихся на пришедших, и отнявших кто шапку, кто шубку, кто шинель. Всё это с ужимками, улыбками до ушей и поклонами.

Затем, словно по мановению волшебной палочки или какого-то тайного сигнала, на пороге возник величественный метрдотель, с расчёсанной надвое бородой и внушительным животом, который безуспешно маскировал смокингом, и провёл их в зал.

– Господа, – гудел метрдотель, – располагайтесь, где вам будет удобно. Хотите, поближе к сцене, если не будет мешать разговорам музыка, хотите – подальше от неё.

Место, как самая опытная и практичная из женщин, выбрала Зинаида Александровна. Разумеется, подальше от сцены.

– Нам два стола, пожалуйста, составьте, – распорядилась она.

Выпрыгнувшие, будто из кармана метрдотеля четыре официанта в великолепно пригнанных фраках и белых перчатках, шустро сдвинули два стола, накрыли чистой скатертью и мгновенно принесли дополнительную сервировку и лёгкую закуску.

Расселись, практически, как в санях, только не на скамьях, а на мягких стульях.

Дубасов, взяв пример с метрдотеля, стал величественен и серьёзен, доброжелательно слушая, как тот ловко, словно он матюгами, оперирует названиями французских вин и закусок. В голове у него вертелась вдовья старушенция Клико, и какая-то неизвестная жрачка «ля-пари-зьен»... Но что это такое и с чем едят, подпоручик-охтинец не знал.

«Чего там Рубанов в «Буфе» заказывал?» – мучительно вспоминал он.

Составлять меню взялась Зинаида Александровна.

Дубасов всё же рискнул вклиниться – герой дня как-никак, и торжественно, словно команду полку, произнёс:

– Милейший, и не забудьте старушку Клико...

Метрдотель кивнул головой и чиркнул в блокноте, уважительно глянув на клиента. Всё выяснив и записав, полковничьим голосом отдал распоряжение вышколенным официантам и те, мгновенно исчезнув, тут же появились, неся вина и закуски.

Пир пошёл горой. Из официантов остались только двое. Расположившись за спиной посетителей по обе стороны стола, неотступно следили за клиентами, предупреждая малейшие желания. Когда Рубанов потянулся за солью, один из них тут же подал солонку. Когда Дубасов достал портсигар, официант мигом протянул зажжённую спичку, вызвав в подпоручике мысли, поменять на него денщика Петьку Ефимова.

– Это вам не армия, – похвалил обслугу подполковник Кусков, как только утолил первоначальный голод и тоже блаженно закурил, воспользовавшись помощью услужливого официанта. – А денщик сейчас бы, почёсываясь, стал выяснять: «чего изволите приказать, вашвыскородьбродьсковородь». Затем, позёывая, стал бы ходить по комнатам, разыскивая спички, – развеселил офицеров. – Не найдя, притащил бы на грязном совке уголёк от самовара, и добился бы того, что курить расхотелось, и офицер бы послал его к чёрту вместе со спичками и грязным совком.

– Денщикам следует у официантов учиться, – согласился с ним Рубанов.

– Дамы и господа.., – не слушая Рубанова, продолжил Кусков, снимая запотевшее пенсне.

Официант достал платок и кинулся, чтоб протереть его, но Зинаида Александровна сама справилась с этой задачей.

Надев пенсне, Дмитрий Николаевич произнёс:

– ... Меня переводят командиром батальона в московское Александровское военное училище, – вновь затянулся дымом. Выпуская его аккуратными колечками, внимательно оглядел офицеров. – Ясное дело, Александровское училище стоит на втором месте после Павловского, – ублажил их души, – но я сделаю его первым, – хряпнул по столу здоровой рукой.

Дамы вздрогнули, а из-под земли вырос дородный метрдотель.

Мановением руки удалив его туда, откуда появился, подполковник закончил монолог:

– Мы обсудили сложившуюся ситуацию с Бутенёвыми. По словам врачей, петербургский климат вреден Константину Александровичу, и вскоре семья переезжает в Москву.

– Да, Натулечка, мы не говорили тебе, но сейчас всё решено, – затараторила Зинаида Александровна. – К тому же, выдаю тебе страшный секрет, – громко произнесла она, выдав секрет ещё половине зала, – в Москве состоится наша свадьба с господином подполковником, и я стану мадам Кусковой, – задохнулась она от счастья, а Дмитрий Николаевич обречённо, словно воздух свободы, выдохнул папиросный дым и раздавил в пепельнице окурочек, подумав, что потрясённый новостью официант пренебрёг им, и даже не пошевелился, чтоб услужить.

– Се ля ви¹, – по слогам произнёс он и закручинился, по-женски подперев щёку правой рукой.

Бывшие гимназистки захлопали в ладоши и что-то зачирикали, поздравляя тётю Зину.

Акиму стало грустно.

Ничего не изменилось вокруг: те же люди, тот же банкетный зал, а на душе стало пусто, тоскливо и одиноко.

«Как я буду жить без неё? – на секунду встретился глазами с Натали, и столько любви было в её взгляде...

Румынский оркестр заиграл танго...

«Она любит меня», – и тоска прошла, прошло одиночество и пустота, а душу омыла оранжевая волна счастья.

Волна душистых яблочных лепестков, весенняя волна любви, тепла и нежности к этой невысокой, стройной девушке, с глазами цвета танго.

Узнав, что скоро надолго расстанутся, Натали с Акимом старались встречаться как можно чаще.

Бутенёвы, рассудив, что подпоручик Рубанов, несмотря на то, что гвардеец и сын генерал-адъютанта, является скромным и положительным человеком, спокойно отпускали с ним свою дочь. К тому же, все их мысли были заняты переездом.

Подполковник Кусков с Зинаидой Александровной отбыли в Москву обустроить жилище и принимать под команду юнкерский батальон Александровского военного училища.

Так что Натали с Акимом были практически предоставлены самим себе.

Гуляли, катались на санях, посещали музеи и концерты. А там подошла Масленица – всенародный праздник веселья. Петербург на целую мясопустную неделю стал городом блинов и «веек».

– Натали, помнишь, как в детстве мы ждали, когда из окрестных чухонских деревень с началом Масленицы появятся сотни веек. Масленица у меня связана не столько с блинами – в детстве не отличался хорошим аппетитом, сколько с финнами и их шустрými лохматыми лошадами, запряжёнными в низенькие сани.

– Конечно, помню, – нежно взяла под руку своего кавалера юная дама. – А больше всего мне запомнились «рытцать копеек», куда б не просили их ехать. И когда папа в детстве спрашивал, каких конфет мне купить, я просила шоколадных на «рытцать копеек». Это его так веселило, – засмеялась она и вдруг вскрикнула: – Аки-и-м, – затрясла в восторге его руку, – вейка, вейка, – указала пальцем на низкие саночки, запряжённые маленькой лошадкой.

Они, словно попав в детство, любовались лохматой лошадкой. Вся упряжь и дуги были увешаны разноголосыми бубенцами и разноцветными ленточками.

Когда это звенящее чудо приблизилось, Натали взмолилась, вновь принявшись дёргать и трясти мужскую руку:

– Ну Аким, ну миленький, ну останови их и давай прокатимся.

Рубанов был счастлив. Ему нравилось, что она назвала его «миленький», нравилось, как по-свойски с ним обращалась, тормоша и трясая за руку, нарушая этим все нормы этикета.

---

¹ фр. такова жизнь.

– Натали, – улыбаясь, обратился к ней. – Ты сейчас привела бы в ужас не только своих классных дам, но и мадам Светозарскую, – остановил вейку с сидящим на облучке белобрысым чухной, смолящим короткую трубочку и помог даме устроиться в санях. – Эй, вейка, сколько возьмёшь?

– Рытцать копеек, – получил ответ, приведший в восторг Натали.

Кроме веек они освоили ещё один вид развлекательного транспорта – перевозку через Неву на деревянном кресле с полозьями. Для кресел с толкающими их конькобежцами, была специально расчищена широкая полоса на льду от одного берега до другого.

Расстегнув шинель и подложив одну её полу под Натали, чтоб было теплее сидеть на деревянной скамье, обитой грубой шерстяной материей, и, обхватив даму за плечи, чтоб было не холодно на ветру, они несколько раз пересекли Неву.

– Ваше степенство, – здорово повысил в звании тощего мужика на ржавых коньках, пыхтающего позади них. – Как опытному промысловику хочу сделать тебе выгодное предложение, – издалека зашёл Аким. – Сдай-ка мне, братец, в аренду своё кресло. Я сам его завтра потолкаю, а ты заработаешь за это пятишник.

– Целый пятишник, – обрадовалось «степенство». – Идë-ë-т. «Во дурачок, – подумал предприниматель, – оно вместе с полозьями лишь трëшницу стоит».

На следующий день Аким, одетый в тёплую тужурку, меховую шапку с зелёным бархатным верхом, которую взял напрокат у кучера Ванятки, и в гимназические штаны, оставшиеся от славных детских времён, предстал пред ясны очи любимой. Через плечо у него были перекинута не аксельбанты, а коньки.

– Мон ше-е-р, – оглядела его Натали, – я вспомнила гимназические годы, – рассмеялась она.

– А елозящего червячка вы не помните, сударыня? – уселся на скамью арендованного кресла и, сопя погромче вчерашнего толкача, надел коньки. – Когда-то я был неплохим конькобежцем, – сообщил даме и стоящему рядом «степенству», зажавшему ладонью карман с денежкой – как бы ветром не выдуло. – Прошу, – поцокав коньками по льду, указал даме на скамью, и, профессионально пыхтя дачным паровозиком, покатыл кресло к другому берегу.

На середине Невы, запыхавшись, сел рядом со смеющейся Натали.

– Дальше ты вези, – задыхаясь, произнёс он, приведя даму в полнейший восторг.

Собрав в кулак волю и последние силы, вновь принялся толкать кресло.

– И почему его называли развлекательным? – стонущим голосом, выпуская клубы пара, произнёс он, провиснув ковром через спинку транспортного средства.

И тут смеющаяся Натали поцеловала его в щëку.

Акима бросило в жар и, заломив шапку, он бодро заскользил к близкому уже берегу. Затем, уразумев выгоду, вновь провис ковром, заработав ещё один сладкий поцелуй. Развернув кресло, помчался обратно.

На середине реки Аким сделал вид, что потерял последние силы, и склонился над Натали. Вуалька была поднята и, не удержавшись, он коснулся губами нежной кожи щеки, ощутив едва уловимый запах духов.

Натали обернула к нему лицо, собираясь что-то сказать. И это «что-то» было бы не гневное, как понял Аким, а так..., немного укоряющее.

Он не стал ждать обличительных женских слов, произнесённых к тому же не от души, а от правил хорошего тона, и не просто коснулся, а требовательно и жадно припал к её губам, обняв Натали за плечи.

Сделав попытку отстраниться, она подняла руки, чтоб оттолкнуть забывшего приличия офицера, но голова закружилась, и вместо того, чтоб оттолкнуть, руки обняли этого бестактного, и даже более того, нахального, но такого нежного и приятного мужчину. И она, забыв

всё на свете, ответила на поцелуй, воспарив от этого не то что на седьмое, а на восьмое или даже сто восьмое, небо.

Застонав от наслаждения, испугалась, вырвалась и, краснея лицом от стыда и счастья, с трудом произнесла:

– Ну нельзя же так...

– Конькобежцам можно, – безапелляционно заявил кавалер, сделав ещё одну попытку поцеловать даму, но на этот раз получил отпор, заключавшийся в опущенной на лицо вуалетке.

– Сударь, везите меня к берегу, коли конькобежец.

Глупо улыбаясь от счастья, Аким заскользил по льду, чуть не врезавшись во встречное кресло, где в обнимку с дамой сидел полковник Ряснянский.

Увидев своего офицера в гимназических штанах, в ямщицкой шапке, на коньках, да ещё с приглупейшей физиономией толкающего кресло, он поначалу немного очумел, потом взъярился, но пролетевшее пулей кресло уже подкатило к берегу.

– Чего это на нас так строго встречный офицер глядел? – задала вопрос Натали, сама и ответив на него: – Всё от того, сударь, что вы, потеряв голову, на этот раз не от музыки и расслабляющей обстановки бала, как говорила ваша любимая мадам Светозарская, а от холода, ветра и льда, прильнули к даме с весьма неприличным поцелуем.

Но в глазах её абсолютно не было гнева, а была любовь и какое-то, непонятное ещё Акиму отражение нежности, ласки и счастья.

– Не страсти ради, а дабы согреться, – глупо пошутил он, испортив даме настроение и удалив из глаз выражение ласки.

– Сударь, неужели вами двигало лишь чувство холода, а не иное высокое чувство.

– Натали.., – замолчал на секунду Аким, – любясь устремлёнными на него жёлтыми глазами, – я люблю тебя...

Глаза её распахнулись, губы задрожали, она что-то прошептала в растерянности, и отвернула зарумянившееся лицо.

– Да! У меня нет цветов. И сейчас не май, а зима. По понятием поэтов, не время любви. И стою перед тобой на коньках и в дурацкой шапке... Но я люблю тебя... Натали... И буду любить всю жизнь, – шагнул к ней и властно уже, приподняв пальцем мешавшую вуалетку, нежно поцеловал её в губы, а затем в солёные от слёз глаза.

Растерявшаяся и потрясённая Натали даже и не думала сопротивляться этому распоясавшемуся нахалу.

К тому же, никогда за свою жизнь, она не была так счастлива...

На вечер они запланировали поход в театр. Кучер Ванятка довёз молодых людей до Михайловской площади, и долго с недоумением наблюдал, как его барин, походкой подвернувшей лапы утки, ковыляет ко входу в Михайловский императорский театр.

Цветущая от счастья Натали, бережно придерживая хромого кавалера, шептала ему ободряющие слова.

– О-о, сударыня, ежели бы вы только знали, как ужасно ломают икры ног после коньков, то вы меня непременно бы поцеловали, – стонал кавалер, почему-то радуя этим даму. – Но ради любви я согласен вечно терпеть эти муки. Ангелы говорят, что это райское чувство. Дьяволы – что адские муки. А люди называют любовью, – театрально провещал Аким, чем ещё раз потряс Натали.

Но из-за духа женской противоречивости и дабы скрыть свою растерянность и счастье, поинтересовалась:

– Сударь, и часто вы беседуете с ангелами?

– Сейчас постоянно!

Усадив её, благо, их места находились с краю, сам встал позади и сделал вид, что толкает кресло по льду.

– Хорошо, что за нами места пока не заняты, – рассмеялась Натали. – Ну что ж, сударь, поехали к другому берегу, – веселилась она, стараясь всё-таки соблюдать светские приличия и явно не показывать, что безумно счастлива, а то светские дамы осудят.

– Ну уж нет, сударыня, – плюхнулся он рядом. – Одет не по форме, – указал на гвардейский мундир, – да и коньки в гардеробе оставил.

– Где-е?! – поинтересовалась Натали, с трудом сдерживая смех.

В театре давали французскую драму, а Натали хотелось не страдать и плакать, а радоваться и смеяться. Хотелось не слёз, а счастья.

Аким, наблюдая за страданиями героев, почувствовал облегчение в икрах ног.

«Человеку становится легче, ежели другому хуже», – пришёл он к парадоксальному выводу, когда главному герою, под бравурные звуки музыки, палач торжественно отрубил голову.

На следующий день, радостно взваливший на себя обязанности палача полковник Ряснянский, пригласив подпоручика в портретный зал, усиленно обдирал с него остатки плюмажа.

Рубанов, дабы не принимать нарекания близко к влюблённому сердцу, глядел сквозь Ряснянского на портреты бывших командиров Павловского полка.

Напротив него висел портрет генерал-майора фон Рейтерна, командовавшего полком с 1844 по 1851 год. Магнус Магнусович сурово взирал на подпоручика и хмурил брови. Соседний с ним генерал-майор Моллер Фёдор Фёдорович, руководивший бравыми павловцами с 1835 по 1844 год, и вовсе обличительно качал головой.

– Да куда вы смотрите, господин подпоручик? – обернулся Ряснянский, но никого за спиной не обнаружил. – У вас такое лицо, словно призрак увидели. Не-е-т, на вашем примере следует почистить плюмажи и другим офицерам, – выглянул из портретного зала, сфокусировав внимание на подпоручиках Зерендорфе, Буданове и Гороховодатсковском, а так же на поручиках 13-ой и 14-ой рот Яковлеве и Алёшке Алексееве. – Хорошо! Вы-то мне и нужны. Господа, прошу в портретный зал, – широко, по-швейцарски, распахнул дверь.

– Никс, не иначе про вчерашнее узнал, – входя в зал, зашептал другу Яковлев. – Мы ведь поехали на Большую Морскую в «Кюба», а попали в «Вену», что на Малой Морской.

– Яша, думаю, возчик был пьян и завёз не туда.., а нам теперь отвечай, почему оказались среди завсегдаев ресторана: журналистов, актёров и адвокатов, – похмельно вздохнул Алексеев.

К их радости, про «Вену», под завязку набитую журналистами, актёрами, адвокатами и другой штатской сволочью, Ряснянский пока не знал. Поглядев на вошедших, он сразу же принялся за развитие правильных взглядов у подчинённых.

– Рассаживайтесь, господа, на диване и креслах, а вы, подпоручик Гороховодатсковский, смир-р-но! Равнение на меня! – вызвал улыбки собравшихся. – Как вы воспитываете своего подведомственного?

– В духе любви к полку, – растерялся Амвросий Дормидонтович.

– Любви к полку-у, – с лошадиной долей сарказма произнёс полковник. – Ваш подведомственный занимается тем, что, нацепив коньки, перевозит в кресле через Неву дам.

Аким покраснел и стал внимательно разглядывать портрет генерала Бистрома, командовавшего полком с 1815 по 1825 год. «Это большая польза, – подумал он. – Я лучше узнаю историю полка и его командиров. Магнус-то вон как рассвирепел, – перевёл взгляд на фон Рейтерна. – Почисте Ряснянского плюмаж бы надрал».

– Да что вы всё по верхам глядите, подпоручик, – обратился к Рубанову Евгений Феликсович, подкрутив кончики усов, чем вызвал безмерную зависть Буданова.

– То есть, как это на коньках дам перевозил? – заинтересовался Буданов, горестно потеревав пальцем над безусой верхней губой.

– Объясните офицерам, – уселся в кресло полковник. – И вы садитесь, господин подпоручик, – кивнул Гороховодатстковскому.

– Господа, – поднялся с дивана Аким. – Подпоручик Зерендорф в курсе того, как долго я ухаживаю за одной дамой... Но она неприступна.

Офицеры с интересом слушали товарища.

– Что только я не предпринимал. Катал на извозчиках и вейках, водил в театры и ресторан «Донон», – скользнул взглядом по поручикам, – но не заслужил даже лёгкого поцелуя.

– И это гвардейский офицер, – указал на него присутствующим полковник. – Я вот, например, вчерашнюю даму завоевал за... – закрыл рот ладонью, примяв грозно загнутые вверх усы.

– Продолжайте, Рубанов, – не слушал полковника заинтригованный Буданов.

– Женщины любят нетривиальные поступки, – освоившись, Аким стал прохаживаться перед слушателями. – Что же такое придумать, чтоб её поразить? – думал я.

Даже Ряснянский увлёкся рассказом, не говоря уже о других.

– И тут, господа, меня осенило... В голову пришла великолепная идея. Я не встал на колени, выпрашивая поцелуй, я его заслужил, – выпятил он грудь.

Насладившись неподдельным интересом в глазах слушателей и мысленно отобрав у полковника и приделав к головному убору плюмаж, продолжил:

– Я пригласил даму покататься в кресле, и предстал перед ней не блестящим павловцем, – укоризненно глянул на полковника, – не в парадном же мундире её катать, а в простой одежде, показав, что на всё пойду ради её любви и первого девичьего поцелуя... У вашей дамы поцелуй, полагаю, тысячный был, господин полковник, вот она мгновенно вам и поддалась...

– Да что вы себе позволяете, подпоручик, – возмутился, было, Ряснянский, но окружающие быстро загасили его пыл.

– Продолжайте, продолжайте, – загомонили товарищи.

– Да что продолжать-то. Когда замученный, я склонился над ней на середине реки..., дабы подбодрить, дама наградила меня поцелуем. А когда я, делая вид, что ужасно устал, довёз девушку до берега, то она из благодарности, позволила себя поцеловать.

– Молодец Рубанов, – было общее мнение.

Лишь один Ряснянский хмурил брови, соображая, что бы такое выдать язвительное. Однако Аким опередил его. Не глядя на полковника, он саркастически произнёс:

– Это вам, господа, не с проститутками в кресле кататься.

– Да как вы смеете, подпоручик, – взвился Ряснянский.

– Так я не про вас, я в общем говорю, – улыбнулся Рубанов.

«С полковником всё ясно», – пришли к выводу офицеры.

– Ежели от этого мероприятия такая польза, то и я завтра некую даму покатаю, – размечтался Зерендорф.

– И у меня не совсем блестяще дела обстоят, – взбодрился Никс. – Следует опробовать сей уникальный метод...

«Может Рубанов и прав, – пораскинул мозгами полковник, – про его отца говорили, что в начале царствования, в простом тулупе ходил, вот и стал генерал-адъютантом. Сынок явно по его стопам пошёл...»

В конце февраля наступил пост.

В первую неделю театры представлений не давали, и Рубанов посвятил эти дни службе.

Капитан Лебедев просто нарадоваться не мог на своего субалтерн-офицера. И даже Пал Палыч благосклонно глядел на Акима, задумчиво разглаживая седую, на две стороны, бороду.

«Может, толк из парня и получится», – размышлял он, построив роту на вечернюю поверку и прохаживаясь вдоль строя.

На стене, лицом к которой стоял личный состав, висели сделанные ротными умельцами фанерные щиты, на коих другие умельцы вывели имена георгиевских кавалеров, служивших в полку.

Остановившись под щитом со своей фамилией, Пал Палыч подумал: «Какие раньше прекрасные солдаты были, и даже офицеры, а сейчас... – с иронией окинул взглядом строй. – После русско-турецкой войны солдат ничему путному не учат... Вот и фельдфебель 2-ой роты так считает», – прокашлялся он.

Рота знала. Коли Пал Палыч откашливается, знамо дело, чего-нито выскажет неприятное, а то и вовсе поганое... Ишь, вид какой мудрый на себя напустил, ну чисто филин лесной, – шепталась рота, ожидая веского фельдфебельского слова.

– Вольно! – скомандовал для начала Пал Палыч, хотя рота давно стояла вольно, наблюдая за его передвижениями.

Аким, сложив руки на груди, смотрел на происходящее из дверей канцелярии.

– Половина роты вместо одеял, шинелями укрывается. Непорядок! – внушительно рявкнул он, вновь зашагав перед строем.

– Господин фельдфебель, дозвоьте сказать, – щёлкнул каблуками сапог ефрейтор.

«Это тот, что сапожную щётку уронил и наряд не в очередь от Лебедева заработал в день первого моего дежурства», – вспомнил Рубанов, облокотившись плечом о косяк и скрестив ноги.

– Говори Сидоров, коли приспичило, – разрешил фельдфебель.

«Хорошая русская фамилия, – мысленно отметил Рубанов, – практически, как моя. Не какой-нибудь Нилус или Гороховодатсковский».

– Господин фельдфебель, а на покупку одеял денег-то от казны не отпускается... Одеяла ни к мундирным, ни к амуничным вещам не относятся. Я уже восемь лет служу и знаю, что нижним чинам от царя-батюшки полагается шинель, шапка, фуражка, мундир, – стал загибать пальцы ефрейтор, – шаровары, поясной и брючной ремни, подсумки для патронов, котелок, кружка, ложка, баклага...

– Молча-а-ть, ржавчина! – рыкнул фельдфебель.

От этого рыка рота вытянулась во фронт, и даже Рубанов встал по стойке смирно, вспомнив, видимо, училищные времена. Но быстро исправился, выставив правую ногу вперёд и скрестив руки за спиной.

Пал Палыч остановился напротив бунтовщика, нахмурился, тоже убрал руки за спину и пару раз переместился с каблуков на носки сапог и обратно.

Покачавшись таким образом и успокоив этим нервную систему, спокойным уже голосом вымолвил:

– Я тоже не портянкой утираюсь и разумею, что нам от казны положено. И точно знаю, что в баклаге, которую ты все упомянул, вода должна булькать, а не винище, как у некоторых чересчур грамотных ефрейторов...

«Откуда знает? – перетрухнул Сидоров. – Ишь, телескопы выпучил».

– Ну, что на это скажешь, друг мой анисовый? – взяв пример с Рубанова, тоже выставил правую ногу вперёд. – Да и сейчас, кажись, винный градус в нутрах твоих бродит?!

– Никак нет, господин фельдфебель... То от портянок дух спиртной идёт. А раз в неделю и мухи веселятся, – рассмешил роту Сидоров.

– Му-у-хи веселя-я-ются, – вновь повысил голос фельдфебель, видя, что рота на стороне ефрейтора. – Всего восемь лет назад репы коровам из хвоста выдёргивал..., а тут разверз уста ефрейторские... Вот постоишь с полной выкладкой, да на морозе, у выгребной ямы, веселье-то мигом пройдёт. Неужто нам срамиться перед второй ротой и шинелями укрываться? – ото-

шёл от поверженного ефрейтора. Надо мной уже не то что мухи, ихний фельдфебель от смеха лопаётся. И не раз в неделю а, почитай, каждый божий день, да ещё по два раза, – волком зыркнул на Сидорова. – Допрыгаешься у меня, – решил сравнять ефрейтора с сапожной щёткой. – Ишь, хлебальник расстегнул... Фельдфебелю ещё перечить вооружился... Чтоб было! – веско произнёс он. Всем ясно? Вопросы есть?

Роте всё стало ясно, и вопросов не было.

Зато они мухами роились в голове Рубанова.

– Пал Палыч, – обратился он к фельдфебелю, когда тот появился в канцелярии. – Вы, конечно, дольше меня служите, – констатировал неоспоримый факт, на что фельдфебель одобрительно хмыкнул. – Так объясните мне, на какие такие деньги нижние чины одеяла купят. Их жалованья разве ж хватит на это? Год копить будут и то не накопят, – стал развивать мысль Рубанов. – Из чего денежное довольствие у рядового складывается? – как давеча ефрейтор, стал загибать пальцы, решив блеснуть перед фельдфебелем офицерской эрудицией. – Собственно, из небольшого жалованья. Из наградных денег, которые даются на приобретение дополнительного нижнего белья, на пошив и ремонт сапог. Из караульных денег, за несение службы в карауле... Но это всё по 50, по 55 копеек. На одеяла явно не хватает... И без сапог нижний чин ходить не будет, коли на одеяло истратит...

«Э-эх, воробышек неоперившийся», – с неожиданной для себя лаской подумал фельдфебель.

– Ваше высокоблагородие, – как положено, обратился к офицеру Пал Палыч. – Правильно вы всё говорите. Однако, кроме всего прочего, деньги идут за все парады и смотры, учения и манёвры в Высочайшем присутствии проводимые. А это очень даже неплохо оплачивается. Рядовой гвардеец получает рубль. Ефрейтор Сидоров – полтора. Младший унтер, – тоже стал загибать пальцы, – трёхшницю. Старший – пятишницю. Фельдфебель срочной службы – червончик, а сверхсрочной, целый четвертной от Его Величества. А деньги за вольные работы?! После лагерных сборов начальством на них предоставляется несколько недель. Занятий в это время не проводится, сами знаете. В казарме оставляют самую малость людей для караульной службы. Да неужто эти накопления пропить? Нехай лучше одеяла купят... Фельдфебель второй роты, Иванов Василий Егорыч, на этом настоял. Купили, черти. А ещё у них есть кот дрессированный, – тоскливо вздохнул Пал Палыч.

Аким с трудом сдержал улыбку, заметив чёрную зависть на лице несгибаемого сверхсрочнослужащего.

– Мы ведь царская рота, – уныло потряс головой царь и бог нижнего воинского контингента. – А у нас ни одеял, ни кота нет... – скрипнул он зубами.

– Зато в нашей роте патриотическое воспитание лучше ведётся, – неожиданно для себя обиделся за подразделение Рубанов. – И по стенам картины и щиты с георгиевскими кавалерами краше, чем во второй, у Василия Егоровича, – вышли они из канцелярии и стали разглядывать стены ротного помещения. – Вон, красота какая, – повёл рукой Рубанов. – Одни суворовские афоризмы, на карнизах художником выведенные, чего стоят. А картины батального содержания, – распалился Аким.

– Это да-а! – умильно глянул на молодого подпоручика Пал Палыч: «Толковый офицер из него выйдет», – подумал он. – Мне ещё духовного содержания картины нравятся, – указал на висевшую над входом в канцелярию картину «Крещение Руси». – Очень душевно написана и в красивую раму забрана. Пойдёмте в мою каморку, ваше высокоблагородие, глянете работу того же художника. Вольнопёром у нас в полку служил. Потом, говорят, в академию рисовальную поступил...

«Наверное, в Императорскую академию художеств», – подумал Аким, входя в крохотное помещение из двух закутков, где жил фельдфебель.

– Вот! – гордо указал Пал Палыч.

– Хорошая картина! – похвалил Рубанов, вслух читая название: «Въезд на осляти».

– Я, когда напсихуюсь в роте, приду сюда, гляну на неё, и так покойно мне становится... Думаю, и с чего я воюю с людьми... Да Бог с ними, со всеми... Даже и с ефрейторами вонючими.

Поднявшись в свою квартиру на третьем этаже казармы, Аким велел денщику подать чаю.

– Да не просто чай, – уточнил он, – ещё колбасы, сыру и булок. А то ты, Козлов, прямолинеен, как штык, – решил немного повоспитовать денщика. – Скажешь тебе – чаю... Один чай и несёшь. Плохо тебя фельдфебель уму-разуму учил, – сел за круглый стол, на котором валялись газеты, и вытащил из кипы одну.

«О-о! За рубежом, – стал читать заметку: «В английской официальной военной газете появился на днях приказ: «Строго воспрещается впредь господам офицерам ношение панталон...» В следующем номере появилась такая поправка: «... панталон с золотыми лампасами, как не соответствующих форме», – что до некоторой степени успокоило г. офицеров». Ха! Ежели бы у нас такое написали бы, и Козлов прочёл, сейчас бы подавал мне чай без штанов. Приказ есть приказ», – развеселился Аким.

– Да погоди ты со своим чаем, видишь, газеты читаю, – буркнул денщику, одетому по полной форме. «Та-а-к, какие ещё новости? – полистал газету. – Во. Реклама: «Красивые усы», – полюбовался кучерявым лохматым брюнетом с загнутыми вверх чёрными усищами: «Мечта всякого юноши», – прочёл он. – И подпоручика Буданова, следовало дописать. Так, чего там: «При употреблении Перуина-Пето, через удивительно короткое время вырастают длинные пышные усы и борода. Успех поразительный». С. Пет. Караванная, 16. – Вот куда Буданову следует наведаться, – отложил газету. – Как полезно, оказывается, читать. Но не Льва Толстого, конечно... Так. Из московского уезда. Чего там случилось? Ага!»

– Козлов! «Как там у фельдфебеля... Муха ржавая... Или ещё как». – Слушай сюда. Да поставь самовар на стол. Чего с ним обнялся: «В местности за Дорогомиловской заставой, из запертой кладовой отставного унтер-офицера Лобанова», – не знаешь такого? – обратился к денщику.

– Никак нет, вашевысокосковородие, – скороговоркой доложил тот.

– Говори, не части. Слушай дальше: «... неизвестно кем, посредством взлома, похищено 4 пуда ветчины и 3 уздечки, всего на сумму 26 рублей 50 копеек». – Уяснил, Козлов. Ох, гляди у меня, коли 4 пуда колбасы неизвестные похитят, – развеселился Рубанов. – А где 3 уздечки?

– Какие уздечки? – перепугался денщик.

– Ладно. Вольно. Разойдись, – вновь принялся за газету, прихлёбывая чай: «Настоятель кронштадского Андреевского собора протоиерей Иоанн Ильич Сергеев проезжал по Знаменской улице. Лошади чего-то испугались и понесли, сломав дышло». Чего могут испугаться? – стал размышлять Аким. – Бутылку какой-нибудь студентиска швырнул в них, вот и испугались... «У Льва Толстого температура». – От церкви отлучили, вот и заболел. Ага. 30-я Передвижная выставка. Интересно. Следует с Натали посетить: «На 30-й Передвижной выставке, на днях открывшейся в Петербурге, наиболее сильные вещи принадлежат Репину и Васнецову. Репин, за последние годы снова примкнувший к передвижникам, выставил 7 вещей, из которых лучшая – поясной портрет А.П.Боткиной. Небольшой прочувственный пейзаж дал симпатичный В.Д.Поленов». – Ну чего пишут, не поймёшь, – отложил газету. – Кто из них симпатичный – пейзаж или Поленов? Так. Отправка каторжников... Это мне не надо. Вот! Интересно: «В 1901 году добыча нефти в России на Апшеронском полуострове составило количество, равное 675 млн. пуд., т.е. больше против прежнего года почти на 75 млн. Кроме того, в Грозном добыто около 30млн. пуд. Таким образом, по добыче нефти Россия занимает первое место в мире, стоит выше Соединённых Штатов, в которых в минувшем году добыто нефти лишь

406 млн. пуд.» – Молодцы. Следует отцу статью показать, – взял следующую газету. – Пьяный конокрад. Театр и музыка: «Славе А.Д.Вяльцевой стало тесно в полонённой ею Москве и очарованном ею Петербурге, и блестящая представительница рафинированной цыганщины предпринимает триумфальное шествие по России. Начиная с 4-го марта г-жа Вяльцева даёт длинный ряд концертов последовательно в Харькове, Николаеве, Елизаветограде, Кишинёве, Одессе, Киеве, Херсоне, Баку, Тифлисе, Батуми, Ростове-на-Дону. Словом, весь юг должен лечь к ногам дивы». – Это маме дам почитать: «7-го марта в С.-Петербурге концерт Л.В.Собинова». – Прекрасно. Вот куда Натали приглашу. Что ещё? «Мещанин М. продавал пышки, торговля не шла. Устроил лотерею. От народа не было отбоя. Препровождён в участок.» – Зарубежные новости: «Недавно, известный американский богач Вандербильд, наехал на своём автомобиле на мула, за поранение которого имел неосторожность заплатить 1000 рублей. С этого времени ему более невозможно ездить на моторе, т.к. при виде его, со всех сторон появляется множество мулов, очевидно, пригоняемых их владельцами, чтобы получить вознаграждение». – Это надо их под колёса кидать. Зерендорфу дам почитать. Далее, – полистал газету: «В Марьиной роще похищены чугунные ворота, весом 60 пудов. Ворота заканчивались в слесарной мастерской. Явился человек с санями, просил помочь сложить ворота и, приказав при-слать счёт, увёз их». – Молодец. Вандербильд наоборот. Ну, хватит на сегодня», – отложил газету и отставил чашку.

Согласно газетной рекламе, 7-го марта пригласил Натали на концерт Собинова.

Концерт Акиму не понравился, зато Натали была от Собинова без ума.

«Этим женщинам лишь бы какой-нибудь знаменитостью восхищаться... Толстым, Чеховым или Собиновым, – критически глянул на подругу Рубанов. – Ну почему бы не восхищаться подпоручиком лейб-гвардии Павловского полка», – гордо выпятил грудь.

Он не понимал ещё, что любим. А любовь – выше восхищения. Восхищаться можно и горгульями на соборе Нотр-дам-де-Пари.

– Натали, газеты взахлёб расхваливают выставку Передвижников, – обедая у Бутенёвых, Аким решил показать себя культурным человеком. – Выставлены картины Репина, Васнецова и симпатичного Поленова, – чокнулся рюмкой с главой семейства. – Натали, ну чего ты вот сейчас фыркнула? – аккуратно поставив рюмку, стал выяснять Рубанов. – Так в газете написали: «Небольшой прочувственный пейзаж дал симпатичный Поленов», – попутно рассказал Бутенёву про унтера Лобанова.

– Это ж надо, – закусывая ветчинкой, смеялся отставной капитан. – Четыре пуда ветчины стащили... А чего там ещё пишут?

Выслушав про Вандербильда и от души повеселившись, Константин Александрович пришёл к выводу, что по-глупому разбрасываться деньгами негоже. В чём его полностью поддержала и супруга.

Похищенные чугунные ворота привели Бутенёва в полнейший восторг.

– Ну-у, змей, – промокал платком слезящиеся от смеха глаза. – Ну, учуди-и-л. Ещё и на сани помогли уложить... А вот у нас был случай...

Но рассказать не успел, раскашлялся и, приложив к губам платок, вышел из-за стола.

Вера Алексеевна бросилась вслед за мужем, а Рубанов, откланявшись, стал собираться домой.

В конце марта, по приглашению Рубанова-старшего, его посетил Сипягин.

Расположились они в кабинете хозяина дома. Накрыв стол перед камином, так как погода стояла прохладная, лакей Аполлон был выдворен, но его место заняла Ирина Аркадьевна.

– Чего изволите приказать, ваши высокоблагородия? – пошутила она, усаживаясь за стол. – Как себя чувствует Александра Павловна, – поинтересовалась у гостя. – Восьмого марта, на ваше день рождение, она немного прибавляла...

– Сейчас лучше. Простуда прошла.

– Дмитрий Сергеевич, у меня к вам один вопрос, как к министру внутренних дел... Понимаю, что это нетактично, – покосилась на мужа. – И ещё понимаю, что моему супругу не терпится поговорить с вами тет-а-тет, – улыбнулась она.

– Что за вопрос, уважаемая Ирина Аркадьевна, – пригладив окладистую бороду, поинтересовался Сипягин. – Я весь – внимание, – улыбнулся хозяйке дома.

– Я-то не особая почитательница таланта господина Алексея Максимовича Пешкова, – издали начала она, переводя взгляд с мужа на гостя. – Да вы наливайте, господа, – подбодрила мужчин. – И мне, если не затруднит.

– Ну ка-а-к можно, – с иронией проронил Максим Акимович, разливая по рюмкам коньяк. – Говорите, матушка. Мне тоже интересно, что у вас за вопрос. Думаю, вас интересует судьба мошенника, стибрившего чугунные ворота, о котором давеча рассказывал сын, – поставил на стол бутылку с шустовским коньяком.

– Ну конечно... И особенно мучает вопрос, кто же – как вы, сударь, вульгарно выразились, стибрил у унтера Пришибеева 20 пудов сала, – рассмеялась она.

– У какого унтера? – заинтересовался министр внутренних дел.

– Да это старший отпрыск в газетах прочёл, – пригубил коньяк Максим Акимович. – Интересуется парень нашей действительностью. От него узнал, что Россия в прошлом году обставила Соединённые Штаты по добыче нефти. Знай наших, – допил коньяк.

– Да-а. Россия экономически крепнет, что пугает западные финансовые круги... Ваше здоровье, Ирина Аркадьевна, – выпил коньяк и закусил лимонной долькой Сипягин. – Это нанесло сильнейший удар по корпорации Рокфеллеров «Стандарт Ойл».

– Ого! – потрясённо поглядел на гостя Максим Акимович. – Я и названий таких не слышал.

– А наши поставки зерновых частично разорили английских сельхозпроизводителей...

– Пусть возвращаются к своим баранам, – поднял рюмку Рубанов.

– Извините ради Бога, Ирина Аркадьевна. Мужчины любят поговорить о политике. Что вы хотели спросить о Максиме Горьком? Я, конечно, догадываюсь...

– Это при дамах о политике, – уточнил Рубанов.

– А когда их нет, то о женщинах, – рассмеялась Ирина Аркадьевна. – Через четверть века, наконец, привыкаю к армейскому юмору супруга.

– О Максиме Горьком – это не обо мне ли? – поднял рюмку Рубанов.

– Дмитрий Сергеевич, – стала она серьёзной. – Вы правильно догадались. Именно хочу спросить о знаменитом писателе... А не о вас, сударь... Тоже мне, Максим Горький, – ласково улыбнулась супругу. – В конце прошлого месяца господин Пешков удостоился чести, которая для других писателей явилась наградой за долгие десятилетия творчества. Его избрали почётным академиком... Не успел ещё Горький получить подписанный августейшим президентом академии великим князем Константином Константиновичем диплом, как явившийся к нему полицейский чин вашего, господин Сипягин, министерства, предписал вернуть диплом. Вся Россия волнуется...

– Это студенческая Россия волнуется, – перебил её супруг. – Я-то вот не волнуюсь...

– Генеральской России что волноваться... Но ведь это скандал... Вы не находите, многоуважаемый Дмитрий Сергеевич, – несколько саркастически произнесла она.

– Нет, не нахожу, – чуть покраснел министр.

– Дорогая, по-моему, ты невежлива с гостем, – сделал замечание Рубанов.

– Да нет, всё нормально... Ирина Аркадьевна не первая, кто затрагивает эту тему. 10 марта «Правительственный вестник» опубликовал сообщение, я почти дословно помню его: «В виду обстоятельств, которые не были известны соединённому собранию отделения русского языка и словесности и разряду изящной словесности Императорской академии наук, выборы в почётные академики Алексея Максимовича Пешкова, привлечённого к дознанию в порядке ст.1035 Устава уголовного судопроизводства, объявляются недействительными».

– Резонно, – поддержал неизвестно кого Рубанов. – Ирина Аркадьевна, дражайшая супруга моя, а что бы вы сказали, ежели бы того мошенника, что чугунные ворота умыкнул, товарищем министра внутренних дел назначили?

– Перестаньте язвить, дражайший супруг мой, коли ничего в литературной жизни не смыслите, – с унтер-офицерскими нотками, произнесла Ирина Аркадьевна. – Дмитрий Сергеевич, – отвернулась от поверженного супруга, – но неужели члены академии в определении литературного таланта писателя обязаны руководствоваться полицейскими соображениями о его политической благонадёжности?

– Это мой брат, сударыня, вас так настроил? – наконец обрёл дар речи Максим Акимович.

– Разумеется, Георгий Акимович возмущён произволом, – с жаром воскликнула Ирина Аркадьевна. – И не только он. Известные писатели Короленко и Чехов вернули свои академические дипломы.

– Всё так, уважаемая Ирина Аркадьевна. Газеты, и не только русские, подняли настоящую истерию, потому как, по их понятиям, пострадал писатель-демократ... А представьте себе, что когда к сорока дням смерти Боголепова один известный журналист написал об убитом министре положительную статью, то ни одна газета не опубликовала её, – кто из принципиальных либеральных соображений, кто из-за страха перед активно насаждаемым демократическим мнением, подкрепляемым пулями террористов. Вот так-то...

– Давайте лучше по рюмочке, – попытался смягчить сгустившуюся обстановку Рубанов.

– Вам бы только по рюмочке, сударь мой, Максим Полугорький, – пылая лицом, воскликнула супруга. – А здесь вся Россия бурлит...

Но её муж после выпитой в одиночестве рюмки, уже обрёл уравновешенность и философское спокойствие духа.

– Во-первых, не только по рюмочке, можно и по стаканчику, во-вторых, почему полугорький?.. Дмитрий Сергеевич, сделайте милость, отправьте её, согласно Уставу уголовного судопроизводства куда-нибудь в Сибирь... Или в Рубановку, на худой конец, – засмеялся, довольный собой и юмором. – Тогда мы спокойно выпьем и побеседуем о дамах...

– Он не Буревестник, – спокойным голосом произнёс Сипягин, тоже обретая уравновешенность и философское спокойствие духа. – Он Чёрный Ворон России! Поглядите на знаменитую его фотографию... Весь в чёрном. В чёрной косоворотке. Сидит на чёрном стуле, с перекинутым через спинку чёрным пиджаком, и в чёрных длинных волосах...

– Однако в книготорговле, по словам профессора Рубанова, на него огромный читательский спрос. Буквально за несколько лет тиражи его книг достигли ста тысяч экземпляров. Такого ещё не было ни у одного автора. Даже у Льва Толстого, которого Горький, кстати, называет «мещанином».

– Преходящая мода. Всё это временное явление.

Ирина Аркадьевна с иронией глянула на своего гостя, и неожиданно ей стало страшно. Она удивилась этому страху и не поняла, чего испугалась... А затем ей до слёз, до спазм в горле стало жалко Сипягина. «За что я его?» – подумала она, вновь глянув на министра, и замерла даже не от страха, а от ужаса. На долю мгновения ей показалось, что над головой Сипягина сияет светлый нимб.

Побледнев, она поднялась и ласково положила ладонь на рукав егермейстерского мундира. Простите меня, Дмитрий Сергеевич. Я не хотела вас обидеть, – вышла из комнаты, оставив мужчин одних.

– Устава уголовного испугалась, – успел крикнуть вслед супруге Максим Акимович, но она не обернулась, абсолютно не отреагировав на шутку.

Озадаченный, он уставился на Сипягина.

– И дался ей этот Горький, – поводит рукой над столом. – Давайте по водочке? – по ассоциации с писателем, предложил Сипягину.

Тот одобрительно покивал головой, без всякого признака нимба.

По унтерски выдохнув воздух после водки, Рубанов продолжил:

– А ведь я, Дмитрий Сергеевич, почти на 10 лет старше вас. Вам недавно 49 исполнилось, а мне в сентябре – 59 стукнет. Даже грохнет... Весьма серьёзный возраст, – вздохнул он. – Ну что, ещё по единой?

– Бывшего босняка Горького ещё можно понять, но чем недоволен ваш братец и такие как он либералы... За Россию страдают? А на деле, с помощью газет, создали в стране удушающую атмосферу общественного мнения, отрицающего всё православное и патриотическое, и фрондируют отрицательным отношением ко всем начинания императора и власти, – в раздражении, одним глотком опорожнил рюмку. – Кроме критики, сами-то, что делают для народа..., тех же рабочих, например... Только баламутят их. А правительство открывает читальни, организует и поощряет трезвые народные гулянья в парках, нанимает артистов для проведения концертов и спектаклей. Недавно читал отчёты Невского общества устройства народных развлечений. Стараются для простых людей. Проводят танцевальные вечера, открывают народные хоры, летом в парках и скверах устраивают кегельбаны, карусели, гимнастические площадки. Пусть народ соревнуется в силе, ловкости и беге. Да ещё раздают различные призы: сапоги, часы, шапки, гармони. Рабочие это видят и ценят. Интеллигенты и писатели в своём большинстве хотят видеть и видят только всё чёрное... Ага! Полиция разогнала бунтовавших рабочих во время Обуховских событий... Хотя полиция сильнее всего и пострадала. Им и патронов-то, практически, не позволили брать, дабы жертв не было... И я, и полиция, стараемся защитить народ от произвола всяких молодчиков-заводчиков...

– Да ладно, Дмитрий Сергеевич, – несколько усомнился Рубанов.

– Вот, даже вы не верите, – расстроился Сипягин, – что же о других говорить. А московские фабриканты, во главе с Гужоном, обратились к министру финансов Витте с жалобой на московскую полицию, а значит и на меня, за то, что мы поощряем забастовки... – хохотнул он. – Всё оттого, что в Москве господин Зубатов, служащий по моему министерству, создал рабочую организацию для мирного развития рабочего движения с опорой не на Маркса, а на Христа. Интересы государства не всегда тождественны с интересами фабрикантов... И что тут началось... Интеллигенция с пеной у рта стала доказывать, что это «полицейская» организация рабочих. А мы старались дать рабочим образование. Просветить их. Им читали лекции профессора московского университета... Так другие профессора, не стану говорить о вашем брате, стали доказывать, что лекторов, выступающих в рабочей среде, подкупило правительство. Большинство профессоров испугалось за свою репутацию, и отказалось от лекций. Ну конечно... Ведь 19 февраля, в юбилей освобождения крестьян, 50 тысяч московских рабочих, с пением «Боже, Царя храни», вышли на монархическую манифестацию к памятнику Александра Второго Освободителя.

– Плохо то, Дмитрий Сергеевич, что правительство не афиширует свою положительную деятельность, а большинство газет, как вы сами давеча говорили, принадлежат оппозиции, и они выискивают соринку в глазу правительства, подавая это, как бревно, – отставил рюмку Рубанов.

– Вот то-то и оно! – поддержал друга Сипягин. – А Горький воспеваает не рабочих, а всяких босяков, лентяев и изгоев... Вот они, современные герои, на кого следует равняться...

– Ха! Лев Толстой давно в холщёвых штанах и лаптях на босу ногу расхаживает, – хмыкнул Рубанов. – Я-то хоть тулуп для пользы дела одел, – оправдал себя под добродушный смех Сипягина.

– Ну что ж, Максим Акимович, давайте выпьем за крейсер «Варяг», вошедший в прошлом месяце в состав Тихоокеанской эскадры, и по коням... То бишь, по домам. Пора и честь знать. Вздремну пару часиков, и в министерство, – оправил ворот егермейстерского мундира, который любил крепче генеральской формы или статского сюртука. – Звание царского егермейстера мне намного дороже и милее сердцу, чем должность министра внутренних дел... Но ежели государь изволил высочайше утвердить..., следует служить, – старчески закричал, поднимаясь со стула и вынося своё крупное, неловкое тело из кабинета, дабы попрощаться с Ириной Аркадьевной.

– Когда же, милостивый государь и друг мой, Дмитрий Сергеевич, ещё навестите меня, грешного?

– Когда? – задумался, остановившись в дверях, Сипягин. – Второго апреля должен присутствовать на заседании Комитета министров в Мариинском дворце..., а вот вечерком милости просим ко мне. Угощу, чем Бог послал. Посидим в моей любимой трапезной в древнерусском стиле и поснедаем... Да благоверную возьми. Ибо, кроме моей супруги, её сестра с мужем, Сергеем Дмитриевичем Шереметевым будут... Вишь как получилось, – говорком русского простачка зачастил Сипягин, – он Сергей Дмитриевич, а я Дмитрий Сергеевич... Сколько шуток по этому поводу от своих жён наслушались...

– За прялки их следовало при лучине посадить, – посоветовал Рубанов, на всякий случай выглянув из двери – не слышит ли Ирина Аркадьевна.

В полдень 1-го апреля, вальяжной походкой, хлыщевато звеня шпорами, в каретное заведение на Бассейной, вошёл красавец-поручик в светло-серой офицерской шинели.

Сняв фуражку и пригладив шелковистые белокурые волосы, он сумрачно глянул на подбежавшего бородастого, в заношенной жилетке поверх ситцевой рубахи, хозяина.

– Ну, милейший, – брезгливо оттопырив губу, произнёс офицер, – и запах у вас тут, – достал белый батистовый платок и помахал перед носом. – Наш полковник вот за эту неубранную кучу навоза, да-да, вон ту, что прет в конской моче, взгрел бы тебя, аспида, по первое число...

– Уберём, ваш высбродь, – покраснел жирной рожей хозяин. – Не извольте беспокоиться. Ах ты подлец, – заорал на подвернувшегося работника, – рази же таким макарон двор убирают. Всю территорию изгадил.

– Это не я, – огрызнулся работник. – Это лошадь изгадила...

– Я те, тудыт твою в копыто, покажу лошадь...

– Цыц! – в свою очередь рявкнул офицер: «Даже воробьи у просыпанного овса во фронт стали», – отметил он. – Завтра в 12 дня... Точно по выстрелу пушки с Петропавловской крепости, отмытая карета, та, что стоит под навесом, – указал рукой какая именно, – должна находиться на углу Невского и Троицкой.

– Бу-у сделано, ваше превосходительство, отчеканил хозяин, стоя, как и воробьи, во фронт. – Всё понял?! – рыкнул на работника бородач.

– И кони чтоб лоснились и блестели от чистоты... У-у! – на прощание сунул под бороду хозяина кулак.

На следующий день, карета конечно, запоздала.

«Ну что за бородастая оглобля этот хозяин?» – разозлился офицер и вошёл в кофейную, окнами на угол улицы.

Заказав стакан чаю, чем удивил стоящего за мраморным прилавком приказчика и дремавшего на мягком стуле жирного чёрного кота, офицер пристально вглядывался в окно на сутолоку пролёток и экипажей.

Отвлекла его от этого занимательного времяпровождения, вышедшая из боковой двери пышная черноволосая дама. Встав сбоку от офицера, она тихо, чуть склонившись, прошептала: – Ваше высокоблагородие, не желаете ли незабываемую ночь с француженкой?

– Это ты, что ли, француженка? – грубо поинтересовался офицер. – Пошла вон, пока жандарма не позвал, – кивнул на промаячившего под окном стража порядка и поднялся, надев белые перчатки и подхватив с соседнего стула плоский саквояж.

– О-о-й, оригинал какой, – уже в полный голос завопила вслед уходящему офицеру черноволосая женщина. – Можно подумать, не в кадетском корпусе воспитывался, а в Смольном институте благородных девиц, – чтоб успокоиться, погладила за ухом дремавшего кота. – Есть же подозрительные офицеры, – поделилась наболевшим с ухмыляющимся приказчиком. – Совершенно честью мундира не дорожит. А ещё аксельбант носит...

– Чего опоздал, – буркнул офицер и неловко полез в узкую дверцу подъехавшей кареты. – Ладно. К адмиралтейству, – не стал слушать оправдания вчерашнего работника, переодетого на этот раз кучером.

«Эх, и бардак в России, – закурил офицер, поправив на коленях саквояж, и благосклонно кивнул в открытое окошко отдавшему честь городовому. – Теперь уже всё ровно, – подумал он. – Главное, чтоб дело сделать... Чего-то ладаном пахнет, – закурил ещё одну папиросу поручик. – Видно вчера катафалком служила, – вынул из саквояжа запечатанный сургучом пакет и прочёл: «Его Высокопревосходительству г-ну Министру Внутренних дел Сипягину Д.С.»

Движение прекратилось. Выглянув в окошко, увидел, что карета остановилась на Дворцовой площади у Адмиралтейства. Раскрыв дверку, огляделся по сторонам. Слежки не было, а золотая адмиралтейская игла указывала ему на небо, направляя в бездонную синь, украшенную белесыми, как его волосы, облаками.

«Всё решено!» – со вздохом не то сожаления, не то какой-то надежды, захлопнул дверцу, велел кучеру ехать по набережной, к Николаевскому мосту.

Вздрыгнув от ворвавшегося в раскрытое оконце холодного ветра с Невы, чуть дрожа руками, закурил третью папиросу.

У моста карета остановилась.

Раскрыв дверцу, поручик вновь огляделся по сторонам, отметив улыбку юной курсистки, блеск солнца, свежесть Невы и белые, плывущие над головой облака.

«Жалко расставаться со всем этим... Но ведь и Он расстанется...»

– К Государственному Совету, – крикнул на «куда теперь прикажете?» – и, захлопнув дверцу, откинулся на жёсткую спинку, на минуту прикрыв глаза.

К Мариинскому дворцу, где заседал Госсовет, подъехал в ряду других карет и, выставив ногу в сапоге, чуть подрагивая шпорой, наблюдал за увешанным медалями помощником швейцара в парадной ливрее, суетившемся у карет, и помогавшем выходить из них министрам.

Наконец дошла очередь и до него.

– Господин министр внутренних дел подъехал?

– Никак нет, вашскобродь, пока не приезжали. Но вскоре должны быть, – отрапортовал бывший унтер, и даже приложил руку к своей швейцарской фуражке.

«Адъютант, судя по аксельбанту. Должно курьер», – размыслил он, придерживая дверцу кареты и не решаясь взять под локоток офицера – не развалина-министр.

Поблагодарив кивком головы, уверенно звеня шпорами, поручик прошёл в подъезд, где на площадке лестницы его встретил ещё один швейцар.

– Мне велено великим князем Сергеем Александровичем лично подать пакет министру внутренних дел, – высокомерно произнёс высокий белокурый офицер, недовольно звякнув шпорой.

Седоусый швейцар почтительно поклонился и тут же, забыв о военном, со словами: «Вот они, их высокопревосходительства», тряся животом, бросился к двери, встречать вошедшего в сопровождении выездного лакея, министра.

Барски сбросив на руки подбежавшему швейцару шубу, Сипягин огладил бороду и басом зарокотал, неизвестно к кому обращаясь:

– Запаздывает в этом году весна, запаздывает, – доброжелательно глядел на приближающегося к нему офицера.

– Адъютант великого князя Сергея, – зашептал министру швейцар, почтительно наблюдая, как тот достаёт из саквояжа пакет в сургучах и подаёт Сипягину.

– Письмо вашему высокопревосходительству от великого князя Сергея Александровича, – не сказал, а как бы прокаркал адъютант.

«Волнуется поручик, аж до спазмов в горле, – ласково покивал офицеру, принимая пакет и делая два шага в сторону, чтоб не мешать входящим, тут же вскрыл его, осыпав сургуч на красный ковёр вестибюля. – Интересно, о чём таком срочном сообщает великий князь, – вынул лист и удивлённо поднял брови – лист был совершенно чист. И ещё более удивился – испугаться не успел, увидев наставленный на него зрачок револьвера. – Что же, никто не заметил, как он вытащил его из саквояжа?» – вздрогнул от выстрела, и только тогда испугался, когда уходящим уже сознанием уловил второй выстрел...

Третий выстрел, пришедший в себя швейцар отвёл от министра, схватив офицера за руку.

Пуля попала в плечо завизжавшего зайцем выездного лакея.

– Что, что случилось? – тяжело дыша, произнёс вбежавший с улицы помощник швейцара и, поняв, с огромнейшим удовольствием смазал офицера по лицу.

– Не сме-е-ть, – тонким голосом завопил поручик.

– Чего стоишь, Парфёнов, закричал швейцар, обращаясь к помощнику, – руки ему крути, да наган отымай, – услышали ещё один выстрел, осыпавший крошку с потолка.

По устланной ковром лестнице сбегали люди. Другие, удивляясь, что не встречает швейцар, входили в дверь.

– Что происходит? – и замирали, видя лежащего на полу Сипягина.

– Да всё, всё, отпустите руку, – с удивившим его самого спокойствием, произнёс убийца, выпуская из пальцев револьвер, и как бы издали слыша: «Доктора-а... Пакет привёз... Что же его высокопревосходительство на полу... Поднять следует», – увидел запыхавшегося городского, и отстранённо наблюдал за сотворимой им суетой, сам толком не понимая ещё, что сделал.

Сипягин пришёл в себя от страшной боли и, застонав, всё вспомнил. А увидев промокшую от крови шубу, которую сердобольно кто-то подsunул ему под голову, осознал, что умирает... Что вся эта суета бессмысленна... И тут его охватил не страх, а ужас...

– Скажите жене..., – хотел громко сказать, но лишь захрипел и захлебнулся кровью... «Чистый белый лист..., – подумал он, из последних сил цепляясь за уходящее сознание, – белая чистая бездонность... Господи... Ещё хоть минуту...»

И уже уходя в небытие, в ту самую белую, чистую бездонность, прошептал: « Я верой и правдой служил государю, и никому не желал зла...»

А может и не прошептал, но именно так доложили императору, когда вечером того же дня, он стоял в окружении министров и царедворцев рядом с вдовой и, с трудом сдерживая слёзы, глядел на гроб с телом Сипягина.

Краем уха он слышал тихий говор: «Он умирал как истый христианин». «Последние слова были: «Я желаю видеть Государя Императора». «Какая подлость... Переодеться офицером... и убить...»

– Принимая высокий пост, ваш супруг, присягая пред Святым Евангелием «до последней капли крови служить Его Императорскому Величеству», сдержал слово, – тихо сказал Александре Павловне. – Ваш муж был одним из моих друзей, и вот его не стало.., – судорожно вздохнул Николай и окаменел лицом, вновь услышав шёпот придворных: «Не слышали, кого назначат на место усопшего?». «Ещё не решено... Но государь беседовал с Вячеславом Константиновичем Плеве...». «Неспроста всё это...».

Максим Акимович Рубанов в каком-то оцепенении стоял неподалёку от государя, и тоже слышал домыслы и разговоры, но они не трогали его ум и душу.

Прямо перед ним, на широком столе трапезной, под серебряным глаzetовым покрывалом, со сложенными на груди руками, лежал его друг.

«Вечерком милости просим ко мне», – вспомнил последние слова Сипягина. «Вот и встретились в любимой твоей трапезной...», – чтоб не выказать слёз, молча поклонился вдове с государем, и вышел из столовой.

В уличной суете, протиснувшись сквозь густую цепь полиции, среди министерских, дипломатических и дворцовых карет с гербами и золотыми орлами, с трудом увидел свою.

– Домой, – коротко велел гордо седевшему на облучке Ивану, пренебрежительно кивнув отдавшему честь полицейскому приставу.

«Поздно вы сбежались... Раньше суетиться следовало», – подумал он.

4-го числа Сипягина хоронили. За квартал от церкви, при главном управлении отдельного корпуса жандармов, где происходило отпевание, всё было оцеплено полицией.

На этот раз Рубанов стоял вдалеке от гроба, окружённого посланниками почти всех европейских держав, членами Госсовета, великими князьями и княгинями. Рядом с вдовой стояли Их Императорские Величества.

Когда мимо прошёл, отдавший какие-то распоряжения, статс-секретарь по делам Финляндии фон Плеве, толпа почтительно расступилась, пропуская сановника туда, где стояли небожители.

«Вот, вот идёт новый министр внутренних дел», – шептались в толпе.

«И откуда все всё знают, когда даже до меня, генерал-адъютанта, ещё не дошёл высочайший указ о назначении», – покачал головой Рубанов.

Однако вечером, после погребения, утомлённый курьер вручил ему оный указ.

В эти же дни православная Россия отмечала Вербную неделю.

Конногвардейский бульвар потерял свой строгий, презентабельный вид из-за сколоченных дощатых ларьков, натканных между деревьев по обе стороны бульвара.

Сюда-то, на Вербный базар, и пригласил Аким свою любимую.

Держась за руки, они наслаждались этим касанием. Вокруг толкались гимназисты, студенты, курсистки, домохозяйки и мелкие чиновники с жёнами.

Их целомудренную беседу прерывали бесконечные вопли торговцев, с шутками и прибаутками расхваливающих товар, смех молодёжи, девичий визг, когда заигравшийся влюблённый студент осыпал свою пассию конфетти или опутывал её серпантином.

– Новый год какой-то, – смеялась Натали, снимая с плеча длинную ленту серпантина.

Эта какофония звуков активно усиливалась трелями свистулек, треском бесконечно мелькавших тещиных языков, с шумом выпрыгивающих из коробочек чёртиков, брэнчанием балалаек, разливами гармоней и заунывным хрипом шарманок.

– Красавицы-ы, заходите-е, – надрывался, стоя у своего ларька, хорошо поддавший с утра малый, – для усиления вашей неземной красоты-ы, продаю плюшевые саки с аграмантами-и. В них даже старых дев враз берут заму-у-ж, – горланил он.

– Слушай, давай купим парочку, – воодушевился Аким.

– А второй-то зачем? – смеялась Натали.

– Как зачем, Ольге подаришь, – вразумлял даму Аким.

Увидев студента, торговец цепко ухватил очкарика за локоть, с надрывом возвестив лохматую:

– Господин ску-у-бе-ент... Как вам ноне повезло... У меня в ларе обретаются брюки гвардейского сукна... Самолучшая диагональ барона Штиглица. Вещь весьма модная, ужасно современная, и к тому же со штрипками-и. Прямо явно пошита для вас. Причинное место носить налево изволите?

Студент запыхал красным цветом революционного знамени. Одна его подруга, зажав рот, задышалась от смеха, другая, наоборот, замерла, надеясь услышать ответ.

– А вот когда я шил брюки у старика Норденштрема, – собрался развить весьма актуальную тему Рубанов, но к облегчению Натали, его отвлек торговец сбитнем, с медным бачком за спиной, укутанным драным ватным одеялом.

– Тё-ё-плый сбите-е-нь, – зерендорфским визгливым голосом завопил он, мигом забив продавца диагональных брюк. – Скусе-е-н необычайно-о, – погромел для подтверждения деревянной колодкой на поясе, с ячейками для стаканов. – Налив автоматическа-а-а-й, – погладил прикрепленную к баку медную трубку с краником. Разработка Путиловского завода-а.

Но его оттолкнул пирожник с жаровней на животе.

– С пылу с жару-у, пятачо-о-к за пару-у, – бычьим басом проревел он, вызвав уважение у сбитенщика и поддатого малого с брюками в руках.

– Мосинскую винтовку купишь? – прошептал ему Аким. – Изделие прямо с завода.

Подозрительно оглядев офицера в светло-серой шинели, продавцы шарахнулись от него в разные стороны, освободив место для манёвра.

– Что ты ему сказал? – с любопытством спросила Натали.

– Винтовку предложил купить, – пожал плечами Рубанов. – Щётка в хозяйстве не сгодится? – кивнул на слепого продавца в тёмных очках, с головы до ног обвешанного разнокалиберными щётками, начиная от маленьких – для усов, и кончая щётками для лошадей.

– Обойдусь, – хихикнула Натали и бросила серебряную монету в лежащую у ног торговца шапку.

Аким, достав из кармана шинели рубль, нагнувшись, положил его рядом с монетой.

Затем с интересом поглазели на картины с душещипательными и сентиментальными сюжетами.

– После господ: Васнецова, Репина и симпатичного Поленова, эти работы смотрятся с громадным восторгом, – солидно взял свою даму под локоток. – Мадемуазель, и чего вы всё вырываетесь от меня... Вот, полюбуйтесь лучше халтуркой, пардон, шедевром с дрожащей от холода русалкой на валуне. Или мрачным каменным замком на высокой скале, с лужей, пардон, озером у подножия, набитым белыми лебедями, и с двумя влюблёнными на мраморной скамье. У дамы оттого несчастный вид, что после поцелуя ей предстоит до утра подниматься по отвесной скале домой. А ведь утром в гимназию...

Пока он расписывал смеющейся Натали художественные достоинства шедевра, бойкая домохозяйка оттеснила своим обширным телом их в сторону и, не торгуясь, купила картину.

– Господа, а что вы думаете вот об этом натюрморте? – понял выгоду рекламы торговец, обращаясь в основном к офицеру.

– Овощам давно пора на помойку, – отбил у лавочника клиентку и, приманенный запахом, повёл Натали к продавцам вкуснящих горячих вафель с кремом.

Пеклись они при покупателях, и занимались этим исключительно греки.

Показав смуглому носатому эллину два пальца и сразу оплатив товар, Аким с Натали стали подогрывать в себе аппетит, наблюдая, как грек ловко залил чугунный противень жидкой массой теста, накрыв сверху другим, поколдовал в жаровне, затем свернул горячую вафлю трубочкой, наполнил кремом и протянул господам.

– Спасибо, мистер Одиссей, – вежливо поблагодарил Аким, передавая вкусняшку улыбающейся Натали.

Через пару минут принял от Одиссея ещё один деликатес.

А напротив торговали сахарной ватой – ну как не попробовать...

Вечером, когда Рубанов вёз Натали домой, беспечно балагурия, что на извозчике добраться легче, чем самой карабкаться по скале, она, задумчиво перебирая пальцами веточку вербы, грустно вздохнула, чем удивила Акима, и дрогнувшим голосом произнесла, глядя куда-то вдаль:

– В понедельник Страстной недели мы уезжаем в Москву...

Акиму даже показалось, что она всхлипнула.

– Как уезжаете? – оторопел он, ощутив какую-то пустоту в груди.

Весь сегодняшний прекрасный день поблек и потускнел, погрузившись в унылую великопостную атмосферу.

Натали заплакала, прижавшись щекой к его шинели.

– Ну чего ты? – гладил волосы. – Я люблю тебя, и как будет возможность, приеду... В конце года – обязательно. Какой-нибудь неположенный отпуск выпрошу, или, якобы, заболею на недельку, – склонившись, коснулся губами завитка волос.

Отстранившись, малость подумал, достал тётчин язык и дунул в него, чем, конечно, развеселил Натали.

– Ну какой же ты ребёнок, – подняв голову, нежно-нежно поцеловала его в губы.

«Всё! – обалдел Аким. – Перевожусь в 6-ой Туркестанский батальон...»

В понедельник, на страстную седмицу, Максим Акимович Рубанов заступил на очередное генерал-адъютантское дежурство.

В связи с началом страстной недели, больших приёмов не планировалось. К завтраку, на час дня, государь изволил пригласить лишь вновь назначенного министра внутренних дел фон Плеве.

В 11 часов дня, закончив заниматься с документами, Николай вызвал Рубанова в свой кабинет.

– Угощайтесь, Максим Акимович, – предложил генералу, указав на пачку папирос на столе.

Закурив, помолчали.

– Вы, как и я, были его другом, – произнёс государь и без всякого платка, тыльной стороной ладони, вытер заслезившиеся глаза. – Дым попал, – оправдал свою слабость и вышедшее наружу горе.

– Он ведь пригласил меня в гости на вечер второго числа, – нервно выдохнул дым Максим Акимович и закашлял, тоже вытерев слезящиеся глаза пальцами. – Это всё дым...

– Вся наша жизнь – дым..., – задумчиво произнёс Николай. – Давайте-ка кофейку попьём, – как-то по-свойски предложил он. – Народу вокруг много, а по душам-то не с кем поговорить... Вот с Сипягиным мог, – распорядился подать кофе. – Мы с Алекс любили его..., – помолчав, продолжил: – Это был прекрасный, добрый человек. И супруга его, Ара Вяземская, красивая умная женщина. Нам было интересно с ними... И вот... – жалобно и как-то по-дет-

ски шмыгнул носом государь. – Вы уж, друг мой, не рассказывайте, что я прослезился, – ласково посмотрел на своего генерал-адъютанта. – С кем-то ведь нужно поделиться... А жену не хочется расстраивать... Дмитрий Сергеевич как-то рассказал мне у камина за коньячком, – нежно улыбнулся Николай, вспомнив приятное, – что был влюблён в княжну Вяземскую ещё с молодости, женились-то они поздно, и даже делал ей предложение... Но та ответила, что её «надо заслужить», – в задумчивости отхлебнул кофе и переставил пепельницу на столе.

– А когда он был последний раз у нас, – произнёс Максим Акимович, – то моя супруга увидела над его головой нимб... Когда рассказала об этом, я поднял её на смех... И вот... – горестно покачал головой. – За что его? Он ведь никому не делал зла. Любил Вас, ваше величество и любил Россию...

– Вот, Максим Акимович, вы и ответили на свой вопрос. Был предан царю, за то и убили... Видимо, стало опасно любить царя и Россию, – отхлебнул остывший кофе, и чтоб успокоиться, бездумно пролистал попавший под руку блокнот. – Скажу вам откровенно, – отбросив блокнот, взял красный карандаш, – через три дня после покушения я написал в письме матери: «Для меня это очень тяжёлая потеря, потому что из всех министров, Ему Я доверял больше всего, а так же любил его как друга», – в задумчивости сжал кулак, сломав карандаш. – Так следует поступить с его убийцей. Велю Плеве судить преступника военным судом... А это – смертная казнь!

– И он заслуживает казни, ваше величество, – поддержал государя Рубанов. – Убийцу Боголепова судил гражданский суд, который не может выносить смертных приговоров. И вот бедного министра давно нет, а его убийца спокойно живёт... А Сипягин умер как православный барин. С мыслями о жене, государе и России. Когда он был курляндским губернатором, балтийские бароны любили его. Дмитрий Сергеевич обходился с ними вежливо, гостеприимно и доброжелательно. Не как высший губернский чиновник, а как русский боярин. Просто. Без высокомерия и хлебосольно. Потому-то столько их и прибыло на похороны Сипягина.

– Это был ЧЕЛОВЕК, – вздохнул император. – А вас, Максим Акимович, приглашаю на Пасху в Зимний дворец.

В Пасхальную ночь на 14 апреля, Зимний дворец сверкал огнями.

Сановный Петербург, да и то не весь, а лишь избранные счастливики, торжественно подкатывали в каретах к сиянию царского величия.

Согласно протоколу, приглашённые, разделившись по ведомствам и чинам, собрались в дворцовых залах: в Гербовом – высшие гражданские чиновники с супругами, в Аванзале – адмиралы и чины морского ведомства, в Фельдмаршальском – генералы армейских частей и военноучебных заведений, в Концертном зале благоухал букет придворных дам и фрейлин, соперничающих блеском украшений с жёнами генералов и сановников, пришедших с мужьями.

Чета Рубановых прошла в Николаевский зал, где собрались генералы и полковники гвардии.

В 12 ночи Светлого Христова Воскресенья придворные арапы распахнули двери Малахитового зала, и начался Высочайший выход к заутрене.

За гофмаршалом и камер-фурьерами в красных мундирах, появился церемониймейстер с жезлом, объявивший собравшимся о начале Высочайшего выхода.

Николай в мундире лейб-гвардии Сапёрного батальона, вёл под руку мать, вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. Следом вышли государыня Александра Фёдоровна и наследник Михаил. За ними – великие князья и княгини.

Когда Их Величества вошли в Большую церковь Зимнего дворца, со стен крепости прогремел троекратный орудийный салют, и началось богослужение...

Через три часа салют возобновился – Пасхальная заутреня закончилась царским многолетием...

После заутрени вернулись в Малахитовый зал, где были накрыты столы для разговенья.

– Ники, как я устала, – когда остались одни, слабым голосом произнесла царица.

– Аликс, сейчас твою усталость снимет как рукой, – достал он бархатную шкатулку. – Саншай, солнышко моё, закрой глаза, – бережно вытащил из шкатулки подарок. – А теперь можешь открыть, – улыбаясь, протянул ей ажурное пасхальное яичко из золотых листьев клевера, усыпанных мелкими алмазами и рубинами. – Сие творение называется «Клевер».

– Ники-и, какое чудо, – с восхищением взяла подарок и троекратно, со словами: «Христос Воскресе», расцеловала мужа. – А на ободке моя монограмма, императорская корона и дата «1902»... Какой всё-таки волшебник, господин Фаберже... И всё это в обрамлении цветов клевера, – вмиг забыла об усталости, как маленькая девочка радуясь подарку.

Николай радовался не меньше супруги.

«Дарить, на мой взгляд, даже приятнее, чем получать», – поправил обручальное кольцо на пальце.

– Санни, – назвал жену ещё одним ласкательным именем, – а внутри находится сюрприз, – подсказал ей Николай.

– Ой, Ники, – обрадовалась она и поднесла подарок поближе к лампе.

– Открой крышечку на шарнире, – добродушно подсказал Николай и засмеялся от удовольствия, увидев, как взрослая женщина запрыгала, словно ребёнок, любуясь четырёхлистником с миниатюрами дочерей. – Это символ нашего счастливого брака, моя любовь, – подошёл к жене и поцеловал её не троекратно, а один раз. Нежно-нежно, ласково-ласково. Так, что Александра затрепетала от этого поцелуя.

Не в силах отстраниться от супруга, она прошептала:

– Символ любви-и... Ники, я люблю тебя...

– Санни, я тоже тебя люблю, – вновь поцеловал её. – По русскому поверью, найти четырёхлепестковый клевер – к счастью... Мы нашли его!.. Вот они, четыре наших счастья: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия...

– Хочется ещё и пятое, – страстно ответила на его поцелуй. – Чтоб я шла с наследником-сыном...

В конце апреля Александра Павловна Сипягина попросила Плеве разрешить ей посетить Балмашёва.

Министр любезно согласился, и даже предоставил министерскую карету и выделил в сопровождающие жандармского ротмистра.

Суд уже вынес суровый приговор, и убийца ждал казни в старой Шлиссельбургской тюрьме, куда его недавно перевезли из Петропавловской крепости.

Трясаясь в карете, вдова убитого министра размышляла о том, сумеет ли она уговорить Балмашова подать прошение о помиловании.

«Скажу ему, что сама отнесу прошение императору, – поморщилась, уловив от сидящего напротив молодого ротмистра запах перегара. – Ведь студент ещё молод, и скорее всего его втянули в это грязное дело... И, против воли... Не понимаю, как по собственному желанию можно убить человека... К тому же, ничего тебе плохого не сделавшего... Конечно втянули... А ведь он способен ещё принести много пользы России. Ему ведь только 21 год. Вся жизнь впереди, – недовольно покосилась на улыбнувшегося офицера. – Нас ведь как раньше учили, – вспомнила хорошую свою знакомую, внучку поэта Евгения Баратынского. – Ксения Николаевна как-то зачитала мне завещание своей матери... Дай Бог памяти: «Я успела передать тебе этот светоч, который сама получила от своей семьи. Неси его высоко и передай своим детям, чтобы и они

несли его горящим и светящим, чтобы возвысить духовную культуру своей родины. «Не угашайте духа» – это был девиз твоей бабушки и мой... Иди в жизнь с горящим сердцем и ищи правду». Поразительно, как оно схоже с тем, чему учила меня моя мать. Потому и осталось в памяти, – вновь глянула на ротмистра. – Интересно, о чём он думает... Судя по его виду, вряд ли о высоком и возвышенном...».

Но была не права. Ротмистр думал о службе, а точнее, о киевской губернской тюрьме, где довелось послужить подпоручиком.

«Приехавший приятель поведал – как он выразился: «о пикантной проделке арестантов», – вновь улыбнулся жандарм, вспомнив, как его друг, захлёбываясь от удовольствия словами, рассказывал: «Представляешь, сидевшие в одной из камер верхнего этажа преступники сняли несколько досок с пола и, проломав потолок в нижнюю камеру, где находились женщины, спустились к ним... Прикинь, в каком виде застали их утром... Целый день допытывали счастливых не столько о том, как проломили пол – могли бы проломить стену и шурануть на волю, а чем занимались в женской камере ночью...», – ротмистр закашлял, чтоб сдержать смех.

Балмашов не спал всю ночь на новом месте. Камеру заново покрасили, и у него ломило голову от запаха краски.

После обеда он уснул, и ему ярко снился Зелёный остров, что под Саратовом. Потом привиделась Волга, и он долго плескался в тихой заводи. Вдруг увидел лиловый куст сирени и даже уловил её запах... И где-то переливисто пел соловей... «Как хорошо, – подумал он, – а то снится тюрьма, трели жандармских свистков, а вместо сирени – запах масляной краски, – ощутил, как кто-то потряс его за плечо. – Приятели будят на рыбалку», – с улыбкой подумал Балмашов, с трудом расцепляя глаза.

– Просыпайся, хватит дрыхнуть, гости пришли, – увидел побитую оспой, усатую морду унтера и понял, где сон, а где реальность...

Александра Павловна стояла напротив убийцы.

На неё удивлённо смотрел красивый юноша в чёрной косоворотке, с длинными спутанными белокурыми локонами.

«Это же ангел! – подумала она. – И глаза должно, голубые... Не вижу их в полумраке. Не может быть, что он убил моего мужа, – неотрывно глядела на высокого стройного юношу, почему-то пятывшегося от неё к стене. – Непременно следует уговорить его подать прошение».

Коснувшись спиной шероховатой стены, тот в ужасе глянул на женщину и закрыл лицо ладонью.

«Как он бедный, страдает... Как переживает и мучается...», – сделала шаг к нему, но стоящий позади ротмистр, предостерегающе дотронулся до её руки.

В этот миг молодой мужчина отвёл от лица руку и уже спокойно, с чувством внутренней уверенности, смотрел на женщину в трауре.

« У него не голубые, а чёрные глаза», – на этот раз ужаснулась она, наткнувшись взглядом на красное отражение свечей в чёрных зрачках.

И тут он улыбнулся...

«Да не может быть, мне показалось... Как он смеет при мне улыбаться. Я ошиблась в нём. У него чёрная душа и чёрные мысли. И весь он чёрный... Как падший ангел, стремившийся к свету, но ввергнутый в бездну тьмы...».

3 мая приговор привели в исполнение!

Что тут началось...

Газеты захлёбывались от возмущения...

Георгий Акимович Рубанов, на этот раз не один, а со старшей дочерью, посетил шамизоновскую квартиру и собравшееся там либеральное общество.

– Мы – демократический цвет Госсии, – произнёс первый тост папа-Шамизон. – Выпьем за нас.

Все с удовольствием поддержали идею тоста. Кому не лестно принадлежать к цвету демократии.

Бумажный фабрикант Шпеер провозгласил тост: За посетившую дом великую гадость, за профессора Губанова.

Лиза хихикнула: «Была Рубанова, стала Губанова».

Но, в общем-то, ей нравились эти смелые, прогрессивные, раскрепощённые люди, выступающие против деспотизма, сатрапов и произвола.

«А мой дядя – настоящий сатрап, – язвительно подумала она, – и кузены такими же станут».

– Убийцы-ы, – между тем бушевал Муев, – с интересом поглядывая на профессорскую дочку: «Высокая стройная блондинка.., а то одни брюнетки кругом. Следует присмотреться к ней». – Повесили такого умного и доброго юношу... – на сентиментальном подъёме закончил мысль.

– Мы не гостим им этого, – с волнением воскликнула Ася Клипович.

Но волнение было вызвано не казнью какого-то там русского студента, а нежелательным интересом Йоськи Муева к этой белобрысой дылде.

– Папеле-е, я написал статью о герое, убившем царского сатрапа...

«Зачем Яша назвал так отца при людях, – покраснела его мать. – Ни к чему лишний раз подчёркивать, что мы избранный народ – евреи».

– Я тоже принёс статью, – поднялся, держа в руках рюмку, Рубанов. – После этого убийства... да-да, вы не ослышались... Именно убийства студента... Между царём и нами, интеллигентным обществом.., возникла пропасть непонимания...

Начало мая в Женеве было необычайно тёплым.

Наслаждаясь прекрасным весенним днём Виктор Михайлович Чернов, помахивая тросточкой, не спеша брёл по Большой Набережной и любовался то живописным озером, по которому скользили белоснежные яхты, то белоснежной шапкой Монблана.

«Белое на синем... Синее небо и белый снег... Синяя вода и белые яхты... Тьфу. Так ещё и стихи начнёшь сочинять... Только и осталось, – пригладил растрёпанную ветром рыжую копну волос. – Вот потому я и косоглазый, – ухмыльнулся он, – вечно в две стороны гляжу, – приготовился обойти аккуратного, в отличие от российских, булочника, в белоснежном фартуке и колпаке, катившего небольшую синюю тележку со смазанными тихими колёсами. – И здесь синее и белое, – уступив дорогу предложившему свой товар булочнику, Виктор Михайлович отрицательно покачал головой, и пошёл дальше, размышляя о далёкой своей родине: – У нас в России мигом бы уцепил за локоть и во всю глотку стал бы орать, что у него лучшие в мире булки, и лишь тупые дураки, проходя мимо, их не покупают».

Когда Чернов добрался до Бульвара Философов, где жил основоположник партии социалистов-революционеров Михаил Гоц, наступило время обеда.

Вокруг круглого стола расположилось небольшое общество.

– Слава Богу, добрались, наконец, – импульсивно бросилась к вошедшему седая женщина и расцеловала его в обе щёки. – Вот, Михаил Рафаилович, и наш главный теоретик пожаловал, – обратилась к хозяину квартиры, сидевшему в медицинском кресле на колёсиках.

«У тележки булочника в точь такие колёса, – улыбнулся Чернов, и тут же осудил себя. – Это от Брешко-Брешковской язвительность передалась... Ведь не с почтением же она произнесла: «Гла-а-вный теоре-е-тик»», – пожал протянутую сухую руку и заглянул в грустные и влажные библейские глаза, переведя потом взгляд на вьющуюся интеллигентскую бородку.

«Улыбается, рад встрече», – облокотясь на ручку кресла, будто все силы ушли на рукопожатие, пригласил гостя за стол.

И лишь третий сидевший за столом толстый мужчина с одутловатым лицом, барабаня волосатыми пальцами и сверкая бриллиантом на безымянном, сделал вид, что не обратил внимания на пришедшего.

– Здравствуйте, Евно Фишелевич, – гость сам подал ему руку и, стараясь улыбкой скрыть раздражение, пожал толстую, потную, короткопалую ладонь, на секунду оцепенев под брошенным на него исподлобья острым взглядом.

– Очень рад, – буркнули жирные мокрые губы, хотя весь вид говорил об обратном.

«Даже не соизволил пальцы салфеткой обтереть», – усевшись на стул между хозяином квартиры и пожилой женщиной, незаметно обтёр о штаны показавшуюся ему липкой, ладонь.

Толстогубый продолжал есть, абсолютно не обращая внимания на произведённое им впечатление.

Для него важнее была собственная самооценка, а не что подумал какой-то там рыжий косоглазый малоросс.

«Хохол, если быть точным», – хмыкнул в тарелку толстяк, весьма удивив этим окружающих.

Чернов с ненавистью покосился на расплющенный нос и вывернутые губы Азефа. Он догадался, что смешок по его поводу.

Некоторую натянутость обстановки разрядила вошедшая симпатичная женщина с подносом в руках.

Поставив перед гостем тарелки – мягким, певучим голосом произнесла:

– Приятного аппетита.

Гоц, отвлекшись от темы разговора, с нежностью глянул на жену.

Закончив есть и отодвинув в сторону посуду, Брешковская окунулась в личные воспоминания. Смоля одну папиросу за другой и стряхивая пепел в чашку, с чувством произнесла:

– Да-а. В Забайкалье несладко пришлось... Две каторги и семилетнее поселение... Но жизнь – это борьба. И не только с царским правительством. Есть ещё и марксисты доморощенные... Рабочая партия, – сморщив и без того морщинистое лицо, осуждающе поморгала тёмно-серыми, не вяжущимися с лицом, молодыми глазами. – Меня-я... По мнению многих – бабушку русской революции, – благодарно глянула на окружающих, – какая-то пигалица стриженная, в Москве «Брешковиной» обозвала, – выставила перед собой руки со сжатыми кулаками, будто требуя от слушателей, чтоб вложили в них наганы. – Меня-я... Пигалица стриженная... «И народная ваша воля, с пролетариатом не связана», – пропищала мне в след. Легко ли такое от молодёжи слушать? – вновь поморгала молодыми своими глазами, обведя взглядом товарищей. – А ведь термин «социалисты-революционеры» я придумала, – вновь повеселела она. – Михаил Рафаилович, помнишь, когда из кровавой России приехала... Спросила тебя и Виктора Михайловича, – кивнула в сторону Чернова: «Товарищи, вы себя социалистами считаете? – Да! – ответили вы. – Революционерами? Снова «да!» – Вот оно и название, говорю», – захохотала она, вынудив задорным молодым смехом, всех улыбнуться.

Кроме толстого Азефа, конечно. У него имелось своё личное мнение. И изо всей этой разношёрстной компании, с долей уважения и симпатии, он относился лишь к Гоцу.

Тяжело поднявшись, Евно Фишелевич донёс своё огромное тело до окна, потом задумчиво прошёлся по комнате, и вновь усевшись, неразборчиво пробурчал, лениво шевеля толстыми губами:

– Товарищи, всё это, конечно, хорошо и романтично, Забайкалье там всякое, Саяны... – С удовольствием заметил, как бабушка русской революции поджала тонкие старушечьи губы. – Но Монблан и Швейцария, честно сказать, меня как-то больше устраивают, – захолопал себя по жирным ляжкам и басовито загыгыкал.

«Это он пошутить изволил», – саркастически улыбнулся Чернов.

– Мы собрались здесь, дабы почтить память повешенного палачами нашего товарища Степана Балмашова, – попытался нацепить на одутловатое лицо маску скорби, но рассудив, что это необязательно, продолжил: – Террор – дело святое. Боевая организация социалистов-революционеров должна отомстить кровавому царскому режиму... От которого я тоже видел немало слёз, – в упор глянул на Брешко-Брешковскую.

Екатерине Константиновне стало неуютно под этим змеиным взглядом и на секунду даже показалось, что и зрачок-то у него змеиный.

– Когда же погиб наш товарищ? – растерянно поинтересовался Чернов, ничего ещё не слышавший о казни Балмашова.

– Сегодня ранним утром, – буркнул Азеф.

– Не пощадили, как Карповича. Следует печатать обличительные прокламации... Чтоб они вносили раскол интеллигенции с правительством. Постепенно он перерастёт в пропасть между царём и культурным обществом, которое будет считать Балмашова героем, а Николая – кровавым извергом.

«Логично заливают теоретик», – с некоторой долей уважения подумал Азеф. – Вмиг всё перевернул с ног на голову, и поставил на свои места... Убийцы стали героями, а власти – палачами...».

– Но не стоит забывать, – горячился Чернов, в волнении растрепав рукой рыжую шевелюру и кося глазом на Азефа, – что террор – это только часть, это лишь некая производная от главного: социализации земли, то есть её национализации и превращения в общенародное достояние. Во-вторых, установление демократической республики и признание государством гражданских прав и свобод...

– Но не на данном этапе... Террор – вот что сейчас главное. Вот что разбудит массы, – перебил идеолога эсеров Азеф.

Гоц задумчиво переводил взгляд с одного собеседника на другого.

Брешко-Брешковская, чем-то, как всегда, недовольная, дымила папиросой.

– ...Боевая организация под руководством Григория Гершуни, – стал ходить он по комнате, развивая мысль – на ходу это ему удавалось лучше, – ставила целью, как всем известно, в один и тот же день, второго апреля, ликвидировать и обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева, – змеиным взглядом окинул окружающих. – Но произошёл сбой. Досадное недоразумение. Из-за российской вечной расхлябанности, запивший почтарь не принёс вовремя телеграмму исполнителю покушения поручику Григорьеву и его лю-

бимой даме, госпоже Юрковской. Похмельный работник почт и телеграфов передал её только на следующий день... Чтоб у него водка поперёк горла почтовой сумкой встала, чтоб его сопливых детей мучила корь и скарлатина, чтоб...

– Евно Фишелевич, продолжайте по делу, – насмешливо перебил разбушевавшегося террориста Чернов, перемигнувшись с Гоцем и Брешковской, – а то от таких пожеланий может типун на языке выскочить, – радостно захихикал, уев оппонента, и стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Извините, – взял со стола салфетку и вытер влажные губы Азеф. – Первоначальный план ничем не отличался от плана ликвидации Сипягина. Григорьев с Юрковской должны были стрелять в обер-прокурора в здании Святейшего Синода. Победоносцева спасло Проведение в образе запойного почтаря... Чтоб ему ни дна, ни покрывки... Чтоб... Ещё раз извините, – опомнился докладчик. – Затем Гершуни разработал новую тактику. Привести приговор в исполнение должны были на похоронах министра. Но они отказались от выполнения задания...

– Милостивый государь, – наконец взял слово хозяин квартиры, – к чему вы всё это разжёвываете нам, будто малым детям. Ведь задание «Б.О.» даём мы. То бишь ЦК партии...

– Потому и говорю, уважаемый Михаил Рафаилович, что указания неплохо бы поддерживать энным количеством ассигнаций, – не растерявшись, вступил в дискуссию Азеф.

– Кто о чём, а Евно Фишелевич о деньгах, – хмыкнул Чернов.

– Средства мы из партийной кассы выделили, – хлопнул сухонькой ладошкой о поручень кресла Гоц.

– Мало! – рыкнул Азеф. – Мало, – произнёс через секунду нормальным голосом. – Не все, как Балмашов, служат идее... Григорьеву с Юрковской следовало побольше заплатить... А у Гершуни не нашлось лишних средств, потому и вынужден был удирасть от жандармов в Киев.

– Хорошо! Мы вас поняли, Евно Фишелевич. Садитесь ради Бога, от вас в глазах рябит, – попросил вновь принявшегося бегать по комнате Азефа. – О дополнительных средствах завтра же посоветуемся с членами ЦК. Дадим новое задание и определимся по срокам.

Не отставал от своих братьев по крови и еврейский «Бунд».

5 мая, как сообщали российские газеты, в 12-м часу, при выходе виленского генерал-губернатора фон Вааля из цирка, к нему подошёл человек и выстрелил из револьвера в упор, попав в левую руку. Когда губернатор повернулся, преступник произвёл второй выстрел и попал в правую ногу. Фон Вааль пошатнулся, чины полиции и публика повалили стрелявшего на землю. Он произвёл третий выстрел в воздух, был обезоружен и арестован.

При дознании оказался мещанином Ковенской губернии Гиршем Леккертом, а стрелял в генерала за то, что тот приказал высечь 28 рабочих, в основном евреев, за участие в первомайской демонстрации.

Газеты и интеллигенция прославляли еврейский террор.

Единственный, кто подал свой голос против террора и убийства русских людей, это революционер-романтик Георгий Плеханов. Он стал печатать статьи и объяснять, что представители «колена Гадова» стремятся в России не к освобождению рабочего класса и крестьянства, а эти еврейские «шовинисты и националисты» из Бунда хотят «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах Российского государства», то есть хотят захватить власть в России, хотят захватить Россию.

Что тут началось...

Плеханов подвергся остракизму, третированию и в революционной среде стал изгоем. Ибо в основе своей, большинство во всех революционных партиях, и у эсеров, и в РСДРП составляли евреи, или, как их называли в то время в России – жида.

Владимир Ульянов-Ленин-Бланк просто взбесился от таких утверждений Плеханова, и всей грудью встал на защиту своих соплеменников, потому как в душе он более чувствовал себя евреем, нежели русским... Да и окружали его более евреи, нежели русские...

«Г.В.(Плеханов) проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его (Бунд) прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующих русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя в пленение «колону Гадову».

Но поголовное большинство русских людей, даже не догадывалось о кипевших в законных партийных рядах страстях, ощущая лишь их отголоски в кровавых терактах.

6 мая Россия праздновала день рождения Его императорского величества, государя императора Николая Александровича.

Города украсились национальными флагами, а в церквях после литургии совершались молебствия с провозглашением многолетий.

И радовал колокольный перезвон.

Даже «прогрессивная общественность» – интеллигенты, сдёргивали шляпы и крестили неразумные, но грамотные свои лбы.

На следующий день, 34-летний русский император, встречал на кронштадском рейде французского президента Эмиля Лубэ.

Гремела «Марсельеза» и «Боже царя храни».

Максим Акимович Рубанов, затерявшись в толпе министров, дипломатов и придворных, лениво наблюдал, как императорский катер с его высочеством генерал-адмиралом Алексеем Александровичем, приблизился к французскому судну «Монткальме», принял на борт президента Франции, и под вопли зевак: «Да здравствует Франция», «Да здравствует Россия», подошёл к императорской яхте «Александрия», где президент и император сердечно обнялись, выслушали гимны и направились в Петергоф.

«Давным-давно, когда вместе с Николаем посетили Париж, было веселее... Да и Жанна Д'Арк чего-то не приехала, – усмехнулся он. – Старость... Нет того куража...».

Однако кураж был у других.

Русские со всей душой отнеслись к французам, и при встрече накачивали их до потери французской памяти.

Газеты пестрели сообщениями о широкой душе россиян.

Так, бакалейщик Котов уплатил по счёту в саду «Буфф», 3500 рублей, угощая моряков эскадры.

«В ресторане «Медведь» состоялся блестящий раут, устроенный комитетом петербургской периодической печати в честь французских журналистов. Собралось более 500 человек: генералитет, светские дамы, сановники, но меньше всего было писателей», – сообщали газеты.

Николай, дабы потешить Лубэ, провёл в Красном Селе грандиозный парад войск. Французскому президенту особенно понравился строй Павловского полка, чётко прошедший с ружьями наперевес.

«Шарма-а-н... шарма-а-н», – бесконечно повторял он.

Как водится, после Высочайшего смотра, в роскошно убранной зеленью и цветами Большой обеденной палатке, состоялся завтрак, во время коего Рубанов развеселил гостей историей, рассказанной на французском языке:

– У корреспондента «Таймс» вытащили из кармана бумажник...

За столом повисла тишина.

–... в котором находилось 103 рубля, – бодро продолжил рассказчик, – визитные карточки, различные приглашения и пропускные билеты. Вытащили вчера, а сегодня утром, перед парадом, хроникёр получил открытое письмо за подписью «вор».

Николай изволил улыбнуться, Лубэ от души развеселился: «Шарма-а-н», – сделал глоток из бокала.

– ... Нечистый на руку автор письма извинился перед потерпевшим, что обеспокоил его похищением бумажника, и порадовал известием, что все находившиеся в нём бумаги направил на имя корреспондента в городскую управу. «Деньги же я оставляю у себя, – приписал он в конце письма, – подняв бокал с шампанским, произнёс Рубанов. – Ибо рад приезду французского президента и считаю честью и долгом отпраздновать франко-русскую дружбу».

Лубэ протянул через стол руку с бокалом, чтоб звонко чокнуться с рубановским.

Император рассмеялся.

Плеве слегка похлопал в ладоши и тоже счёл уместным кое-чем поделиться из последних новостей о франко-русской дружбе.

– Господа! – поднял он бокал. – Я лишний раз убедился, насколько сердечно русские люди встретили французских моряков. Дело дошло до того, что после активного вчерашнего угощения, петербургский подрядчик Самовихин попал с утречка в больницу для душевно больных...

Вновь в палатке повисла тишина.

– ... Большой вообразил себя не прокурором или Наполеоном..., а французским моряком, – закончил под смех присутствующих. – Вот что теперь ценится выше всего, – пригубил из бокала министр.

– Ну, хоть не Эмилем Лубэ, – окончательно развеселился президент, без конца повторяя: – Шарма-а-н.

«Какие всё-таки русские люди остроумные и душевные», – пригласил императора отужинать на «Монткальме».

Растроганный Николай изволил подарить французскому флоту громадную серебряную вазу, которую внесли два русских моряка.

– Храброму флоту Франции, – поднял бокал с шампанским император, улыбнувшись неподдельному интересу Лубэ, с восхищением рассматривающему украшенную драгоценными камнями вазу в виде древней русской ладьи с витязем на корме.

– Благодарю, – поклонился царю. – Этот дар будет храниться в Бресте, – решил президент, – и пусть он напоминает французам о русских воинах, всегда готовых прийти на помощь своим друзьям.

– Максим Акимович, – после франко-русских торжеств обратился к своему генерал-адъютанту император. – Пора вам дивизию на корпус поменять... Прекрасный кавалерийский корпус со штабом в Санкт-Петербурге. Так что столицу покидать не придётся, – не сомневаясь в согласии, пожал генералу руку.

«Вот она, волшебная сила слова, – размышлял Рубанов по пути домой. – Главное, вовремя это слово произнести», – расцеловав по приезде супругу, пафосно воскликнул:

– Дорогая... Ты теперь – корпусиха, – глянул на удивлённую жену, с усмешкой подумав, что, видимо, такие же глаза были у «французского моряка», подрядчика Самовихина.

Через десять дней после царского дня рождения, двадцать лет исполнилось и Аким Рубанову.

Правда, по этому поводу торжественных литургий, молебствий, колокольного звона не наблюдалось, и президент Франции с визитом не прибыл, зато на извозчике прикатил подпоручик 145-го полка Витька Дубасов, с бутылкой ямайского рома в подарок.

Отмечать столь радостное событие Аким решил не дома, с папа и мама – с ними ещё успеется, а с приятелями в офицерской квартирке.

«Хоть тесно, но без материнского попечения», – здраво рассудил он, гоня денщика по магазинам.

– В магазине Фейка вино по списку возьмёшь, что на листке написал, – поучал Козлова Аким.

– Это у какого Фейка, вашвысбродь, что у полицейского моста?

– Нет, у синагоги... Ясное дело, у моста.

Сначала Рубанова поздравили за ужином в офицерском собрании.

Сослуживцы подарили «новорождённому» серебряный ковш на длинной ручке, с гербом Павловского полка.

Затем он пригласил Буданова, Гороховодатсковского, Зерендорфа и Дубасова, коего уже прекрасно угостили за ужином хлебосольные офицеры, в свою квартиру.

– Продолжим, как говорят гвардейцы, «сушить хрусталь» господ... То бишь – пьянствовать. Я угощу вас знаменитой жжёнкой, – потряс потрёпанной книгой с коровой на обложке. –

Купил по случаю у книготорговца, – похвалился он, демонстрируя друзьям серого цвета фолиант и помахивая подарком.

«Денщик за повара», – прочёл Дубасов название, и задумчиво глянул на товарища. – «Поварённая книжка для военных», – зачитал нижнюю строчку. Вид стал ещё задумчивее. – И план коровы... Огузок, бедро, – по слогам прочёл надписи на частях рогатого тела.

– Не план, а схема, – поправил приятеля Аким.

– Не схема, а чертёж, – уточнил Гороховодатсковский. – Чему вас только, господа, два года учили.

– Ну, тогда уж, карта дудергофской коровы, выполненная на инструментальных съёмках, – рассмешил компанию Зерендорф, уютно располагаясь на диване и забрасывая ногу на ногу.

– Козлову пригодится. На следующей странице производное его фамилии нарисую с рогами, – продолжил веселье Аким. – А здесь, господа хорошие, напечатан рецепт жжёнки, – поплевав на палец, раскрыл книгу на нужной странице. – Внимание! – подождал, как все рассядутся, и стал читать: «В серебряную, алюминиевую или из металла Фраже кастрюлю или вазу влить 2 бутылки шампанского, 1 бутылку лучшего рому», – Дубасов принёс и Козлов у Фейка прикупил, – «1 бутылку хорошего сотерну», – это белое десертное вино, говорю для Дубасова... А то всё водка, да водка...

– И ром ямайский, – подтвердил алкогольное пристрастие пехотный подпоручик.

«... Положить 2 фунта сахару, – продолжил Рубанов, – ... изрезанный ананас», – гречневую кашу не надо... Снова к Дубасову относится...

– А на дуэль? – подал тот реплику.

– Да мы 145-й Охтинский, гренадёрками закидаем, – воинственно помахал черпаком Рубанов: «... вскипятить на плите, вылить в фарфоровую вазу, наложить на края крестообразно две шпаги, на них большой кусок сахару, полить его ромом, зажечь и подливать ром, чтобы сахар воспламенился и растаял. Брать серебряной ложкой жжёнку, – помахал подарком, – поливать сахар, чтоб огонь не прекращался, прибавляя свежего рому, а потом разлить напиток в ковшики или кубки», – кстати, я уже пожертвовал пуговицей на мундире, выпросив у хозяина Собрания серебряную братину, – достал здоровенную чашу. – Делать жжёнку станем по-своему. Вариант Павловского, тэ-э-к скэ-э-ть, полка, с ямайской примесью Охтинского.

Раскрыв рты, все внимали ему.

– Нальём в братину вина, рому, шампанского, подогреем... и начнём священнодействовать, – достал бутылки и небольшую походную спиртовую горелку.

Водрузив братину на стол, отправил Гороховодатсковского за холодным оружием.

Скрестив две шашки, положил на них головку сахара и облил её ромом.

Все расселись вокруг стола, и с нетерпением ожидали результат священнодействия.

– Козлов, окно открой, а то задохнёмся, – велел Аким, залив шампанским что-то уж сильно разгоревшийся ком сахара и поправил фитиль на горелке.

Сахар, плавясь, стекал синими горящими каплями в братину.

– Сумские гусары придумали вместо сахара бросать в вино раскалённую докрасна подкову... Но это в походных условиях. Через несколько дней полк в Красносельский лагерь направится..., вот там и поэкспериментируем, – помешал дарёным черпаком напиток и, зачерпнув, полил им сахарную голову.

– Чу-у! Пожарные со скачком в гости едут, – хохотнул Буданов, выглянув в окно на раздавшийся шум.

– Или Ряснянский с кого плюмаж сдирает, – высказал своё личное мнение Зерендорф, пригатавливая, как и все, чарку.

– Ну что ж, начинаем сушить хрусталь, – разлил серебряным черпаком напиток Аким.

– Тёплый, – недоверчиво нюхал пунш Дубасов.

– Я употребляю только жидкую синьку «Идеал», – перекрестившись, выдал рекламный тост Рубанов, и мужественно жажнул жжёнку.

Отсмеявшись, народ последовал его примеру.

– У-у-х, вещь! – выдохнул воздух Зерендорф. – Брачная ночь мадам Клико, – и под удивлённые взгляды товарищей, как ни в чём не бывало, продолжил: – Сейчас бы гусарской подковкой занюхать, – выбрал на столе закуску.

– Повторенье – мать ученья... Так в гимназии англичанин Иванов говорил, – подмигнул Дубасову Аким и вновь наполнил чарки. – Григорий, повторите фразу по-английски...

– Я тоже употребляю синьку «Идеал», – залпом проглотил тот напиток.

– Ну вот, гимназию, прости Господи, вспомнил. Это штатское болото, – закусив, вытер губы салфеткой Гороховодатсковский. – Лучше расскажи, чего там газеты пишут. Читать-то лень, а знать, как культурному человеку, необходимо.

– С бухарской территории в Самаркандскую область надвигается масса пешей саранчи. Военный губернатор находится в степи на работах по её уничтожению.

– А то – гимна-а-зия... Саранча, вон, и та пехотное училище заканчивала.

– Ага! Сморгонскую академию. Виночерпий, как там дело обстоит насчёт синьки? – протянул чарку Дубасов.

– А о кавалерии чего пишут? – заинтересовался Буданов.

– О кавалерии?... – на секунду задумался Аким, наполняя протянутую чарку. – От искры парохода загорелась баржа, нагруженная инвентарём офицерского собрания драгунского полка...

– Тоже, видимо, жжёнку варили, – заржал Буданов, – а то от парохода искра...

– Сгорела, между прочим, картина Сверчкова «Наваринский бой», подаренная полку императором Александром Вторым.

– Я употребляю только подкову Сумского гусарского полка, – выпив, отрубился Зерендорф.

Приятели со смехом уложили павшего бойца на диван.

– Забористый пуншик получился, – заплетающимся языком произнёс Дубасов.

Согласно Высочайшего приказа, генерал Троцкий назначил дату выхода полка в летний лагерь, а сам убыл в отпуск, оставив за себя полковника Ряснянского.

Батальонные и большая часть ротных командиров тоже ушли в отпуска, словом, 1-ой ротой Павловского полка руководил подпоручик Гороховодатсковский, а 2-ой – подпоручик Буданов.

Довольный жизнью полковник, своим приказом, выделил полку три свободных дня на обустройство и назначил дежурных офицеров.

Ясное дело, ими оказались Зерендорф с Рубановым.

«Пусть сразу в лагерную жизнь вливаются, – довольно хмыкнув, размышлял Ряснянский, вольготно развалившись в мягком кресле у раскрытого окна своей деревянной дачи. – Какая благодать, – вдыхал свежий воздух роши. – А фельдфебели знают, что делать», – задремал он, устав после похода и связанных с ним хлопот.

Ротные фельдфебели уже не один раз выезжали в Красносельский лагерь, и свои обязанности знали туго.

Пал Палыч озабоченно ходил с аршином в руке и замерял расстояния, где будут установлены солдатские холщёвые палатки.

– Шнур, шнур ровнее держи, – увидев Рубанова, небрежно козырнул ему, не отрываясь от руководства подчинёнными «бестолочами». Особливо ефрейтором.

– Ведь палатки наперекосяк стоять будут... Что за народ, – ворчал он. – Вторая рота опять нас обогнала... Уже походные кухни ставят... Значит и обедать раньше сядут.

От всей этой суеты у Акима разболелась голова и он, по примеру полковника, пошёл осваивать свой угол в деревянном бараке: «А то Козлов что-нибудь напорочит».

Перейдя широкое шоссе, расстилавшееся за солдатскими палатками по краю берёзовой рощи, побрёл по тропинке, наслаждаясь свежей зеленью буйно разросшихся берёз и густой травой на небольших полянках, с какими-то жёлтыми и синими цветами, и неожиданно вышел на пахнущую свежей краской одноэтажную дачу с маячившим силуэтом полковника в раскрытом окне.

– Ко мне что ли? – заметив дежурного офицера, Евгений Феликсович лениво высунулся в окно, вальяжно облокотившись на подоконник.

– Никак нет, – вытянулся Рубанов. – Свой барак ищу. А то стемнеет, и вовсе на берёзе ночевать придётся, – развеселил начальство.

– Зайди, подпоручик, – милостиво пригласил офицера Ряснянский. – Первый раз в Главном лагере? – самолично разлил по стаканам вино.

– В прошлом году представлялся в Собранской столовой, – с удовольствием выщедил лёгкий душистый напиток.

– Помню! – налил ещё по стакану полковник и уселся в кресло. – Чего стоишь-то? Вон стул свободный. Как там Пал Палыч? Палатки поставили?

– Ставят, – выпил второй стакан Аким и блаженно уселся на предложенный стул.

– Дел у них хватает... Потом перед палатками линейку песком засыпят, и дёрном обложат... Но это завтра, – хотел налить по третьему, но передумал. – Заблудился? – хохотнул он. – Влево держи и за барак 2-ой роты – ваш будет. Пока ротные командиры в отпусках, в их комнатах старшие по выпуску подпоручики проживать станут, а вы с Зерендорфом, королями, в отдельных половинах жить расположитесь. Ну а уж как к манёврам Лебедев с Васильевым придут, потеснитесь... Вдвоём с Гороховодатковским в одной половине барака поживёте.

Взяв влево и обойдя барак 2-ой роты, Рубанов посидел на тёплом пне, помечтал о Натали, вспомнив прошлый год и её дачу, посшибал прутиком головки одуванчиков, поглазел на утопающий в зелени родной барак, и не спеша побрёл к нему, рассуждая, что великий князь Владимир Александрович здесь ловить его не подумает, потому что, где начинается летний лагерь, там кончается дисциплина... Правда, великий князь Николай Николаевич, радетель Красносельской гауптвахты, этого не понимает. Но, как говорят умные люди: «На великих князях и проститутках – не обижаются», – подошёл к своей половине барака, сразу угадав её по мелькавшему в окне денщику.

После дежурства, позавтракав, офицеры сидели на скамейках в собранском садике, и услаждались прекрасным днём, тишиной, свежим воздухом и сигарным дымом подпоручика Гороховодатковского, перенявшего привычку от капитана Лебедева и полковника Ряснянского.

– Амвросий Дормидонтович, – без ошибки произнёс Рубанов, порадовав своего шефа.

– Молодец, – морально поощрил подведомственного, выдохнув сигарный дым, и насмерть уморив им свалившуюся с листа гусеницу.

– ... Может, прокатимся верхами по территории Главного лагеря?

– Экскурсия, тэ-э-к скэ-эть, – уморил вторую гусеницу Гороховодатковский. – Ну что ж, согласен.

Буданов от путешествия категорически отказался. Вначале имел намерение найти уважительную причину, но кроме: «Да пошли вы к чёрту, господа», в голову ничего не лезло. Эту мысль, в конце концов, он и озвучил, почесав мизинцем над верхней губой.

– Ну, как знаете, Анатолий Владимирович, – произнёс истребитель гусениц и крикнул дежурному вестовому:

– Братец, пулей слетай к нашим денщикам и скажи седлать лошадей. Потом сюда их доставишь.

– Денщиков?

– Лошадей, дура, – плюнул в душу вестачу.

В деревянной конюшне, за бараками, хрумкали овсом два десятка офицерских иноходцев.

Ванятка со слезами на глазах отправил раскормленного «Графа» с денщиком Козловым в Красносельский лагерь.

– Оводов от жеребчика отгоняй, – вдогон прокричал он.

Через полчаса, кавалькада из трёх конников, не спеша дефилировала по грунтовой обочине вдоль шоссе, специально предназначенной для верховой езды вдоль многовёрстного лагеря.

– Вот, господа, начало Большого или, как ещё называют, Главного лагеря. Его правый фланг, – тоном записного учителя пробубнил Гороховодатсковский. – Преображенский полк собственной персоной... Здоровяки... Не то, что наши павловцы. Но по стрельбе и штыковому бою, сделаем их как котят, – выплеснул свой полковой патриотизм. – Следом – семёновцы. Этих черноусых брюнетов наши курносые сделают на раз, – обогнали одноконную телегу с водовозом, поливавшим шоссе. – За рощей, как вы знаете, по всей длине лагеря тянутся пехотные стрельбища, – пересекли Царкосельское шоссе и оказались напротив Измайловского полка. – Офицерские дачи, по традиции, окрашены в цвета полков, – разглядели сквозь зелень бревенчатые бараки. – А вот и Егерский полк. Палатки прям в рощу воткнули. Егеря-я, – не то осудил, не то похвалил нижних чинов подпоручик, отдав честь какому-то знакомому офицеру. – А это палатки и, дальше вон, – кивнул головой, – деревянные конюшни 1-ой гвардейской артбригады, – перешли на рысь. – И наконец, полки нашей 2-ой дивизии, – гордо махнул рукой Гороховодатсковский. – Палаточки ровненько стоят, линейки песочком посыпаны и дёрном обложены... Лейб-гвардии Московский, а за ним – лейб-гвардии Гренадёрский... Это уже – орлы-ы! Ну не совсем, конечно, орлы, – засомневался он, – ну уж соколы, точно... А вот уж несомненные орлы, – достал сигару и огляделся.

– Да в бабочек превратились и улетели, ежели гусениц выскиваешь. И белки в 1-ую дивизию умотали, благодатной махрой подышать, – загоготал Аким.

– ...Наши павловцы, – не услышал его подпоручик, чиркнув спичкой.

– Где там водовоз? – забеспокоился Зерендорф.

– А вот стоянка наших кумовьёв, финляндцев... К полуорлам относятся.

– А замыкают лагерь на левом фланге, пажеские воробы, – заскрипел зубами Зерендорф.

– Известное дело, пижи..., – бросил сигару в сторону деревянного барака Гороховодатсковский.

– Правильно, господин подпоручик, пусть в палатках поживут, – одобрил его поступок Аким, с улыбкой наблюдая, как с кряхтением Гороховодатсковский слез с лошади и затоптал окурки.

– А то вдруг в сторону финляндцев огонь пойдёт, – оправдал себя.

– Вечером в авангардный лагерь поедет. Дубасова следует навестить, а после – брата, – выстроил план боевых действий Аким.

– Но это уж без меня, господа, – высказал своё мнение Гороховодатсковский. – Мне ротой следует руководить, – возвысил себя и свой нынешний статус.

– Ну да. А то последнее перо из плюмажа можно утерять, – поддержал его вредный подведомственный.

В 9 часов вечера, стоявшие у деревянных «грибов» дневальные, с удовольствием, на все голоса, выводили приказ дежурного по лагерю: « На-аде-еть шинели-и в рукавы-ы-ы!»

Их старательно заглушали сигнальные рожки, выведившие в темпе марша пехотную «зарю».

После переключки, весь лагерь дружно пропел «Отче наш», и закончился ещё один день из бесконечной вереницы дней, складывающихся в месяцы, годы и столетия...

Согласно разработанному плану, вечером навестили Дубасова, направившись к нему не верхами, а на своих двоих.

– Неплохо армейская пехтура устроилась, – подошли к правому флангу авангардного лагеря, где в деревянных домиках Инженерного ведомства квартировал 145-й Охтинский полк.

Покрутив головами – у кого бы спросить о подпоручике Дубасове, увидели его денщика, сонно моргавшего на лавочке у домика.

– Опять спит, – хмыкнул Зерендорф и завизжал команду, в расчёте, что среди других любопытных в окно выглянет и Дубасов:

– Смир-р-но!

Денщик, сунув тлеющую козью ножку в карман штанов, вытянулся во фронт.

В соседних домах на крыльцо выбежали солдаты, а из окошек показались головы удивлённых офицеров, с целью выяснить, какой это дурак орёт и отвлекает от вина и карт.

Дубасовской головы не наблюдалось.

– Вольно, боец. Смотри, не спали нефритовый стержень, – заметил небольшой дымок в районе кармана Зерендорф.

– Что за стержень? – вытаращил на друга глаза Рубанов. – Ствол револьвера у нас из металла.

– Китайские трактаты о любви следует читать, – высокомерно ответил Зерендорф. – Или японские..., – немного растерялся он. – А то одними уставами да газетами интересуешься, а о любви никакого понятия. Зови подпоручика, – уже вполголоса велел денщику.

К их удивлению, Ефимов направился к соседнему дому со сломанной скамейкой и выбитым окном.

– Видимо господин Дубасов вчера новоселье отмечал... Странно, что у Петьки Ефимова фингала нет, – задумался Рубанов.

Однако всё встало на свои места, когда войдя в дом, обзрели цветастый глаз охтинского подпоручика.

Набычившись по своей привычке, тот хмуро разглядывал вошедших, теребя ворот красной рубахи с оторванной пуговицей.

– А вот и секунданты, – обрадовался Дубасов, ничуть не удивившись друзьям, словно только вчера виделись. – Мои условия: расстояние полшага, семь пуль в барабане и я стреляю первым, как оскорблённая сторона.

– Это вы-то оскорблённая сторона? – уселся на неприбранную постель подпоручик.

– Кстати, – перебил его недовольные словоизлияния Дубасов, – знакомьтесь, подпоручик Кужелев Фёдор Парфёнович, – хмыкнул Дубасов.

– Не хмыкай над моим отчеством, – взвился подпоручик. – Первым стрелять должен я, – потрогал синяк.

– Сударь, – делая возмущённый вид, подмигнул друзьям Дубасов, показав этим, что в грош не ставит ротного субалтерн-офицера, хоть тот и старше по выпуску. – Вы сказали, что я, как бы так выразиться, немного лукавлю в карты...

– Немного лукавит..., – в свою очередь язвительно хмыкнул офицер, – да вы, сударь, тривиально мухлюете, – воинственно сверкнул здоровым глазом.

– Да это в вашей сморгонской академии честную игру называют мухлежём... Я даже от возмущения, случайно, локтем, задел ваше всевидящее око.

– Ага! Случайно... А кто в окно мной кидался? – взгрустнул подпоручик.

– Господа, господа, полноте вам, пожмите руки.

– Правильно в нашем полку постановили запретить азартные игры, – поддержал Зерендорфа Рубанов. – Разрешены только коммерческие... Хотя в чём разница?.. Помириться, господа, и не надо друг другом ломать скамейки. Ещё древние говорили: «синэ ира эт студио», что означает: «без гнева и пристрастия», – сразил всех наповал Аким.

Потрясённый мудростью товарища, Дубасов потряс руку Кужелеву:

– Простите меня, господин подпоручик, я был неправ.

Тот недоверчиво, одним глазом, оглядел однополчанина.

– Здесь место такое, – похлопал по плечу сослуживца Дубасов. – Ну, право, не сердитесь. Я тоже в прошлом году одноглазым был, – начал по-быстрому облачаться в белый китель со знаком окончания ПВУ. – Мистер Ефимов, – неожиданно заорал он, – помогите шашку нацепить.

– Хорошо, что вы, мсье, не в артиллерии служите, – стал развивать понравившуюся мысль Рубанов.

И под вопросительным взглядом семи офицерских глаз dokonчил:

– А то бы пушку на прогулку брали....

– Бу-а-а-а! – больше всех развеселился бывший Циклоп.

Дубасов до того был рад друзьям, что даже их подначки веселили его.

– Отсюда и до нашего прошлогоднего лагеря рукой подать, – радостно кивнул в сторону юнкерских барачков.

– Завтра брата навещу, – направились они в Дудергоф.

– Дудергоф нам роднее Красного села, – философствовал Зерендорф, разглядывая дома и дачи посёлка. – И офицеров теперь шугаться не надо, – перекрестился на купола белой церкви.

– Между прочим, церковь Святой Ольги, – тоже перекрестился Рубанов.

Дубасов креститься не стал, а увидев неподалёку пивную, предложил зайти туда.

– Жарко, хоть и вечер уже. Пивка выпьем и на дачу пойдём.

– Во-первых, – открывая дверь в трактир, произнёс Рубанов, – гвардейцам не рекомендуется посещать подобные вертепы, – попробовал перекрестить музыкальную машину, воодушевлённо скрипевшую «Трансвааль».

– А что, во-вторых? – полюбопытствовал Зерендорф, зная по опыту, что «во-вторых», можно и не дожидаться.

– Во-вторых, на какую дачу?

– Э-эх, темнота, хоть и по латыни калякаешь, – усаживаясь за стол, подозвал полового Дубасов. – На ту самую дачу, где дамы живут...

– Уж не водоплавающие ли? – поразился Аким.

– А вот за это можешь и ответить по всем правилам от 20 мая 1894 года.

– Послушай, Виктор, меня какие-то смутные подозрения начинают садистски терзать... Уж не Ромео ли ты шекспировский?

– Чего-о? Зерендорф. Будь моим секундантом. Дожился... Лучший друг какой-то ромеой обзывает, – покраснев, засмеялся Дубасов, нервно притопывая ногой под «Пятёрку», которую надрывно играла машина.

После пива на душе у друзей стало как-то приятнее, а воздух чище и прохладнее... Над дудергофской горой собирались облака. Блестела на солнце речка Лиговка, с камышом и ивами по берегам.

– Красота! – подвёл итог Рубанов, увернувшись от велосипедиста. – Правильно в народе говорят, – стряхнул какую-то пылинку с рукава белоснежного кителя...

– Только мысль не забывай, – забеспокоился Зерендорф. – Доводи фразу до логического завершения.

– У отца было три сына... Двое умных, а третий...

– Зерендорф! – подсказал Дубасов.

– Велосипедист! – поправил его Аким.

По нешироким дорожкам возле дач гонялись друг за дружкой дети, вопя при этом так, что визг Зерендорфа казался бы шёпотом. Сновали велосипедисты, за ними с лаем гонялись собачонки, своим чадам чего-то кричали бонны, нянечки и мамы. Из окон, во всю срамя за тихий звук музыкальную машину, что скрипела в пивной, гремели граммофоны, бодро наяривая «Коробушку», «Из-за острова на стрежень», «Есть на Волге утёс».

– Хорошо отдохнуть за городом, – ещё раз повторил Рубанов. – Покой и тишина...

На даче, куда, толкнув калитку, прошли офицеры, граммофон пафосно хрипел тоску о Ермаке.

«Ревела-а буря, дождь шуме-е-л», – подпел Дубасов, пройдя по тропинке к скрипучим качелям. – Капитальная вещь, – похвалил он, – не то, что дощечка на верёвочках...

– Справа шмель! – рявкнул Рубанов.

Но не успели они с Зерендорфом насладиться зрелищем прыгнувшего в сторону и замахающего руками друга, как все дачные звуки, включая ревушую из трубы бурю, перекрыл радостный вопль «водоплавающих», со всех ног летевших к ним от небольшой теннисной площадки.

Воздушные блузки пузырились на их спинах, а в руках мелькали ракетки. За ними, в широкополой шляпе, не спеша шла высокая и стройная барышня. Она не кричала от радости и даже не улыбалась, а сосредоточенно поправляла упавшие на плечи светлые локоны.

– Ольга?! – удивлённо подошёл к ней Рубанов и приложился к руке, чуть сдвинув вниз белую тонкую перчатку.

Следом, налобызавшись с водоплавающими, подгрёб Зерендорф и тоже приложился к душистой ручке.

Дубасов гордо отвернулся, взяв под руку Полину, и они направились на веранду.

– Мне пора, – помахала подругам Ольга, и, не оглядываясь, пошла по тропинке к калитке.

Аким уже поднялся на веранду с резными деревянными украшениями по карнизу, когда услышал негромкое:

– Проводите меня, Рубанов.

Он оглянулся, раздумывая, показалось ему или нет.

Друзья рассаживались вокруг накрытого скатертью стола с медным самоваром и четырьмя чашками с красными ободками.

Висевшие над дверью часы выплюнули кукушку, которая гавкнула и скрылась, хотя стрелки показывали 8 вечера.

– Вас зовут, – подтвердила беленькая Полина, разливая по чашкам чай.

«Надеюсь, это она не про кукушку... Да и пятой чашки всё равно нет» – вздохнул и направился к калитке.

Ольга ожидала его на тропинке, крутя над головой зонтик.

«Вроде бы давеча зонта у неё не было».

– Пятый лишний, – улыбнувшись, произнесла она, и смело взяла растерявшегося кавалера под руку, прижав его локоть к своей груди. – Если хотите чаю, пойдёмте ко мне, – пресекла попытку Акима немного отодвинуть локоть. – У меня как раз имеется лишняя чашка. А прежде прогуляемся... Вот эта прекрасно утоптанная тропинка с зелёной травкой по краям, приведёт нас к речке, где и искупаемся, – смеясь глазами, раскрыла план действий.

– Как искупаемся? – всё-таки сумел отстранить локоть от груди Аким.

– Обыкновенно, – закрыв зонтик, томным голосом прошептала она, попытавшись вернуть мужской локоть на место. – Я в неглиже... А вы, сударь, ежели стесняетесь, то в прекрасных своих белоснежных кальсонах, – не выдержав, весело расхохоталась, вовсе отпустив руку Акима.

– Откуда про мои кальсоны знаете? – немного пришёл в себя кавалер.

– Да уж знаю! – вновь ухватила его за руку и потащила к купальне.

– Я сейчас закричу! – тоже засмеялся Аким, решив плыть по течению судьбы. – Я, оказывается, теряюсь от женского напора.., ведь так ещё юн и наивен...

– Пора бы и повзрослеть, – сняла шляпу и стала расстёгивать блузку, – а то так и будете из кустов за дамами подглядывать...

«Водоплавающие успели поделиться женскими секретами»...

– Вы, сударь, по цвету лица сравнялись с заходящим солнышком, – смело сбросила юбку и, приблизившись к потрясённому Акиму, начала медленно расстегивать пуговицы кителя, якобы ненароком прижавшись к нему грудью.

– А у меня перекличка в полку начинается, – не особо уверенно соврал он, вспомнив гавкающие часы.

– Дальше сами... – не услышала она и, раскачивая полуприкрытыми нижней юбкой бёдрами, направилась в щелястую, потемневшую от времени и дождей купальню, оставив кавалера в глубокой растерянности.

Сняв китель, Аким понаблюдал за белыми облаками, плывущими над деревьями, и сбросил рубаху. Усевшись на поросшую мхом кочку, стянул сапоги, подумав мимолётно о Натали, поднялся и снял штаны, оставшись в одних белых кальсонах.

В голове гавкала механическая кукушка из часов, и хотелось одеться и убежать.

«Не гимназист уже», – подумал он, вздрогнув от белых плеч, плескавшихся в воде.

– Ваше благородие, ну что вы пугалом отсвечиваете в своих белых кальсонах, – поплыла она к берегу и поднялась во весь рост на отмели.

Кукушка в голове поперхнулась и замолкла, когда увидел не девичью, а женскую большую грудь с шишечками сосков... Чуть выпуклый живот, широкие бёдра, стройные ноги, уходящие в воду и тёмный пушок между ними.

Не раздумывая больше, да и о чём можно было думать кроме раздетой дамы, Аким снял кальсоны и пошёл по коловшей ступни травке к нагой нимфе, насвистывая для бодрости мотив из «Разбитого сердца».

Ольга медленно пятилась в глубину, и вода постепенно скрывала все прелести тела, оставив на поверхности лишь белые, в капельках воды, плечи с налипшими к ним мокрыми локотками.

По дурацкой юношеской привычке, Аким издал вопль кровожадного индейца из племени Навахо, постучал кулаками по груди и ринулся в пучину вод, обратив в паническое бегство плавающих в отдалении гусей и Ольгу.

Они хором заголосили. Гуси, взмахивая крыльями и вытянув шеи, шарахнулись в тростники, а Ольга, взмахивая руками и вытянув шею, шумно бороздя и вспенивая воду, скрылась в ивовых зарослях у берега.

Нырнув и перевернувшись под водой, Аким оттолкнулся ногами от песчаного дна, и вылетев из воды по пояс, вновь огласил мирные берега дремлющей речушки трубным басом индийского слона.

На этот раз никакого ажиотажа на поверхности воды не наблюдалось.

Гуси, не высовываясь, тихонько сидели в камышах, а Ольга – в зарослях ивняка.

Рыба ещё после первого вопля благоразумно покинула опасные места, оставив пришедших на вечернюю зорьку рыбаков без улова.

– Ольга, ты где спряталась? – крутился на воде Аким, заметив, как мокрое женское тело быстро поднялось по ступеням и скрылось в купальне. – Ну вот. То купаться, то передумала, – ворчал он, подплывая к берегу.

Птицы, вытянув шеи, осторожно выглядывали из тростника.

Ольга осторожно вышла из купальни и направилась к разбросанной на траве одежде.

– С вами, сударь, утонуть со страху можно, или старой девой на всю жизнь остаться, – одевалась она. – Вы что, на ракушку острую наступили? – поглядела на опасливо плывущую белую стаю.

– Да нет, – надевал на мокрое тело кальсоны Аким, – от радости жизни и повышенного биения пульса.

– Отчего же это он так у вас повысился? – внутренне смеясь, поинтересовалась она.

– От гусей, наверное, – недовольно буркнул Аким, сидя на зелёной кочке и с кряхтением натягивая сапоги.

Вначале тихонько прыснув, через секунду Ольга громко и от души рассмеялась, вызвав подозрение у подплывших пернатых.

Погромче моего воздух сотрясаете, – притопывал Аким, проверяя, удобно ли сидят сапоги, и попутно застёгивая рубаху. – На переключке интереснее бы время провёл, – ввёл даму просто-таки в гомерический хохот.

Гуси, на всякий случай, опять уплыли поближе к камышам.

– А на что вы рассчитывали, сударь? – сквозь смех произнесла она. – На африканский танец живота? – покрутила бёдрами, отчего в голове у Акима опять загавкала механическая кукушка, а горло перехватил какой-то странный спазм. – Чего молчите, мон шер?

– В горле пересохло. Кто-то чаю обещал, – застегнул на все пуговицы китель, увидев бредущую по тропинке парочку. – Пост сдан, пост принят, – встав во фрунт, отрапортовал он Ольге, которая, на этот раз, переломилась от смеха пополам.

Гуси сочли за благо отплыть подальше, а парочка благоразумно растворилась в сени берёз и ещё каких-то деревьев.

– Ну что ты так смеёшься? – улыбнулся Аким. – Мало того, людей, мягко говоря, озадачила, так ещё и водоплавающую птицу перепугала, – тихо шли по тропинке, и теперь он не стремился отодвинуть прижатый к груди локоть. – Мадам, а вам говорили, что вы прекрасны? – решившись, поцеловал её в щёку.

– Вот с этого и следовало начинать, а не орать как собакой укушенный, – остановилась и припала к губам молодого офицера.

«Почему так, – с затуманенным сознанием подумал Аким, – целует в губы, а дрожат ноги».

В дачном одноэтажном домике Ольги царил тишина.

– Красота-а, – сидя у раскрытого окна на подоконнике, теребил нависающую ветку яблони Аким. – Велосипедисты не катаются, детишки не бегают и, главное, граммофона нет, – сорвал яблоневый лист, понюхал и зачем-то пожевал.

– Голодный ты мой, – засмеялась Ольга, на этот раз тихо и ласково, поставив на стол нехитрую снедь. – Вина нет, лишь бутылка пива, – оправдалась она. – А граммофон нам с мамой не нужен... Это Варин брат-студент страдает от безответной любви и слушает «Разбитое сердце».

– От любви к тебе? – не то уточнил, не то спросил Аким, усаживаясь за стол. – Когда мой брат страдал от любви к какой-то выдуманной даме, то здорово брэнчал на балалайке, – открыл он пиво.

– Стаканов нет, лишь чашки, – села напротив него Ольга и подпёрла щёку рукой. – Наконец-то, господин офицер, вы соизволили обратить на меня внимание... Ну почему в детстве вам больше понравилась Натали? Ей первой и елозящего червячка... и тёщин язык...

– Есть на свете, оказывается, такое странное чувство, как любовь, – отхлебнул из чашки Аким и вытер ладонью губы.

– И даже здесь, сидя со мной, вы её любите? – замерла, ожидая ответа.

– Конечно! Но по какому-то странному стечению обстоятельств, целую вас...

– И первой станешь любить тоже меня, – поднявшись со стула, пересела к нему на колени и ласково взъерошила волосы.

Чуть подумав, склонилась и нежно поцеловала в губы. Ощувив прошедшую по телу мужчины дрожь, молча, без слов, взяла за руку и повела к дивану.

Аким что-то хотел сказать, но она приложила палец к его губам.

– Только не говорите, что вам срочно надо на вечернюю поверку...

Ему ничего не оставалось, как поцеловать её палец.

Отчего-то торопясь, она сбросила блузку и юбку.

Аким трясущимися руками пытался расстегнуть пуговицы на рубаше, затем рванул ворот, рассыпав пуговицы по полу и, отбросив снятую сорочку, обнял Ольгу, затем поднял на руки и донёс до дивана.

И была ночь...

В раскрытое окно заглядывала любопытная луна, слабо освещая тело женщины, и окрашивая все предметы в комнате нереальным белесым цветом.

Губы устали от поцелуев... Тело устало от ласк... А ночь была бесконечна, тиха и душиста...

Утром, проснувшись, Аким не сразу сообразил, где он, и что было ночью – сон или реальность.

Раздетый, он один лежал на диване, и лишь весёлое солнце наблюдало за его пробуждением, игриво прикасаясь лучом то к щеке, то к плечу, то к груди.

Громко чихнув и чертыхнувшись, он поднялся с дивана и принялся одеваться, услышав:

– Будь здоров, милый.., – и через секунду, – доброе утро!

– Спасибо, – озабоченно буркнул, надевая рубашу. – Кто-то все пуговицы поотрывал, – ворчал, стараясь не смотреть на вошедшую в комнату Ольгу.

– Вам очень идут кальсоны, мой друг, – невесело улыбнулась она, почувствовав его отстранённость и даже холод.

Ничего не ответив, он продолжал одеваться.

«Волшебство ночи прошло, а с ней поцелуи и любовь, – грустно подумала она. – Да ты, сударыня, становишься поэтессой», – стараясь скрыть охватившую её печаль, постаралась весело произнести:

– Чайник вскипел.

– Спасибо. Нет времени, – застегнул пуговицы на белом кителе и стал искать фуражку.

– Утренняя поверка дорожке поцелуя? – крикнула ему вслед и расплакалась, упав на диван.

Прижимаясь щекой к подушке, которой недавно касалась его голова, она обессилено шептала:

– Хам, хам, х-а-м.., – но в словах не слышалось злости, а была нежность и любовь.

«И зачем мне эта любовь? – развалилась в продавленном кресле и уронив на колени недельной давности газету, размышлял Аким. – Пиитическая обстановка виновата: облака, берёзовые

кущи, зелёная травка, речка, солнышко..., тьфу... Строй, уставы, стрельба по мишеням..., вот что закаляем мужчину и делает из него сурового солдата..., а не качели с дамами и граммофонный вальс «Разбитое сердце». «Трансвааль» следует слушать, и пестовать в сердце ненависть к врагам, а не любовь к дамам, – отбросив газету, бодро выскочил из кресла и подошёл к раскрытому окну. – Денщик молодец! Поддерживает морально, – прислушался к мощному храпу за перегородкой. – Заглушает пение соловьёв, а портянками – прелестные запахи природы, чем на корню уничтожает лирику, делая человека мужественным, злым и голодным, потому как даже чай ему некогда вскипятить... Козлов, он и есть Козлов. Микита – так он имя своё произносит. Пойти, разве что, Глеба навестить... Вроде не жарко, – высунул в окно руку. – О-ой. Совсем плохим из-за женщин стал. Так ведь дождь определяют, – попробовал рассмешить себя.

Не вышло.

– Козлов! – по-юнкерски рявкнул он.

За перегородкой послышалось почмокивание, кряхтенье, зевки, бормотанье: «Прости-осподи», шлепки босых ног и, наконец, произошло явление денщика народу.

– Микита... В строй захотел? – сидя на подоконнике поинтересовался Аким.

– Никак нет! Ваше высокоблагородие, – без раздумий ответил Козлов.

– Чая нет. Булок нет. Колбасы нет... Чего – никак нет? Про вино или пиво вообще речь не идёт... А ты целый день храпишь.

– Виноват, исправлюсь...

– За оставшиеся три года службы не успеешь, – горестно покачал головой Аким. – Пулей Графа запрягать, – велел ему, безысходно махнув рукой. – Да не Игнатьева, – заорал вслед и засмеялся: «Всё же удалось поднять настроение, – резюмировал он. – Даму у графа увёл... или меня увели», – задумчиво хлопнул дверью, выходя на крыльцо.

Проезжая мимо барачных Павловского военного училища, помахал рукой, подумав, что как-нибудь следует заглянуть к павлонам и узнать, чтут ли традиции по отношению к пажам, погладил по холке Графа.

«Кавалерию сразу видно, – слез с коня и прошёл в барак. – Дневального у «грибка» нет», – навис над азартно резавшимися в карты «корнетами».

– Смирно, – тихо отдал команду и отметил, что по выправке николаевцы не уступят павлонам.

Сзади гулко бухнула входная дверь.

«Дневальный тихонько выскользнул», – постарался скрыть смех.

– Пулей доставить сюда портупей-юнкера Рубанова, – распорядился Аким.

– Господин подпоручик, взводный командир Рубанов стоит на посту у выгребной ямы, – доложил один из картёжников.

– Это шутка? – нахмурился Аким.

– Никак нет. Наряд не в очередь...

Юнкера были серьёзны.

– Вчера дежурил у порохового погреба, позавчера у знамени, – добавил другой юнкер.

– Вольно, господа. Я его брат. Проводите кто-нибудь к секретному объекту, – хмыкнул Рубанов.

Стоявшего при пашке и винтовке брата увидел издалека.

– О чём мечтаешь, братец, – наплевав на Устав караульной службы, обнял Глеба.

– О монашестве! – коротко ответил тот. – Поставлен поручиком Абрамовым на особо ответственный объект, – щёлкнув каблуками, шутя отрапортовал Глеб.

– За что?

– За любовь!

– И у тебя любовь? – поразился старший брат. – И к кому, если не секрет?
– К горничной одного армейской кавалерии полковника... Сам понимаешь, я же не могу опуститься до горничной полковника пехоты, – поддел старшего.

«Повеселел немного», – с улыбкой отметил Аким:

– Почему же твоими нарядами руководит армеут? – удивился он.

– Наш эскадронный офицер, поручик Абрамов Иаков Иудович, его родственник... Шурин, кажется: «Не для тебя полковник горничную держит», – обличил меня. Вон он собственной персоной на своих двоих скачет... Сейчас и ты с соседнего края встанешь, – пришёл к выводу Глеб, с прищуром уставившись на подходящего поручика.

– Ещё два наряда не в очередь за допуск постороннего на пост, – брызгал слюной гладко прилизанный, длинноносый чернявый офицер. – Что вы тут? – вперился чёрными глазами в Акима.

– Какой умный, спокойный и тактичный офицер ваш начальник, – холодно оглядел с ног до головы поручика. – Потрудитесь с уважением разговаривать с гвардии подпоручиком, а то ведёте себя как хамло и быдло, – чуть склонив голову набок, с интересом стал наблюдать за ответной реакцией.

Но она оказалась не той, что ожидали брата.

Поручик пожевал чего-то ртом...

«Удила», – подумал младший. «Трынчик»,² – усмехнулся старший.

Повернулся кругом, и без разговора ушёл.

– Ну и офицеры у вас? – изумился Рубанов-старший. – Кавалерия, кавалерия... Где дуэль с двух шагов из левольвертов? – хмыкнул, изуродовав слово.

– А вот кавалерию, братец, не тронь, – обиделся младший. – Не все у нас Иаковы Иудовичи, – выхватив шашку, погонял роящихся мух.

– Смотри, чтоб они чего с поста не стырили, – уходя, дал брату совет Аким. – Поручик придёт, всё взвесит...

– Отцу не говори, – закричал вдогонку младший.

– Да не-ет, только матери, – помахал рукой старший.

Коннице досталось на орехи не только от Акима Рубанова.

Великий князь Николай Николаевич, генерал-инспектор кавалерии, сам гусар и отъявленный кавалерист, лично провёл учебное занятие с николаевцами.

Несколько часов эскадроны глотали пыль военного поля, затем построились перед генерал-инспектором. Вспыльчивый великий князь провёл разбор учений.

Эскадрон старшего курса с прискорбием узнал, что состоит не из «корнетов», а из беременных курсисток Смольного института не совсем благородных девиц.

До сведения эскадрона младшего курса великий князь довёл, что гарцуют они на хромых мулах, и что это не кавалерийский строй, а ряды беременных торговки зеленью.

После полевого галопа с препятствиями, пыльные благородные корнеты пришли, вернее, прискакали к выводу, что беременные курсистки, по статусу, стоят на ступень выше беременных чухонских торговки зеленью.

А вот у пехотных гвардейцев жизнь в главном лагере протекала скучно.

Николай Николаевич радовал только российскую конницу.

До середины июля, согласно многолетней традиции, занимались строем и стрельбой.

---

² Правильно «тринчик». Кожаный ремешок для крепления чего-либо.

– Даже выпить не за что, – грустно сидели в просторной зале офицерского собрания за огромным, накрытым белоснежной скатертью столом, молодые офицеры, и со скукой глядели в распахнутые настежь окна.

– Господа! – встрепенулся Рубанов. – В Питере сейчас всю отмечают столетие со дня рождения адмирала Нахимова... Помянем морского старичка, – поднял бокал с вином.

Народ радостно откликнулся.

– Рубанов, – воззвал Гороховодатсковский, – вы же газеты от безделья обожаете читать... Предложили бы какой-нибудь не тривиальный тост... За винтовку Мосина, револьвер Нагана, за шашку...

– За полковника Ряснянского в гренадёрке, – подсказал Зерендорф.

– Вот именно... Сколько же за всё это можно пить?

– Давайте жажнем за белого, как собранская скатерть, представителя дудергофской пожарной дружины, козла Шарика, – с ходу предложил Аким.

– Да ну вас, Рубанов. Господа, давайте, как всегда – за любовь..., – поднял бокал с вином Буданов.

– За чью? – решил конкретизировать Аким. – За Ольгу пить не хотелось.

– Ну, например, за любовь великого князя Павла Александровича и Ольги Валериановны Пистолькорс...

«Опять Ольга», – вздохнул Аким.

– За эту любовь пить не стану, – возмутился Зерендорф. – Мало того, что у дамы фамилия, мягко говоря, дурацкая...

– А мне нравится, – отхлебнул из бокала Буданов, – смешаны пистолет с корсетом...

– ... так ещё, – не слушал его Зерендорф, – устроила скандал, тайно обвенчавшись с великим князем в Италии. Все офицеры его осуждают.

– Зато дамы очень поддерживают дочку камергера Карповича, – вставил веское своё слово Гороховодатсковский. – Девичья фамилия госпожи Пистолькорс.

– А чего её поддерживать? – стал спорить Аким. – К тому же и имя мне не нравится...

– Муж этой дамочки – гвардейский офицер и адъютант великого князя Владимира Александровича, а она его бросила, – не мог успокоиться Зерендорф. – Так что император справедливо лишил своего дядю всех должностей, а ведь он гвардейским корпусом командовал, чинов и званий...

– Ну да. В прошлом году высочайше пожаловали чин генерал-лейтенанта, а теперь лишили чина, звания генерал-адъютанта и запретили въезд в Россию, – согласился с товарищем Рубанов.

– Не бросай гвардейских офицеров даже из-за великих князей, – задумчиво произнёс Зерендорф.

– Так за что пить станем? Давайте за гауптвахту, приют раздумий тяжких, – опорожнил бокал Гороховодатсковский.

– Господа! Прочёл в газете, что на московском скаковом ипподроме была разыграна барьерная офицерская скачка на две версты. В этой скачке на «Артемиде» князя Вадбольского ездом был поручик Сумского полка. Пройдя около четверти версты «Артемиде» упала, придавив седока. Поручик скончался... Выпьем за погибшего поручика, господа.

Офицеры встали, и молча выпили до дна.

– Ничего, – когда сели, произнёс Зерендорф. – Скоро «перелом», как гвардейцы называют переход ко второму этапу сборов – три-четыре недели будут проводиться манёвры. Вот уж повеселимся...

И до манёвров, и после, Рубанов старательно избегал встреч с Ольгой.

– Аким, ты чего не посещаешь одну, известную тебе дачу? – интересовался Зерендорф. – Дамы приглашают тебя...

– Служба! – весомо и коротко отвечал он, вальяжно развалился в кресле с книгой в руках. Да и на самом деле начал уделять службе больше времени, нежели остальные субалтерны.

Полковник Ряснянский в корне переменил мнение о молодом подпоручике, и ставил его в пример другим офицерам, даже Гороховодатсковскому, от которого по утрам частенько попахивало чем угодно, но только не чаем.

Офицерская молодёжь стала подозрительно коситься на Рубанова, особенно Зерендорф.

– Вот когда юнкером был, так себя вести следовало, – бурчал он. – Подводишь всё Павловское училище и бросаешь трезвую тень на меня, твоего старшего портупей-юнкера.

– Дубасову привет, – отвечал в таких случаях Аким.

Закончился летний Красносельский лагерь, наступила осень, и Натали вдруг перестала отвечать на письма. Но съездить в Москву Аким не имел возможности.

Служба!

В октябре отец пригласил его в цирк Чинезелли.

– Сегодня молодые юнкера приняли присягу, и согласно давней традиции Школы, что закончил и я, в цирке ежегодно, перед началом представления происходит неофициальная церемония чествования кавалерийских юнкеров. И их «земного бога». Маму я тоже уговорил посетить цирк и забронировал для всех нас ложу.

– Маман согласилась посетить не театр, а цирк? – ошарашено воскликнул Аким. – Ну что ж, тогда и я с вами...

Вечером подъезд цирка сверкал огнями, не уступая Зимнему дворцу.

И подъезжающих экипажей было не меньше.

Аким подкатил на извозчике, и, проталкиваясь сквозь офицерскую массу кавалеристов, ловил на себе ироничные улыбки – чего это пехтура здесь делает.

Отыскав ложу, расцеловался с матушкой, хотя виделся с ней утром, ибо ночевал дома, и солидно пожал руку отцу, бесконечно раскланиваемому с заполняющими соседние ложи генералами.

В цирке витал запах духов от пришедших с офицерами дам, но его перебивал приятный для военного человека лёгкий запах юфти.

Аким глянул в партер.

Первые два ряда занимали субалтерн-офицеры с дамами, старшие офицеры разместились в ложах, а третий ряд цвёл красными бескозырками юнкеров.

– Время! – глянул на часы Рубанов-старший, и в эту минуту раздалась певучая, а не резкая, как в пехоте, команда:

– Юнкера-а! Встать... Смирно-о...

Разговоры стихли.

Третий юнкерский ряд дружно поднялся и замер. Следом поднялись два первых ряда, старшие офицеры и генералы в ложах.

Поднялись и их дамы, с улыбками разглядывая друг дружку, офицеров и юнкеров.

Генерал Рубанов тоже замер, серьёзно глядя на раскрытую дверь входа, откуда, по традиции, должен появиться вахмистр Школы, который почитался у юнкеров выше начальника училища и звался «земной бог».

А все генералы начинали с юнкеров.

Оркестр грянул «Марш Школы», вызвав у офицеров и генералов суровые мужские слёзы... И тут в дверях появилась стройная, подтянутая фигура «земного бога».

Генералы, словно мальчишки-юнкера, вытянулись во фронт, с почтением и восторгом глядя на вахмистра Школы.

«Вот она, сила традиций», – подумала Ирина Аркадьевна, с удивлением видя слёзы на глазах супруга.

Марш смолк.

В тишине замершего зала слышались лишь шаги «земного бога», направившегося к центру арены, и замершего там, подняв ладонь к бескозырке.

Он стоял в центре, и сам в эту минуту был центром мироздания для всех присутствующих кавалеристов.

По щекам офицеров и генералов текли слёзы восторга: у одних – от встречи с юностью, у других – от встречи с «земным богом».

Аким замер, пристально вглядываясь в того, кто сегодня стал центром вселенной...

К огромному удивлению, все преклонялись перед его младшим братом...

Ставшим для них «земным богом».

На генерал-адъютантском дежурстве Максим Акимович, сидя за обеденным столом с императорской четой, хвалился младшим сыном.

«Жаль великого князя Владимира Александровича нет... Опозорил в прошлый раз перед императором, – вспомнил досадное недоразумение со старшим сынулей. – Но хоть Победоносцев, надеюсь, не пропустит мимо своих мясистых, оттопыренных ушей, которые так любят рисовать карикатуристы, известие о младшеньком, и поймёт, что не такой уж я плохой воспитатель, – глянул на уплетающего пельмени обер-прокурора. – Смотри-ка, и ухом не ведёт на моё торжественное повествование, – обиделся в душе Рубанов. – Слава Богу, не земному, а небесному, хоть анекдоты не рассказывает», – мысленно покуражился над Константином Петровичем.

– Максим Акимович, – отвлёк Рубанова от размышлений царь. – 25 ноября в Москве пройдёт кавалерский праздник ордена Святого Георгия Победоносца, – как показалось Максиму Акимовичу, с завистью глянул на его белый эмалевый крестик в петлице. – Вы в последнюю русско-турецкую войну воевали вместе с моим батюшкой и великим князем Сергеем Александровичем, ныне генерал-губернатором Московии... Хочу попросить вас съездить к нему и поздравить от моего имени.

– Я помню, будто вчера было, как государь Александр Второй, наследник Александр Александрович и великий князь Сергей отправились в действующую армию, – отставив похожие на его уши пельмени, оживился обер-прокурор. – В 1877 году 21 мая, после напутственного молебна в Царскосельском дворце я провожал их на вокзал. 20 лет Сергею Александровичу исполнилось, а сейчас уже 45. Идёт время... Мне тогда лишь 50 было... Ваше величество.., что ваш папенька, царствие ему небесное, что его младший брат, московский генерал-губернатор Сергей Александрович, оба являлись моими воспитанниками... Чего же я ему преподавал-то... Ага! Великому князю Сергею имел честь преподавать энциклопедию права... Если вы не возражаете, ваше величество, я вместе с Максимом Акимовичем съезжу в Москву. Церковный парад заодно посещу...

– Ну конечно, – доброжелательно улыбнулся государь. – Воля ваша, Константин Петрович, как я могу быть против...

– Вы дружили с Сипягиным, – поверх очков глянул на Рубанова Победоносцев. – Это был настоящий русский патриот и просто хороший человек. Милости прошу вас завтра посетить мой дом... Литейный проспект 62, – немного подумав, уточнил он.

Отказаться, выдумав какое-нибудь дело, Рубанов постеснялся, и, отдохнув после дежурства, в 3 часа пополудни вошёл в швейцарскую уютного особнячка, сразу попав в руки обер-прокурора Святейшего Синода.

Пока в столовой накрывали стол, Константин Петрович провёл гостя в кабинет, дабы похвастаться собранной библиотекой.

«Вообще-то, зачем генералу книги, это его брат – профессор», – внутренне съязвил он.

– Моё московское детство прошло среди книг, – расположился в кресле у окна Победоносцев, предложив гостю соседнее кресло у рабочего стола, заваленного газетами.

«Обер-прокурор читает не только «Церковные ведомости» или суворинское «Новое время», – с любопытством бросил взгляд на газеты Рубанов.

–... Семья жила литературой, – менторским тоном бубнил хозяин. – Отец являлся членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Издавал популярный в то время журнал «Минерва». Печатал произведения в «Новом Пантеоне отечественной и иностранной словесности», издавал журнал «Новости русской литературы». Занимался переводами, – взмахом руки указал на заставленную книгами полку.

«Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», – взяв с разрешения хозяина книгу, прочёл название Рубанов.

Затем взял тяжеленный фолиант и прочёл: «Избранные нравоучительные повести, удобные вливать в сердце чувство нравственной красоты».

Увидев улыбку на лице гостя, Победоносцев, поднявшись с кресла, и подойдя к полке, пояснил:

– Ну конечно, сочинения отца сейчас отстали от нашего времени, и кроме меня никто их не читает, – с благоговением взял книгу и прочёл: – «Направление ума и сердца к истине добродетели». Но мне нравятся. А вот сочинения моего брата, – вытащил из ряда забытых томов книжку «Библиотеки для чтения». – Путевые записки Сергея Петровича, открыв наугад, с удовольствием прочёл отрывок. – Прекрасный стилист, – похвалил брата. – Хоть вас несколько удивили оглавления, – с долей обиды обратился к Рубанову, – но почитайте названия статей в газетах, – указал на стол. – Пишущая братия элементарно обнаглела... Особенно некоторые жидовствующие корреспонденты, – кивнул на «Всемирную панораму». – Но приходится читать все направления. От «Русского знамени» до пропперовской «Биржёвки».

– А в высшем свете острят, что обер-прокурор кроме «Московских ведомостей» и «Почаевского листка» ничего не читает, – усмехнулся Максим Акимович, с уважением глянув на Победоносцева.

– Прочтя большинство русских газет, – уселся тот в кресло, – явно убедитесь, что наша печать не что иное, как гнусный сброд людей без культуры, без убеждений, без чести, и орудие нравственного разврата в руках врагов всякого порядка.

«Выражается в стиле своего отца... Только тот о нравственной добродетели, а сын о нравственном разврате».

– Наше несчастье в том, – устало потёр лицо ладонями, – что народ при императоре Александре Втором вместе со свободой получил газету, а не книгу... Но книга – дело неспешное и требующее размышлений. Газета – вещь скорая и в большинстве своём глупая... Рассчитанная на простаков информация, заставляющая не думать, а верить, показывающая, что путь к обновлению, сиречь к разрушению, открыт... Дьявол скрывается в мелочах. И оттуда переходит в головы простодушных людей. Нас спасёт только ВЕРА... А её-то и не стало... Даже великие князья перестали чтить православную веру и её реликвии. Беседовал как-то с другом детства нашего государя великим князем Александром Михайловичем, который вместе со своим старшим братом критиковал Сергея Александровича за Ходынку и требовал у императора его отставки. Так вот... Он поведал мне, видимо надеясь в душе уязвить, как обер-прокурора Синода, что, будучи ещё двенадцатилетним мальчиком и впервые выехав из Тифлиса, где находился дворец его отца, наместника Кавказа, в европейскую Россию, невзлюбил всё русское... Ему не нравилось русское небо, просторы полей, дремучие леса и широкие реки: «Мне не нравилась эта страна, и я не хотел признавать её своей родиной, – сказал он мне: – «Мы

остановились в Москве, чтобы поклониться иконе Иверской Божией Матери и мощам Кремлёвских святых. Иверская часовня была переполнена народом. Тяжёлый запах бесчисленных свечей и громкий голос диакона, читавшего молитву, нарушили во мне молитвенное настроение. Во всей службе не было ничего истинно христианского. Она скорее напоминала мрачное язычество». – С детства неверующий человек... Его отец, великий князь Михаил Николаевич, брат императора Александра Второго, не сумел передать сыну высоту православия... С которой наши предки отстаивали ДЕРЖАВУ и раздвинули пределы ея до шестой части суши, – перекрестился Победоносцев. – А великий князь Сергей – человек истинно христианской веры и нравственности, что бы про него не говорили враги православия. Воспитывала его Тютчева, с детства приобщая к традициям нашей отечественной культуры. Будучи супругой Ивана Сергеевича Аксакова, и разделяя православно-патриотические взгляды мужа, старалась передать их своему воспитаннику. У мальчика были слабые лёгкие и родители, по совету врачей, семилетним отроком отправили его в Москву. Жил он в Кремле. Икона Иверской Божией Матери и мощи Кремлёвских святых не оказывали на князя того ужасного впечатления, что на Александра Михайловича. Отрок Сергей сам пожелал присутствовать на архиерейском богослужении. Святитель Филарет, митрополит московский, поручил своему викарному епископу Леониду отслужить Божественную литургию в Чудовом монастыре. После службы великий князь долго беседовал с преосвященным Леонидом, и он позже рассказал мне, что с этого времени началась его дружба с благочестивым отроком. Говорили о многом. О вере, о монашестве, об Угреше, где в детстве побывал великий князь Сергей, о молитве, что она всегда должна жить в душе, что есть молитва открытая, а есть внутренняя, сокровенная... Два родственника – и такие разные люди. Великий князь Сергей Александрович считает, что у России свой путь, а великий князь Александр Михайлович мечтает, как он выразился, американизировать Россию... Тьфу, прости Господи! – вновь перекрестился обер-прокурор синода. – Американцы едут к нам учиться быстро строить железные дороги. По многим показателям Россия обогнала Американские Штаты. Люди у нас духовнее и добрее и думают не только о деньгах, но и о душе...

После вкусного обеда и чашки душистого ароматного чая, без которого Екатерина Александровна Победоносцева гостей из дома не отпускала, Максим Акимович откланялся и поехал домой готовиться к отъезду в Москву.

Его старший сын, ужинавший дома и узнавший о поездке отца, стал напрашиваться ехать с ним.

– Отец, ну определи меня временно к себе адъютантом, – просил он, – или ординарцем, да хоть вестовым.

Последнее слово, как водится в русских семьях, осталось за женой.

– Максим Акимович, – со вздохом отложила она в сторону пирожное. – Пусть ребёнок там присмотрит за тобой... Что-то слишком активно отбрыкиваешься, кавалерист ты мой ненаглядный... Али кралю завёл? – рассмешила мужчин. – То-то у соседа Пашки в прошлом годе кобель пропал, а у меня шуба с искрой появилась...

Рубанов-старший задумчиво, склонив на бок голову, разглядывал супругу...

Вечером 23 ноября Рубанов-младший бодро топал в хвосте кавалькады, попутно любуясь рекламой калош фабрики Треугольник.

– Аким, не отставай, – услышал далеко впереди голос отца, подумав, что когда-то всё это уже было.

Ускорив шаг, догнал тяжело пытящего от тяжести чемоданов денщика.

– Нижний чин Козлов, – обернувшись и перебрасывая с руки на руку лёгкий баульчик, поучал молодого солдата пузатый Антип. – Чего пытишь громче паровоза? Вид у тебя должен

быть не только придурковатый, что ты уже освоил за год службы, но и радостный, оттого, что обслуживаешь старшему унтер-офицеру, всю свою жисть отдавшему царю-батюшке и армии.

«О-о! Тот же номер вагона, что и в прошлый раз, когда с маменькой в Москву ехали, и стоит на том же месте, – с удовольствием узрел грязного младенца, с аппетитом жрущего пропитанный угольной пылью шоколад.

Оставив вещи в купе, денщики побежали искать свой вагон третьего класса. Затем целая ватага синодских служащих, под локотки завела в вагон и определила в соседнее купе своего бесценного начальника.

Через некоторое время Константин Петрович пригласил на чай Рубановых и долго, со всевозможными подробностями, рассказывал о своей жизни в Москве.

– Старею что ли, – прихлёбывал он чай, – ибо воспоминания о минувшем без конца всплывают в сознании. Снится детство. Иногда, проснувшись, не сразу и поймёшь, где находишься, то ли в Москве, в доме номер 6 по Хлебному переулку, то ли в Петербурге на Литейном 62. Приходится закрывать глаза и перемещать сознание сюда, в старость и немощь... А как не хочется. С вами так не бывает, Максим Акимович? – поинтересовался он, внимательно глянув в глаза собеседника.

– Никак нет, Константин Петрович. Чётко помню, где ночую, – хмыкнул тот.

– Значит, молоды и всё ещё впереди, – поглядел в тёмное окно. – Вот прошлой ночью снова жил в детстве. На этот раз, честно сказать, эпизод снился не очень приятный. Арбатские пацаны заловили меня одного, надавали тумачков и натолкали грязи из лужи за шиворот. Этих арбатских пол-Москвы ненавидело за наглость и высокомерие. Отпрыски крупных торговцев и офицерские сынки... Извиняюсь, – улыбнулся Рубановым. – Самые злодеи и аспиды жили на Сивцевом Вражке. Вот туда-то во сне и попал. Били они не только хлебниковских... Бегали к Скатёрному, на Молчановку, в Ржевский переулок, дабы раскровянить носы и тамошним пацанам. Ну, право слово, аспиды, – в волнении снял очки Победоносцев: «Вы – сявки. А мы – арбатские... Арбат – это сердце Москвы», – орал он им. Приходилось объединяться. Ножовый, Столовый, Трубниковский, Борисоглебский и Хлебный звали на помощь Поварских и Никитских... Вот тогда мы им задавали-и, – счастливо улыбнулся он. – Может, ещё приснится... Вот потому-то я и стою за общину. Вместе – мы сила! Видно от этого больше люблю хоровые песни, а не солиста. Одинокий голос так повлиять на мою душу не в силах. На секунду хор может замолкнуть, что б пел один, но затем вступает и поддерживает солиста, поднимая душу слушателя ввысь, туда, где ангелы, солнце, синее небо, и где мечта становится явью...

Уже за полночь, дослушав воспоминания Константина Петровича, откланялись и ушли в своё купе.

Московским утром денщики с трудом добудились господ и, похватав чемоданы, потащили их на перрон.

Зевая и не спеша надевать китель, Аким с интересом наблюдал в окно вагона за трагической страницей из жизни денщиков, попавших в лапы московского патруля.

Артиллерийский подпоручик с пристрастием выяснял, у кого нижние чины стащили кожаные чемоданы, и особенно напирал, почему при этом у старшего унтер-офицера прослаблен ремень на животе, а у нижнего чина и вовсе расстёгнут верхний крючок на шинели.

– Тырите чемоданы, так будьте добры быть одетыми по форме, – орал он.

В этот занимательный момент целая толпа синодских служащих, во главе с каким-то епископом, закрыла обозрение, расшаркиваясь со своим главным начальником и затем, уцепив под локотки, повела его вдоль перрона на выход.

Когда поле боя очистилось, Аким увидел, что несчастных денщиков, уцепив под локотки, артиллерийские солдаты тоже собрались вести вдоль перрона, правда, не с таким почётом как обер-прокурора.

«Эге! так и чемоданов потом не сыщешь, – вышел из вагона Аким, не успев застегнуть шинель.

Его явление привело артиллериста в неопишуемый восторг.

– Господин подпоручик, – крупнокалиберным снарядом подлетел он к Аким, – почему не по форме одеты? – козырнул подошедшему капитану. – А ещё гвардеец, – радостно усугубил пагубное поведение столичного офицера.

– Потому и не по форме, что бросился денщиков выручать, – тоже козырнул капитану.

– Ах, так эти разгильдяи ваши денщики? – покраснел от удовольствия подпоручик. – Именно ваш который?

– Мой – нижний чин, – привёл себя в порядок Аким и кашлянул в кулак.

Ситуация явно начинала его занимать.

– Так я и думал, – восхищённо, чуть не по слогам, продекламировал москвич. – Весь в своего офицера. Погляди-и-им, – блаженствовал он, – каков ваш товарищ... Тоже, видимо, пузатый, как денщик и ремни наперекося-я-к, – с понижением тембра до музыкального темпа «ларго», закончил он фразу, побледнев и вытянувшись во фронт.

Капитан, приблизившись к подтянутому генерал-адъютанту и козырнув, доложил о себе.

Тряхнув плечами и сбросив с локтей захапистые артиллерийские лапы, денщики независимо направились к своему начальству.

– Мух на московскую губу тащи, а не павловского гвардейца, – бросил своему тюремщику фразу из фельдфебельского лексикона Козлов.

– Ну, бомбардир, в пушку ты ети, попадётся мне в Петербурге, – процедил сквозь усы Антип.

– Сын, познакомься, бессменный адъютант его высочества, капитан Джунковский. Подпоручик Павловского полка Рубанов. В данном случае – мой адъютант, – улыбнулся генерал.

Вечером, заехавший за ними в гостиницу Джунковский, повёз гостей на приём к великому князю и его супруге в Николаевский дворец Кремля.

Сергей Александрович не чинился и встретил их приветливо и по-простому, хотя нарядился в парадную форму – всё же принимал равного по чину генерал-лейтенанта в генерал-адъютантском звании, и к тому же посланника императора.

Аким восторженно глядел на Елизавету Фёдоровну, одетую в элегантное строгое платье, и от растерянности, неловко поцеловал её руку, чем вызвал улыбку жены великого князя. Затем, вытянувшись во фронт, представился генерал-губернатору Москвы.

– А это – наши дети, – нежно улыбнулась мальчику и девочке Елизавета Фёдоровна, ведя под руку Рубанова-старшего к накрытому столу. – Великая княжна Мария Павловна и её младший брат, Дмитрий Павлович, – представила их.

Максим Акимович с трудом скрыл удивление, зная, что детей у супругов не было.

Когда гости расположились за столом, а воспитатель увёл детей, Сергей Александрович раскрыл тайну:

– Дети моего брата Павла Александровича, имевшего глупость вступить в морганатический брак, за что разжалован и уволен со службы... И лишен детей...

– Они не очень-то и нужны этой мадам Пистолькорс, – кивком велела лакеям разливать по бокалам вино и подавать ужин Елизавета Фёдоровна. – Их скончавшаяся матушка – дочь греческого короля Георга Первого, а не какого-то там чиновника Карповича. Государь прав, что забрал у своего дяди и его безродной супруги детей... Мы их воспитаем в духе любви

к родине и православию, – обернулась на вошедшего лакея, доложившего о прибытии обер-прокурора синода.

– Никакого такта у Константина Петровича, – добродушно улыбнулась она. – На ужин к их высочествам опаздывает.

– Зачитался, наверное, нравоучительными повестями, удобными вливать в сердце удовольствия юношеского возраста, – совместил названия книг Рубанов, чем вызвал улыбку великой княгини Елизаветы.

«В высшем свете её называют Элла, – осторожно и тактично любовался женщиной Аким, стараясь чаще глядеть в тарелку, нежели на губернаторскую супругу.

Сидевший рядом Джунковский, чуть подвинулся вместе со стулом, уступая место усаживающемуся обер-прокурору.

Великий князь Сергей глядел на пожилого человека с лёгкой улыбкой, с жалостью думая, как постарел его учитель. Ел он без аппетита и очень аккуратно.

«Мадамам Камилле и Клеопатре Светозарской великий князь чрезвычайно бы понравился», – с трудом сдержал усмешку, освоившийся уже за столом Аким, с интересом разглядывая продолговатое, породистое лицо московского генерал-губернатора с аккуратной, начавшей сесть бородкой и зачёсанными на затылок тёмно-каштановыми волосами.

Его отец в это время тоже поднял глаза на Сергея Александровича.

«А ведь император подражает своему дяде», – перевёл взгляд с золотой бахромы эполет на красную с чёрными полосами по краям Владимирскую ленту через правое плечо и белый георгиевский крест.

«Даже артиллерийский подпоручик не сумел бы найти нарушений в форме великого князя, – с уважением подумал Аким. – Будет о чём рассказать Натали», – вспыхнул радостью, на минуту забыв о находившейся рядом великой княгине.

– Ваше высочество, – промокнув губы салфеткой, произнёс Рубанов-старший, – а ведь мы одно время вместе воевали в Рушукском отряде в семьдесят седьмом году... Тогда ещё наследник, ныне почивший в бозе император Александр Александрович, направил вас в Рушукский отряд.

– Я долго просил отправить меня в какое-нибудь опасное место, – улынулся великий князь. – Что вы хотите – двадцать лет... Возраст, требующий любви и подвигов, – аккуратно отложил вилку и пригубил из бокала.

– Столько сейчас моему сыну, – улынулся Рубанов-старший. – Но войны, что б совершить подвиг, нет.

– Вот и приходится ходить лишь со знаком об окончании училища, – грустно произнёс Аким, развеселив великую княгиню.

– И слава Богу, юноша, что нет войны... Правда же, Константин Петрович? – обратилась за поддержкой к сыто пылающему ушами обер-прокурору.

– Конечно, правда, – разомкнул тот веки – видно, немножко придремал, и согласно покивал головой. – Не в обиду петербуржцам будет сказано, – вспомнил что-то услышанное или прочитанное, но москвичи шутят: «Почему Кутузову памятник в Петербурге поставили? Да потому, что он французам Москву сдал», – закатился дробным старческим смехом, всплывая от удовольствия ручками и раскачиваясь на стуле.

Великий князь изволил улыбнуться.

Элла шутки не поняла.

Рубанов коротко хохотнул.

Джунковский ел и был непроницаем.

Аким вспомнил и процитировал в уме Клеопатру Светозарскую: « В разговоре недостаточно наблюдать за выбором выражений, должно, сверх того, не давать лишней воли рукам, не делать гримас, не позволять качаться или вздрагивать корпусу и не подплясывать на одном

месте, как манежная лошадь. Всё это до крайности смешно, тривиально и неестественно». – Вот это да-а! – поразился он. – Когда мадам Камилла сумела вбить в меня столь обширные познания этикета?»

Победоносцев, между тем, окончательно проснувшись и пригубив чего-то, налитого лакеем, перешёл к анекдотам:

– Про Петра Первого, – уточнил тему. – Один монах у архиерея, подавая Петру водку, облил его, но не растерялся: «На ком капля, а на тебя, государь, излился вся благодать», – вновь зашёлся смехом. – Пусть на всех, здесь присутствующих, изольётся благодать небесная и земная, – допил бокал до дна.

«Следует запомнить тост», – зашевелил губами Аким, повторяя текст.

Внимательный Джунковский сумел вовремя ухватить заскользившего со стула обер-прокурора и с помощью лакея увёл его в соседнюю комнату.

– Стар. Стар становится батюшка Константин Петрович, – пожалел старичка великий князь.

«Стар и нелеп, – подумал Аким. – Спасибо, мадам Камилла его не видит. Воспитала бы почище, чем он семинаристов».

«Кроме нравственных фолиантов о душе, кто-то подsunул дедушке сборник скабрёзных анекдотов», – постарался скрыть ухмылку Рубанов-старший. И видя, что великий князь наблюдает за ним, произнёс:

– Помню, осенью семьдесят седьмого года, наследник приказал генералу Власенко произвестить рекогносцировку по всему фронту расположения Руцукского отряда.

– Я тоже вспоминаю об этом. То, что с нами происходит в юности, на всю жизнь откладывается в голове, – задумчиво пригладил бородку и улыбнулся Элле её супруг. – И даже случившиеся опасности принимают какой-то приятный романтический флёр, – дотронулся до белого крестика четвёртой степени, прикрепленного на колодке перед высшими орденами России, согласно статусу, полученными сразу после рождения.

– И что же произошло тогда с тобой? – с интересом глянула на супруга Элла. – Ты всё время скрываешь от меня...

Не заметив предупредительного знака великого князя, Максим Акимович досказал давнюю историю:

– О произошедшем событии в то время много говорили в армии. Правая колонна генерала Власенко, где находился гвардии капитан Романов, была замечена неприятелем и подверглась сильнейшему артиллерийскому обстрелу. Солдаты и офицеры ответным огнём несколько успокоили неприятеля, а рядом с капитаном Романовым взорвалась и завалилась набок пушка.

– Как давеча обер-прокурор Победоносцев, – видя, что жена побледнела от переживаний, пошутил великий князь. – Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, – остановил он разговорившегося генерала. – Главное, мы живы. Жива Россия и жива Москва. Предлагаю выпить за лучший город на земле – Москву, – предложил тост генерал-губернатор.

Аким вновь сморщил лоб, стараясь запомнить: «Но Москву перемену на Петербург», – решил он.

В день встречи двух генерал-адъютантов, на Путиловском заводе происходило молебствие по случаю выпуска тысячной пушки.

По воскресному одетые рабочие, стоя рядами в гигантской пушечной мастерской, истово крестили лбы, любясь созданной их руками трёхдюймовой скорострельной красавицей.

Рядом с помостом, на котором установили имениницу, стояли братья Дрищенко.

Двадцатилетний Артём крестился и, увлечшись службой, временами подпевал диакону.

Его младший брат Герасим, с трудом сдерживая зевоту, крутил головой по сторонам и подмигивал знакомым, мечтая скорее усесться за стол с угощением.

Но служба затянулась.

– Тысячная пушка, выпущенная 24-го ноября 1902года, – прочёл он надпись на щите возле пушки, и тихонько охнул, получив локтем в бок от брата.

– Гераська, не вводи в грех, хоть разок лоб свой окаянный перекрести, – зашептал Артём. – С Обуховского выгнали, дождёсси, и отсюда наладят, – склонился перед подошедшим с иконой в руках батюшкой.

– А я что? – лениво перекрестился Герасим, с трудом удержав зевоту. – Вес 21 пуд 26 фунтов, – зачастил он шёпотом, крестя лоб: «Пусть поп думает, что молитву читаю, – с трудом удержал смех. – Поп – значит, пастырь овец православных, – на этот раз хихикнул он. – Вот и стоим как бараны», – радостно отметил, что служба закончилась, и бросился к столу.

Гремя скамейками, рабочие солидно рассаживались за накрытыми столами.

– Одно только пиво, ни водочки, ни винца, – вздохнул Гераська.

– Зато закуси море... Ешь – не хочу, – уплетал за обе щёки Артём, запивая еду пивом.

Когда, насытившись, и поблагодарив за угощение начальство, толпа расходилась, к братьям подошёл худенький прыщавый очкарик в пальто с бобровым воротником и меховой шапке.

«Ишь, какой справный прикид на очкарике», – позавидовал Гераська.

К его удивлению, прыщавый господин, особо не чинясь, протянул руку и поздоровался с братьями.

– Инженер Муев, – представился он, чётко произнеся первую букву фамилии. – Иосиф Карлович. – И на всякий случай уточнил, – первая буква «М».

– Дрищенко Герасим, – солидно пожал протянутую руку. – В серёдке буква «Ш», – тоже уточнил на всякий случай.

Артём молча пожал вялую мягкую ладонь, подумав, чего это понадобилось от них молодому начальнику.

Оглянувшись, инженер произнёс:

– Привет вам, ребята, от Александра Васильевича Шотмана, – сощурил глаза за очками, проследил за реакцией рабочих.

– Как он? – обрадовался Гераська.

«На хрена он нам сдался?» – засопел Артём.

– Всё нормально, – понизил голос Муев. – Работает под другой фамилией на одном из военных заводов, – вновь покрутил головой. – Я больше месяца к вам присматриваюсь, – подёргал прыщавой щекой.

«К девкам бы лучше присматривался, – недовольно нахмурился Артём, – то-то, вся рожа в прыщах».

– Чего на улице мёрзнуть, пойдёмте в чайной посидим, – вытянул руку в сторону заведения.

– Лучше в закусочную, – указал в другую сторону младший Дрищенко. – Там антиреснее согреть получится, – сделал тонкий намёк инженеру.

«Анженер всё понял правильно, – разливал водку Герасим, – недаром их столько лет уму-разуму учат».

– Мне чисто символически, – почти свёл большой и указательный пальцы Иосиф Карлович, показывая дозу.

«Вот такой у тебя и есть, потому-то вместо танцев на собрания ходишь», – повеселел Артём, поднимая стакан.

– За демократию, – прошептал тост Муев.

– А по мне, так лучше за трёхдюймовку, – выдвинул встречное предложение Артём. – На Обуховском и вовсе громадные пушки производили.

– Тогда я за девиц выпью, – мигом слотнул огненную жидкость Герасим и, задохнувшись, долго махал ладонью перед лицом. – Фу-у, – выдохнул воздух. – Крепка царска власть, – лениво взял с тарелки солёный огурец.

Есть не хотелось.

– Крепка, да не совсем, – ухватился за подброшенную тему Муев, подумав, что зря Шотман ребят хвалил. Особенно младшего. Алкоголик какой-то. На баррикады надо идти, а он в закусную норовит шмыгнуть. – Народ идёт в революцию, чтоб бороться с ненавистным царским режимом, – сделал глоток из стакана и раскашлялся, уронив с носа очки.

«Революционер, мать его яти, – хмыкнул Артём, – вон как башкой мотает, аж половину прыщей вместе с очками стряхнул».

Герасим аккуратно врезал инженеру по спине.

От удара у того выпучились близорукие глаза, словно узрел приход революции, но кашель прошёл.

– Легче стало? – наливая в стакан, добродушно поинтересовался Гераська. – Али ещё полечить?

– Легче-е, – просипел Иосиф Карлович, вытирая платком нос, глаза и стёкла очков.

– Да-а, – осоловело глянул на инженера младший из братьев. – Мне про птичку ндравилось, – хотел встать и громко продекламировать, но старший, зная повадки младшего, схватил того за локоть и усадил на расшатанный стул. – И тока гордый буревестник.., – подперев щёки ладонями, зашептал Герасим, – над седой равниной моря.., – сомлев, стал засыпать над столом.

– Совсем братка раскиселился, – подытожил ситуацию Артём.

– Кто-о? Я-я-я? – поднял голову младший. – Неправда-а...

– Царские саграпы, – зашипел Муев, – произвели аресты наших товарищей в Саратове. Видно, мстят за летнее покушение на харьковского губернатора Оболенского...

– Бей царских саграпов и заводских мастеров-о-в, – хотел заорать очухавшийся Гераська, но брат придавил его рот ладонью.

– Приятно было познакомиться, – вспомнил вовремя подвернувшуюся вежливую фразу Артём, – но пора пьяного революционера домой тащить.

– Вы, ребята, недовольных подыщите, да побеседуем на досуге, – поднимаясь со стула, надел шапку Муев.

– Мне некогда, – сразу отказался Артём. – Добеседовались на Обуховском, – испортил настроение прыщавому интеллигенту.

Георгиевский праздник прошёл торжественно и с огромным патриотическим подъёмом. В городском манеже состоялся парад, в котором приняли участие все части московского гарнизона, а так же все кавалеры ордена Святого Георгия, и все, имеющие знаки отличия военного ордена.

Акиму выделили смирную лошадь и он, в ряду других адъютантов, расположился за генеральскими спинами, с интересом наблюдая за парадом.

Перед генерал-губернатором и генералами продефилировала московская конница, пехота и артиллерия. Завершили парад юнкера Александровского военного училища во главе с командиром батальона подполковником Кусковым.

«Неплохо шагают александровцы, неплохо, – оценил Аким юнкерскую выправку, – но до павлонов им ещё далеко, – сделал вывод. – Вечером обязательно к Кусковым-Бутенёвым наведаюсь», – решил он.

Однако вечером, начинающий карьеру, не слишком ещё дородный швейцар, дальше парадной двери его не пустил.

– Не велено, ваше благородие, – беспрестанно бубнил он.

– Да кем не велено? – удивился Аким. – Передай Бутенёвым, что прибыл подпоручик Рубанов.

– Не велено-с, – опять слышал в ответ.

И тут Акима бросило в жар: «Это Ольга, – понял он, отходя от парадной двери. – Поделилась своим женским счастьем с подружкой», – перешёл на противоположную сторону, и стал глядеть на окна второго этажа старинного московского особняка, где в огромной восьмикомнатной квартире жили семьи Бутенёвых и Кусковых.

В одном окне свет не горел.

«Видно, комната Натали, – вздохнул Аким и, ссутулившись, пешком побрёл по тротуару, чтоб всё обдумать и остудить пылающую голову.

Он оказался прав. Именно из тёмного окна, чуть отодвинув портьеру, глотая слёзы, глядела ему вслед Натали.

«Ну почему, почему, почему... – комкала полученное от бывшей подруги письмо: «Мы любим друг друга», – произнесла заученную наизусть и тысячу раз повторенную в уме фразу, и не прошеные слёзы затуманили глаза. «Мы любим друг друга», – вытирала платком слёзы. – Ну и кто он после этого? Наглец и хам»... Но злости в сердце почему-то не было, а была любовь и тоска. Которая всё усиливалась и усиливалась, по мере того, как фигура Рубанова удалялась всё дальше и дальше. И переросла просто в невыносимую боль, когда силуэт любимого растаял в ночи: «Дура я. Дура. Следовало поговорить с ним. Может, Ольга всё наврала, – с мстительным удовольствием, на мелкие клочки порвала письмо и швырнула на пол. – Да нет. Так врать она не станет... Всё это было... Он целовал её губы и не вспоминал обо мне», – отойдя от окна, ничком бросилась на кровать, бессильно колотя кулачком безвинную подушку.

---

1 декабря Рубанова назначили в караул Зимнего дворца.

Дежурным по караулам 1-го отделения Петербурга на этот раз Ряснянский поставил капитана Лебедева, а рундом к нему – капитана Васильева, предоставив адъютанту полка дальше самому назначить трёх офицеров.

«Буду я ещё голову ломать», – ушёл в свою квартиру полковник.

Эльснеру ломать голову тоже особо не хотелось, поэтому, просмотрев старые списки, он записал начальником караула в Зимнем дворце поручика Яковлева и в помощь ему двух младших офицеров: Гороховодатсковского и Рубанова.

Морозило.

Стоя на разводе в первой линии, Аким переминался с ноги на ногу, и стучал сапогом о сапог.

– Испачкаешь голенища, – сделал ему выговор бывший портупей-юнкер Гороховодатсковский, на что Рубанов безразлично отмахнулся рукой.

«Тут жизнь рушится, – подумал он, – любимая видеть не хочет и на письма не отвечает... а он с сапогами привязался».

В это время прозвучала команда: «Смирно!»

Важный Александр Иванович – капитан, а не повар, принял рапорт у своего друга, командира 2-ой роты, счастливой обладательницы дрессированного кота, и под гром оркестра повёл караул по Миллионной к Зимнему дворцу.

«Нам-то ещё недолго идти, – печатая шаг, размышлял Аким, – а вот Московскому полку или Финляндскому – целый час топтать, – разглядывал бегущих по сторонам строя мальчишек. – Орут, радуются.., а как через десяток лет самим служить время придёт, ни одного не сыщешь: кто единственный кормилец, у кого врождённое плоскостопие, а кто слышит неважно нецки, – мысленно ворчал Рубанов, уловив отменным своим слухом, что оркестр играть перестал, а улицу наполнил свист флейт и треск барабанов. – Ага! Это к Мошкову переулку подошли, вон уже горбатый мостик виден, а за ним и Зимний, – чётко отбивал шаг, подходя к казармам 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка. – Сейчас, согласно обычаю, наш оркестр грянет Преображенский марш, – вздрогнул от мощных звуков и подпел: «Знают турки, знают шведы», – караул вышел на Дворцовую площадь и остановился перед Комендантским подъездом.

– Под знамя, шай – на краул, – чётко скомандовал Лебедев, увидев, как из открывшейся двери появился адъютант, а за ним бородатый Евлампий Семёнович Медведев вынес знамя, и встал перед караулом.

По команде Лебедева вздвоили ряды и, повернувшись направо, через Главные ворота, вошли во внутренний двор.

Входя в ворота, Аким услышал удар колокола на платформе.

«Старый часовой вызывает караул в ружьё, – отметил Рубанов, – а вон и комендантский адъютант с часами в руках за нами наблюдает... Мечтает, наверное, чтоб какая-нибудь задержка произошла. То-то радости у него будет. Мигом коменданту Санкт-Петербурга доложит, а тот – командиру полка пару кислых слов напишет, вот и пойдут плюмажи трещать».

Новый и старый караулы построились и отсалютовали друг другу, держа ружья «на караул».

Взявши шашки «под высь», оба начальника сошлись у решётки и, опустив шашки, старый начальник караула доложил: «Пароль Грозный, капитан Евменов».

В эту секунду на Петропавловской крепости бухнула пушка, объявив комендантскому адъютанту, что в Петербурге ровно 12 часов дня и смена прошла вовремя.

Грустно убрав часы, тот отбыл в комендатуру, а караулы под музыку направились в караульное помещение.

Вскоре пришли разводящие со сменёнными часовыми, Лебедев с Евменовым подписали караульную ведомость, и караул лейб-гвардии Павловского полка приступил к несению службы.

– Ну что, господа, пройдемте в наши апартаменты, – пригласил Лебедев своих офицеров. Пройдя через столовую с двумя столами, окружёнными стульями, расположились в креслах и на диванах небольшого помещения.

Лебедев, глянув на стоявшие на каминной полке часы, уселся в кресло, первым делом озаботился питанием.

– Как, господа, будем завтракать? Каждый себе выберет по вкусу или все возьмём одно и то же?

– Лучше одно и то же, – произнёс Васильев, взяв карточку завтрака у вошедшего лакея и зачитав меню.

После недолгих споров выбрали два мясных блюда, сладкое и чай.

Лакей передал пожелания офицеров на кухню, а сам принёс и расставил на столе дворцовое пиво, водку, красное и белое удельное вино.

– Ну почему всё это не вечером в офицерском собрании, а на службе днём, – сглотнул слюну начальник караула. – Вот бы мы с Никсом повеселились, – сел он за стол.

– Господа, когда подавать обед и ужин? – поинтересовался лакей.

– Как всегда. Обед в 7, а ужин часов в 11-12 вечера, – ответил Александр Иванович.

«Всё-таки они с собранским поваром родственники», – пришёл к неожиданному умозаключению Аким.

Горе на любовном фронте не отразилось на его аппетите. После завтрака он вместе с начкаром Яковлевым проверил температуру в солдатской караулке, перекрестившись перед этим на икону с неугасимой лампадой в память погибших здесь чинов караула от лейб-гвардии Финляндского полка при покушении на императора Александра Второго.

– С юнкерских времён капитан Кусков приучил, – сообщил улыбнувшемуся поручику. Затем проверили караулы в Зимнем дворце.

Из полка пришли экипажи, и Лебедев с Васильевым разъехались проверять караулы 1-го отделения по записке из комендантского управления.

Начальник караула Яковлев выходил к каждой отправляемой смене часовых проводить инструктаж, а Рубанов с Гороховодатсковским снабдив посыльного вестового записками, направили его в Собрание, чтоб принёс от библиотекаря книги.

К 3 часам офицеры собрались в столовой. Лакей подал самовар, посыльный принёс из булочной печенье, пышки и пирожные.

После чая рунд с дежурным вновь уехали, а Рубанов, немного почитав, решил проверить караулы, а заодно и прогуляться по Зимнему дворцу.

Проходя мимо одной из комнат, почувствовал запах дыма.

« Ну куда столько свечей запалили? – подумал он. – А вдруг портьера загорелась?» – втянул носом дым и чихнул.

Не раздумывая больше, принялся барабанить в дверь.

Никто не открывал. Приложив ухо, прислушался. Тишина. И явный, всё усиливающийся запах дыма из-под двери.

Увидев неподалёку на тумбочке телефон, яростно закрутил ручку.

– Яша-а! – орал в трубку. – Вызывай пожарных и присылай свободных караульных.

Несколько солдат, под предводительством Пал Палыча, мигом вышибли дверь и ведрами принялись заливать огонь, всюду бушевавший у печи. Горел пол и чадило кресло.

Подбежавший лакей сообщил, что это квартира фрейлины Тютчевой, и умчался её искать.

Солдаты выкинули в коридор дымившиеся стулья со столом, и тут Аким услышал какой-то визг под кроватью. Нагнувшись, увидел дрожащую таксу.

Когда, взяв псину на руки, вышел с ней в коридор, солдат сменили пожарные, в азарте, чуть не сбив его лестницей.

– Ещё козла Шарика бы прихватили... Зачем вам лестница-то внутри?

– Брандмейстер с нами, а лестница всегда может пригодиться, – дружно принялись крушить стену рядом с печью.

Пламя разгоралось всё сильнее и сильнее. Пожарные расчёты прибывали один за другим.

Услышав шум, гам и грохот, Аким выглянул в окно – то подкатила ещё одна ватага пожарных.

Скачки орали друг на друга, выбирая место для своих упряжек. Прибывшие с пожарными собаки грызлись, выясняя, кто вожак и чья пожарная часть лучше.

Усатый брандмайор кому-то орал в рупор.

Вся площадь и набережная были усеяны народом, в большинстве своём – советниками брандмайора...

– Что ты опять натворил? – перед Акимом стоял, держась за сердце, белый как лебедь Александр Иванович.

– Но зато хоть не спал, – осчастливил его Рубанов.

– Тимочка-а, – услышали они женский голос, – лапулечка моя, – то фрейлина Тютчева узрела свою собачонку.

Враз взбодрившийся Тимочка, от радости, что видит живую и невредимую хозяйку, деловито вцепился мелкими, но острыми зубками в локоть спасителя, пытаясь урвать кусочек.

– Здесь съедаю-ю-т, – дурачась, заорал Аким, пытаясь отцепить от локтя собачью нечисть.

«А ведь 20 лет уже парню», – осудил его поведение Лебедев, мысленно, суток на 15 прощаясь с супругой.

Фрейлина с трудом оторвала Тиму от лакомого куска, и со слезами на глазах, чмокнула Рубанова в щёку.

Тут наступила относительная тишина – то подошёл сам великий князь Владимир Александрович, случайно проезжавший мимо дворца и строго нахмурившись, произнёс:

– Что вы тут?

Доблестный Рубанов коротко и ясно доложил, что проверяя караулы с капитаном Лебедевым, обнаружили пожар. Не растерявшись, вызвали подкрепление и приступили к ликвидации загорания, попутно вынеся из пламени пострадавшую таксу фрейлины Тютчевой.

– Объявляю вам благодарность, – рыкнул ужас Санкт-Петербургского гарнизона. – Оказывается, гауптвахта делает из подпоручика человека, – уходя, изрёк он.

Немного покрасневший Лебедев, держась за многострадальный рубановский локоть с вырванным куском материи, побрёл в караульное помещение.

Дабы подбодрить прямого своего начальника, Аким поинтересовался:

– Александр Иванович, на ужин что закажем?

У капитана из глаз, как давеча у фрейлины Тютчевой, покатались слёзы... А может, это Рубанову показалось.

На следующий день великий князь и особенно фрейлина Тютчева, красочно описали перед всем светом подвиг подпоручика Рубанова по спасению пострадавших из огня.

Слух дошёл и до императора.

Максим Акимович млел словно гимназистка, слушая дифирамбы своему сыну.

– Строгость всегда полезна, – развивал мысль за обедом у монарха Владимир Александрович. – Человек чувствует властную руку и идёт на подвиг.

Рубанову-младшему достались лишь устные похвалы, зато капитан Лебедев, как руководитель и воспитатель молодёжи, получил благодарность в приказе по Санкт-Петербургскому военному округу за подписью самого генерал-губернатора и, по совместительству, командующего округом, великого князя.

На радостях, в середине декабря, умиротворённый ротный предоставил мужественному спасителю такс целую неделю отпуска.

– В Москву, в Москву, – напевая, укладывал чемодан Аким.

Увидев вошедшую в комнату матушку, продекламировал:

– Карету мне, карету-у...

– Акимушка, сынок, что ты будешь делать один в этой Москве?

– О-о, маман... Многое!

– Ну что – многое?

– Встречусь с Натали... – И тут, по примеру папа, допустил огромную оплошность... – В газетах пишут, что 18 декабря в МХТ премьера «На дне». Причём одну из ролей станет играть сам Станиславский...

На Ирину Аркадьевну снизошёл столбняк, но она быстро избавилась от недуга, кружась по комнате и хлопая в ладоши:

– В Москву... В Москву... Карету мне, карету-у, – по девчоночьи вопила при этом.

У Акима выпал из рук вновь пошитый у Норденштрема мундир. Он вяло улыбнулся матушке и подумал: «Папа наградил меня целой тысячей рублей, что не хуже благодарности по Санкт-Петербургскому военному округу. Как славно я бы на них кутнул в Москве без мама...».

– Звоню Любочке, – компенсировала минутный столбняк бурной деятельностью. – Максим Горький – её кумир.

И снова вечером на вокзале Аким попрощался с грязнушим от шоколада и угольной копоти питерским «чилдраном», и утром поприветствовал московский пивной Шаболовский завод.

«Ждут, когда поручиком стану, чтоб вывеску сменить», – улыбнулся он.

Из номера гостиницы Аким позвонил капитану Джунковскому и попросил заказать восемь билетов на спектакль: «Три нам, а пять – Натали с родителями и чете Кусковых», – рассчитал он.

К его безмерному горю, Натали по-прежнему телефон не брала, а немного растолстевший за это время швейцар в подъезд не пускал.

Велев ему передать Бутенёвым-Кусковым билеты, Рубанов поехал в театр.

На спектакле был полный аншлаг, и завязтые московские театралы с недоумением взирали на пять свободных мест. А так как Москва – это большая деревня, то по театру пополз слух, что жена питерского генерала попросила у генерал-губернатора лишние билеты, чтоб по сторонам никто не сидел.

«Ну уж эти питерцы... То-то они Кутузову памятник у себя поставили».

– Чего это на нас все косятся? – шептала подруге Любовь Владимировна.

– Да обсуждают мою шубу с искрой – песцовая или собачья, – рассмеялась Ирина Аркадьевна, с недоумением оглянувшись по сторонам, и развернула программку.

– Сатина играет сам Станиславский, – зашептала подруге. – Луку – актёр Москвин, Барона – Качалов, Настю – знаменитая Книппер, а Ваську Пепла – Леонидов.

Аким краем уха безразлично слушал, кто – кого играет, и всё надеялся, что Натали придёт на спектакль.

Но поднялся занавес, показав убогие декорации пьесы, а места оставались свободными.

– Какой ужас, – шептала Ирина Аркадьевна. – Что за реквизит. Обшарпанный стол, табурет, топчан за занавеской, маленькое оконце и дрова на полу.

– Маман, ты не видела комнату Тютчевой после приезда пожарных, – резонно заметил Аким, – потеряв всякую надежду на приезд Бутенёвых.

– Это не Зимний дворец, а ночлежка, где живут босяки, – шептала в ответ Любовь Владимировна.

После первого действия зал гремел овациями и ревел: «Браво-о».

«Пожарных скачков наняли», – попробовал развеселить себя Аким.

После второго действия стоял и вовсе неимоверный гвалт, особенно, как на сцену вышел автор в демократической чёрной косоворотке и с папиросой в зубах.

Народ рыдал от восторга, когда спившийся ворюга провозгласил, что человек – это звучит гордо...

– Гениальный монолог, – шептала Любовь Владимировна, – зайдясь от вопля: «Браво-о», – после слов странника Луки: «Во что веришь, то и есть. Если истина разрушает приятную иллюзию, будь она проклята».

Ирине Аркадьевне спектакль категорически не понравился.

– Бессмысленная вещь с глупой философией... Это не Чехов: «Прав был Сипягин, – вспомнила убитого министра. – Чёрный ворон России, – глянула на кланяющегося драматурга с папиросой в зубах. – Принципиально брошу курить», – решила она.

Перед отъездом в Петербург Рубанов вновь навестил Бутенёвых, но повторилась старая история. Начавший жиреть швейцар, нагло топыря губы, вновь стал бурчать, что не велено.

«Нет, следует объясниться и поставить все точки над «и»», – решил Рубанов, с удовольствием припечатав наглеца к стене.

Пока тот крутил башкой, соображая, где он и какой сейчас день и год, Аким не спеша поднялся на второй этаж и позвонил.

Дверь распахнул сам Бутенёв.

– Заходи, заходи, – обрадовался Рубанову. – Все куда-то в гости уехали, – закашлял он. – А тебя пускать не велели, – улыбнулся Аким. – Дело молодое, сами разберётесь... Мы тоже, по молодости, будь здоров как с Верой Алексеевной ссорились, а всю жизнь вместе прожили, – пригласил гостя в комнаты.

Через час, когда Аким собрался уходить, Бутенёв крепко пожал ему руку.

– Будешь на войне, ничего не бойся... Там всё может быть... Ты, брат, как придётся умирать, шути над смертью..., она и не страшна будет...

Вечером Константин Александрович сообразил домашним, что принимал Рубанова.

Проплакав всю ночь, Натали решила, что если он придёт ещё раз, следует сначала убить его, а потом простить. Довольная понятной только ей логикой, под утро она уснула, и ей сладко снилось, что взявшись за руки, они с Акимом куда-то идут... Кажется, к восходящему красному солнцу...

Новый 1903 год Рубанов-старший встретил безрадостно.

«Это, наверное оттого, что с Сипягиным в закусочную не сходил, – вздыхал он. – Да ещё выпало генерал-адъютантское дежурство, аккурат на Рождество. А праздничное дежурство, как известно, лёгким не бывает».

К обеду прибыли почти все Романовы поздравить главного родственника и его супругу. Приехала даже Мария Фёдоровна, хотя недавно у неё с невесткой вышла размолвка не понять уже, по какому поводу, и Николай, мечась «между двух огней», как написал потом великому князю Сергею, старался примирить мама и Алекс.

Чтоб до сына дошло, какая она бедная, одинокая и несчастная мать, Мария Фёдоровна стала вспоминать своего мужа, отца ныне правящего государя, но все её воспоминания, как нарочно, скатывались к балам.

– Ах, какие балы были в моей молодости, – с лёгкой грустью покачала головой. – Особенно любила так называемые, цветные балы... Это, конечно, давняя традиция. Белые балы для впервые выходящих в свет девиц или розовые – для молодожёнов. Но 24 января 1888 года, как сейчас помню, в Зимнем состоялся изумрудный бал. Я назвала его так, потому что зелёный – цвет надежды. Бальные платья зелёных оттенков и изумруды, подчёркивали красоту женских лиц. А в следующем году, – всплеснула руками, – 26 января, в Анничковом дворце был дан знаменитый чёрный бал. Инициатором цвета являлась не я, а мой супруг. Я лишь подхватила идею... Но вот по какой причине, забыла, – беспомощно обвела взглядом сидящих за столом великих князей с жёнами.

– Пришло известие о смерти австрийского эрцгерцога. Не жаловавший его Александр Третий готовившийся в Анничковом дворце бал не отменил, но распорядился быть всем в траурной одежде... Всё из-за того, что австрийский Двор организовал большие празднества во время траура при Российском Дворе.

– Да-да, Константин Константинович. Благодарю, что напомнили. Лишь у Победоносцева новость вызвала неудовольствие, а весь высший свет с энтузиазмом готовился к балу.

– Дамам о чёрном бале сообщили лишь за четыре дня, – рассмеялся сидевший рядом с императрицей-матерью великий князь Владимир Александрович.

– Это вам, сударь, смешно, а мне в то время было не до смеха, – с улыбкой произнесла его жена Мария Павловна. – Представляете, – обратилась ко всем присутствующим, – 22 января к нам во дворец приезжает гофмаршал Оболенский и с ухмылкой объявляет, что в четверг будут танцевать в чёрных платьях... Ужас! – рассмеялась она.

– Никогда дамы не выглядели так привлекательно, как на этом балу: чёрные веера, чёрные по локоть перчатки, усыпанные бриллиантами чёрные платья, – поднял рюмку Константин Константинович.

– За Рождество, господа. Вы действительно поэт, – подняла рюмку Мария Фёдоровна.

– Нет, выглядели... – стала спорить супруга Владимира Александровича. – Мы с мужем первыми провели исторический бал в конце января далёкого уже 1883 года. У вас, ваше величество, – улыбнулась вдовой императрице, – был прелестный костюм русской царицы семнадцатого века.

– О-о! Я и сейчас помню отороченную соболиным мехом парчовую шубку с золотыми цветами. И всё усыпано бриллиантами, жемчугом, рубинами... Эскиз костюма срисовал с настоящего князь Григорий Гагарин. Вы правы, Машенька, исторический бал не уступит цветному. Лишь мой супруг-император был в простом генеральском мундире, – вздохнула Мария Фёдоровна.

– Зато все великие князья нарядились боярами, воеводами, витязями, – улыбнулся другой брат почившего императора, великий князь Сергей.

– Да и мой бал в начале царствования был не плох, – глянул на сидевшего в конце стола Рубанова Николай. – А давайте через две недели проведём ещё один исторический бал, – вдохновился он. – Это не четыре дня. Дамы вполне успеют платья пошить... 22 января в Зимнем дворце состоится костюмированный исторический бал, – несильно хлопнул ладонью по столу.

И здесь началось...

Петербургские портные стали нарасхват. Старичок Норденштрем, надев очки, занялся архивными изысканиями, ибо пошли заказы не на мундиры, кители и шинели преображенцев, кавалергардов и конногвардейцев, а на костюмы стрельцов, бояр, сокольничих, окольничих, ловчих.

Статские высшие чиновники решили нарядиться думскими и посольскими дьяками.

У дипломатического корпуса пользовался успехом костюм стольника Потёмкина, ездившего послом в Англию, ибо в министерстве висела его гравюра.

А вот для офицеров гвардии – стольник был не послом, а ассигнацией.

Так как все портные, не разгибаясь, горбатились ночи напролёт над заказами, Ирина Аркадьевна ринулась в Москву к госпоже Ламановой, и заказала портнихе сарафан с кокошником. Рубанов-старший, не мудрствуя лукаво, заказал костюм воеводы с деревянной позолоченной булавой в придачу.

Костюмом для Николая озаботились художник Санкт-Петербургских императорских театров Пономарёв и директор Эрмитажа Всеволожский. Из оружейной палаты они затребовали различные предметы царского костюма, в которые вошли даже жемчужные запястья, принадлежавшие сыну Ивана Грозного Фёдору Иоанновичу. В качестве дополнения к наряду взяли подлинный жезл царя Алексея Михайловича.

Александра Фёдоровна, ясное дело, выбрала костюм московской царицы.

Гвардейские полки, хотя они в основном были сухопутные, штормило.

Офицерам личное приглашение посылалось редко. В лейб-гвардии Павловский полк пришло сообщение, что на Большой, или, как его ещё называли, Николаевский бал, должно

прибыть четыре офицера, одетые не в свои мундиры, а в исторические костюмы сокольничих, присланные гофмаршальской частью в полк.

Полковник Ряснянский выстроил офицерский состав и огласил условия.

– Так вот, господа, кому сии костюмы подойдут, те и станут танцевать на балу. От нас всего четыре офицера, а от конногвардейцев и кавалергардов по пятнадцать, – довольно усмехнулся он. – Это, конечно, очень почётно, но павловцы не паркетные шаркуны, а солдаты... Может, кто своей волей вызовется пойти на фронт... э-э-э, на бал?..

Офицеры сурово молчали.

– Да, бал – это не парад, – сделал вывод Ряснянский. – Ну что ж, господа, тогда начинаем примерку присланной амуниции.

Ясное дело, или, как выразался фельдфебель 1-ой роты, ясная кокарда, примерка началась с субалтерн-офицеров, и всем древний наряд оказался в пору.

– Вот и прекрасненько, – чему-то обрадовался полковник. – Мы, ветераны, и на частных балах потанцуем, а молодым воинам следует начинать с официальных. Подпоручики: Буданов, Гороховодатсковский, Зерендорф и Рубанов будут высоко нести честь полка на Николаевском балу, – отпустил других офицеров. – Прошу вас, господа, в портретный зал.

– Так мы пока не провинились, – по своей привычке стал спорить с начальством Буданов.

– Ты сначала усы отпусти, а потом господину полковнику перечь, – мигом поставил его на место Ряснянский. – Помните, господа, что вы едете во дворец не развлекаться... Это вам не частный бал. Вы едете выполнять боевое задание... И ваши улыбки здесь неуместны, – сурово оглядел молодых сокольничих. – Ну что у вас на головах? – с жаром воскликнул он, – обзревая обитые горностаем шапки. – Будто дам через Неву возить собрались, – скрипнул зубами. – Ну ладно... Ваша основная задача – танцевать. Дамы высшего света не должны простаивать у стены. Как увидите одинокую даму, хватайте её и в строй... Пардон, в круг. Хватит смеяться... Толпой не стойте, рассыпайтесь по залу..., но не маскируйтесь складками местности: буфетами, столами с закуской, а всё время ищите свободных дам. Понятно?

– Так точно! – подытожил Буданов. – Разрешите вопрос.

– Разрешаю, – нахмурился полковник.

– А честь старшим по чину отдавать?

– Так я и думал, Анатолий Владимирович, что ты какую-нибудь заковыку подсунешь. Честь старшим всегда отдаётся..., – задумался полковник.

– Ну да. Боярам, воеводам... А вот ловчий – старше сокольничего?

– Так! Вольно, разойдись, – рассвирепел Ряснянский. – И если хоть на минуту после бала останетесь в этой одежде, гауптвахта вам обеспечена. А обо всех ваших ляпах на балу, я узнаю у одной знакомой гофмейстерины.

22 января в половине девятого вечера, к ярко освещённому Зимнему дворцу подъезжали сани и кареты с приглашёнными на бал.

Как и положено, великие князья проходили через Салтыковские ворота, стольники, посольские и думные дьяки, чередой тянулись через Иорданский вход, а бояре, воеводы, сокольничие и стрельцы с жёнами и без оных, имели привилегию войти через Командирские ворота.

«Януарий... Мороз лютует», – вышел из кареты на полозьях воевода Рубанов, бережно придерживая позолоченную булаву, и погрозил оной жандарму, куда-то направляющему кучера Ванятку.

Жандарм, вытянувшись, козырнул воеводе, раскумекав, что был бы ловчий, али стрелец какой, тады можно ба и поцапаться... А с воеводо-ой..., шалишь брат... Не иначе – енерал маскируется...

Максим Акимович, подав руку боярыне, помог ей выбраться из кареты.

Голову Ирины Аркадьевны украшал кокошник, а не горностаевая шапка, потому она быстро прошла в подъезд.

Привычно поднимаясь по застеленной ковром мраморной лестнице, оглядела себя в огромное зеркало, поправив жемчужное ожерелье на шее.

Серьёзные церемониймейстеры двигались в толпе приглашённых, важно держа в руках чёрные жезлы, и помогая заблудившимся пройти в свои залы.

Романовы, по-традиции, собрались в Малахитовом зале и ревниво оглядывали старинные одежды.

«Хотя царский наряд сшил театральный костюмер Императорских театров Каффи, а шапку изготовили в шляпной мастерской поставщиков Высочайшего двора братьев Брюно, – размышлял великий князь Александр Михайлович, – мой костюм сокольничего ничем не хуже, – оглядел в зеркале белый с золотом кафтан, с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовую шёлковую рубашку, голубые шаровары и жёлтые сафьяновые сапоги. – А государь для своего великолепного наряда недостаточно велик ростом», – язвительно улыбнулся он.

В половине десятого вечера гофмаршал, поклонившись Николаю, зашептал:

– Ваше величество, гости собрались в Романовской галерее.

– Благодарю! – ответил император и по-доброму улыбнулся. – Господа родственники, прошу строиться и готовиться к выходу.

Всё было расписано по минутам. Царь с великими князьями и их жёнами торжественно прошёл в Николаевский зал, и все приглашённые, шествуя попарно, в чём была заслуга церемониймейстеров с жезлами, «отдавали» русский поклон царской чете.

Воевода Рубанов при этом, с грохотом уронил на паркетный пол деревянную с позолотой булаву, чем привёл в восторг царя, царицу и присных.

Гофмаршал, мысленно перекрестившись, вцепился в свой жезл с венчавшим его двуглавым орлом на шаре из слоновой кости.

Гофмейстерина в ужасе схватилась за сердце, а Ирина Аркадьевна фыркнула, едва сдержав смех.

Николай, ухватившись за жезл царя Алексея Михайловича, и с трудом сохраняя значительный, как у церемониймейстера вид, поклонился в ответ.

Александра Фёдоровна, забывшись, сделала реверанс, чем безумно развеселила себя и императора.

«Бал явно удался, – с удовольствием подумал Николай. – Вон как моя Аликс радуется».

Хмурился лишь великий князь Владимир Александрович, держа под руку обвешанную фамильными драгоценностями супругу: «Что папа, что сынок эти Рубановы. Никакой дисциплины... А государю, смотрю, понравилось».

После поклонов – обязательный придворный полонез.

Николай взял за руку супругу старшины дипломатического корпуса.

Великие князья, согласно ритуалу, пригласили на государственный танец жён дипломатов, а послы танцевали, вернее, важно вышагивали с великими княгинями.

Бледный от пережитых волнений гофмаршал, окружённый верными суровыми церемониймейстерами, шествовал перед царём расчищая проход.

Гости пятились по сторонам, уступая путь шествию.

Обойдя зал один раз, поменялись партнёрами.

Затем начинался вальс. Здесь уже кружились в танце сокольничие, окольнічие, ловчие и стрельцы.

Воеводы с боярами ушли играть в карты.

– О-о-х, красота-а, – расселись за столиком с картами два воеводы с боярином.

– Милейший, принеси-ка шампанского, – велел пробежавшему лакею боярин, он же генерал от инфантерии Драгомиров.

– Вы правы, поддержал его вислоусый, похожий на запорожца, пишущего письмо султану, воевода, он же генерал-майор Троицкий. – Ни музыки, ни шума разговоров, а главное, прохладнее...

– Сутолока утомила, – выложил на стол виновницу переполоха – булаву, воевода Рубанов. Расторопный лакей уже разливал по бокалам шампанское, облив белую перчатку воеводы Троицкого.

– Ну и дурак же ты, братец, – снял перчатку генерал-воевода.

– Так точно, ваше превосходительство, – гаркнул лакей, примирив генерала с жизнью.

– Видно из солдат? – успокаивающе похлопал провинившегося по руке.

– Так точно. Унтер-офицер лейб-гвардии Семёновского полка. Обходительным манерам до конца не обучен. Вот ежели бы маршировать приказали.

– Ничего, ничего, научись, – отпустил его Драгомиров. – А вот вас бы, Владимир Иоанникиевич, – обратился к Троицкому, – при императоре Александре Третьем, выйди вы без перчаток, мигом упекли бы на гауптвахту. Как сейчас помню, – начал раздавать карты, – в 1890 году, на одном из январских балов, выпившие за ужином офицеры позволили себе маленькую, по их понятиям, вольность... Гвардейцы же... Пошли танцевать без перчаток. Но император не считал нарушение формы одежды мелочью. На следующий после бала день, четырёх офицеров посадили в Комендантскую.

– Ха! Пустяки какие, – положил на стол карты Троицкий. – В 1882 году, на Большом балу, после принятия горячительных напитков, я и вовсе во время исполнения польки, начал танцевать вальс. Вот скандал был, – радостно произнёс генерал. – Меня даже из лейб-гвардии Павловского полка в пехотный перевели.

– То-то вы в 55 лет всё генерал-майор, – уколол товарища Драгомиров.

– Пустяки, дослужусь ещё до генерала от инфантерии.

– А меня зато сам Александр Третий жучил за расстегнутый крючок, – с завистью глянул на Троицкого Драгомиров. – А теперь что? Половину ловчих со стрельцами на губу пересажать следует, а никому и дела нет, – в раздражении бросил на стол карты. – Во времена Александра Первого и Николая Первого дисциплина соблюдалась жёстко. Римского-Корсакова исключили из гвардии за то, что позволил за ужином расстегнуть мундир. На представлении об увольнении помета: «Высочайше поведено мундира Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит. 20 февраля 1821г.» Так вот было. Потому: дисциплина.

– Самого Лермонтова великий князь Михаил Павлович отправил под арест прямо с бала в Царском Селе, за неформенное шитьё на воротнике и обшлагах вицмундира. Лермонтова-а! – с завистью вздохнул Рубанов. – А я вот ничем таким не прославлен, – загрустил он.

– Как? А булаву нынче кто уронил? – захмыкал Драгомиров и его поддержал Троицкий. – То-то батюшку-царя развеселил... Эй, братец, – остановил пробегающего мимо лакея, – чем народ изволит заниматься?

– Так это, вашвысокопревосходительство. Танцы пока закончились и все гужом двинулись на концерт в Эрмитажный театр.

– Ну, коли так, принеси-ка нам ещё бутылочку... Да прям с подо льда бери.

– Глянул я, сплошной бомонд пришёл, а не нормальные генералы, как мы, – вздохнул Троицкий, ожидая лакея.

– Да-а, кого только на бал не приглашают. Фабрикантов с жёнами даже, – постучал булавой по столу Рубанов, завидя спешащего к ним лакея. – Ты где это, братец, запропал? Будто в девятивёрстный поход ходил, – развеселил Драгомирова.

Отсмеявшись и выпив шампанского, тот продолжил тему:

– Раньше появление так называемых, нестатусных лиц, вызывало огромное негодование высшего света. Помню, в 1884 году, на Большом балу появилась дочь парижского Ротшильда – Ефруссия... Высший свет был в шоке. Кусок рябчика в горло не лез, – хохотнул он, – хотя все знали о контактах Александра Третьего и российского министра финансов с Ротшильдом. Но для русской аристократии он оставался не более как «одесским купцом», – вновь загоготал генерал, стуча ладонями по столу.

«Уроженец Конотопа, хоть и генерал от инфантерии», – добродушно глянул на Михаила Ивановича Рубанов:

– Таинственная сила петербургских салонов, – отхлебнув из бокала, промолвил он. – Даже сам Александр Третий не мог осилить мнение света. Через четыре года после Ротшильда, лорд Черчилль лично просил императора выдать ему с супругой приглашение на бал, но, ярый апологет традиций Александр Третий распорядился допустить их лишь на хоры одной из зал, дабы те могли хотя бы посмотреть на шествие...

– Вот она, волшебная сила высшего света, – от души пригубил из бокала Троцкий. – Братец, – увидел он лакея, несшего ещё одну бутылку, – ты, видимо, был отчётливым унтером... Друзья-генералы согласно покивали головами.

– ... Чем там общество занимается? – закончил он мысль.

– Так это... Спектаклю в Павильонном зале глазают...

– Ну, тогда ещё посидим, – обрадовался Рубанов. – Что же ты, господин унтер-лакей, бездействуешь? – подставил ему свой бокал.

– Как ужинать, это, гужом пойдут..., ты, мил-человек, нам просигналь, – велел служивому Драгомиров.

– Ваши сияси, – вскоре доложил тоже изрядно принявший на «унтерскую» грудь лакей. – Опосля спектакля, сплясав «Русского», гости строем направились ужинать... Столы накрыты в Испанском, Итальянском и Фламандском залах Эрмитажа.

– Молодец! – похвалил героического лакея Драгомиров, поднимаясь из-за карточного стола. – Пора вливаться в сливки общества, – допил из бокала.

– Почему сливки, а не шампанское, – развеселил генералов Рубанов.

После ужина, когда вновь начались танцы, они тихо, по-английски, как учил лорд Черчилль, затерялись в многочисленных залах дворца, с азартом принявшись за карты.

Рубанову катастрофически не везло – проиграл даже булаву.

Через несколько дней давали так называемый Концертный бал.

От гвардии ангажировали 65 офицеров.

– Господа, – собрал в портретном зале подпоручиков Ряснянский. – Вы весьма понравились своим поведением моей знакомой гофмейстерине... Кроме младшего унтер-офицера Рубанова, – подкрутил усы полковник, глядя при этом на Буданова.

– Почему унтер-то, да ещё и младший? – возопил «разжалованный».

– Нарушая все приличия, опережая иногда даже великих князей, вы нагло кружились в танце то с княгиней Зинаидой Юсуповой, – вновь подкрутил усы, – то с самой Елизаветой Фёдоровной, старшей сестрой императрицы.

– Великая княгиня Эллочка, – выставив ногу вперёд, произнёс Рубанов, – сама посылала ко мне офицера, с просьбой пригласить её на танец, – с удовольствием глядел в выпученные полковничьи глаза, с трудом скрывая улыбку.

Не выдержав, закатился смехом. Его радостно поддержали подпоручики. Через секунду рассмеялся и полковник.

– Не-ет, ... На Концертный бал вы, сударь, не пойдёте, – вытер он глаза платком. – Чего же больше не гогочете, мистер Рубанов? Я вместо вас пострадаю... Да шучу... Ни в жизнь не променяю знаменитую гренадёрку на шапочку ловчего.

– Сокольничего, – поправил начальство пришедший в себя Рубанов.

– Жаль, дочка великого князя Владимира, Елена, в прошлом году замуж вышла. Вот уж, кто танцевать любила, – мечтательно почесав безусую губу, произнёс Буданов.

– И вы приглашали её? – почтительно поинтересовался Зерендорф.

– Ты ещё слишком молод, чтобы это знать, господин подведомственный, – напустил туману подпоручик.

– Танцы, это хорошо! – подытожил Гороховодатсковский. – Особенно мне понравился придворный оркестр в костюмах трубачей царя Алексея Михайловича. Они так весело жарили мазурку, – привёл в ступор полковника.

– Кого жарили?.. Подпоручик, вы явно посещаете пристанционный буфет вместо ресторана «Донон», – пришёл он к выводу.

На отлогом склоне горы с редкими елями и соснами, возле трёх упряжек с санями, у небольшого костра расположилась живописная группа охотников.

Жареный заяц много антиресней живого, – рассуждал бородатый рабочий, из горлышка длинной, тёмного стекла бутылки громко прихлёбывая пиво и указывая пальцем на несколько заячьих тушек в санях. – А ежели поддумянить до хрустящей корочки, ску-у-с, чисто лимонад-фиалка, – вновь приложился к бутылке.

Василий Северьянов не слушал его, задумчиво разглядывая раскинувшиеся внизу старинные, одноэтажные улочки Златоуста, города российского булата.

Отсюда, с невысокой горы, хорошо был виден военный завод, где работала расположившаяся у костра дюжина охотников, и двухэтажный с мезонином, каменный дом горного начальника Златоустовского горного округа Анатолия Александровича Зеленцова.

Александр Шотман лениво подкладывал в нещадно чадивший костерок мёрзлые тонкие колючие веточки.

– А ведь, товарищи мои дорогие, власти вновь хотят крепостное право в России возродить...

Охотники непонимающе уставились на произнёсшего эти слова черноволосого молодого парня, года полтора назад устроившегося на завод вместе со своим рыжим, конопатым другом.

– То есть, как это крепостное право? – забыл об «антиресном» зайце бородатый рабочий.

– А вот так, товарищ Филимошкин, – бросив в костёр все ветки, тоже хлебнул из бутылки Шотман. – В новых расчётных книжках, оговаривающих условия найма на работу, ни слова не написано о правах, полученных рабочими после отмены крепостничества...

Нахмутив лбы, охотники с недоумением разглядывали черноволосого парня, обдумывая его слова.

Все они относились к крестьянскому сословию.

– А ведь и взаправду так, – схватился за ружьё сидевший неподалёку от костра нестриженный, весь какой-то неухоженный и помятый, с вьёвшейся в заскорузлые пальцы и ладони грязью, токарь казённого Златоустовского оружейного завода.

– Рано пока из ружья палить, товарищ Симонов, рано, – легко поднялся на ноги и подошёл к костру Северьянов. – Власти вновь мечтают закабалить народ... Вот и исчезла ссылка на царский манифест 1861 года в новой расчётной книжке, – сел на облучок саней. – Тпр-р-у, – схватив вожжи, осадил встрепенувшуюся лошадь. – Вот так в свои рабочие руки мы должны взять администрацию завода, – натянул он вожжи, задрал лошади голову. – Начальник горного

округа и не рыпнется, если мы, рабочие, дружно потребуем вернуться к старым расчётным книжкам, – бросил вожжи на сани.

– Наша партия «Союз народных прав», должна выпустить листовки с этим требованием, – подошёл к другу Шотман и встал рядом. – А если требования не удовлетворят, будем бастовать. Не допустим возрождения крепостного права, – глянул в сторону завода, и широко перекрестился на купола примыкавшего к нему Свято-Троицкого собора, незаметно подмигнув Василию.

Большинство рабочих, отложив ружья, тоже перекрестились на кресты собора.

– Мужики, ну какое крепостное право? – сняв шапку и несколько раз перекрестившись, произнёс один из охотников. – Ребята молодые, несемейные, – кивнул в сторону стоящих у саней товарищей. – Ещё и двух лет у нас не папсут, а уже баламутить народ начали, – решительно надел на голову малахай. – Анатолия Александровича трудно запугать... Не мальчик, как эти, – пренебрежительно кивнул в сторону Шотмана с Северьяновым. – Зеленцову 49 лет в январе стукнуло. Русско-турецкую войну прошёл, крест Георгиевский заслужил, и вас, с вашими пукалками, испугается? – закинул за спину ружьё. – А в прошлом году восьмичасовой рабочий день ввёл на всех заводах округа... На других-то по одиннадцать с половиной ломают. И зарплата исправная... Хватает жану с дитяами накормить... Как хотите, но я вам в этом деле не помощник, – повернулся и стал спускаться с горы по неширокой тропинке.

– Да никто о зарплате не говорит, – видя, что рабочие задумались, всполошился Шотман. – Давайте пошлём двух представителей к Зеленцову и потребуем вернуть старые расчётные книжки, – оглядел охотников. – Вернут их, и бастовать не станем...

– Текст мы составим, – поддержал приятеля Василий, – и пусть двое рабочих... кто у нас тут самые смелые и умные... Вот, к примеру, Филимошкин с Симоновым, и отнесут начальству наши требования. – А этот трус пусть ко всем чертям катится, – плюнул в сторону ушедшего рабочего. – Вычеркнем его из «Союза народных прав».

– Согласны, ребята? – обратился к любителю зайчатины и шелудивому борову Шотман.

Те утвердительно покивали тупыми своими головами: кому не лестно прослыть «смелым и умным».

8-го марта они и отнесли петицию начальнику Златоустовского горного округа, с трудом прорвавшись в его кабинет.

Перед лицом Зеленцова, вся их активность и напускная смелость без следа иссякли.

Прочтя послание рабочих масс, Анатолий Александрович от души рассмеялся.

– Это явная глупость, – потряс бумагой. – Новые расчётные книжки абсолютно законны и не ущемляют ваших интересов... Идите спокойно работайте и не слушайте смутьянов.

– По-моему, друг ты мой ситный, влипли мы с тобой по самую рукоять кинжала, – выйдя на улицу и надев шапку, поплевал на свои заскорузлые ладони Симонов. – Кажись, по головке нас не поглядят, – развеселил товарища, представившего, как Зеленцов гладит сальные, взъерошенные космы токаря.

– Ничё-ё! Народ поддержит, – подбодрил себя Филимошкин и оказался прав.

Агитаторы времени зря не теряли и подняли прокатчиков. Те тоже подали докладную записку Зеленцову.

На этот раз, внимательно читая её, он не смеялся: «Мы, рабочие большого прокатного цеха, прекратим работу в случае невыполнения наших требований... Мы просим: 1). ввести в расчётные книжки все права и преимущества, предоставленные положением 8 марта 1861 года без последующих и могущих последовать изменений. 2). изъять из книжек правила из закона 11 марта 1902 года, как применимые к фабрично-заводской промышленности, а не к казённым горным заводам».

– Не в моей компетенции выполнить ваши требования, – горячился начальник горного округа. – Циркуляр спущен сверху, – тыкал пальцем в потолок, – и нужно время, дабы во всём разобраться.

На этот раз во главе пришедшей делегации стояли Шотман с Василием Северьяновым.

– Не удовлетворите требования, станем бастовать, – нагло глядя в глаза Зеленцову, произнёс Шотман.

– О ваших требованиях я извещу директора горного департамента, – холодно глянув на делегацию, поднялся из-за стола Зеленцов. – А вас, юноша, прошу мне не угрожать... Молоды вы для этого. Приказываю немедленно приступать к работе, – стукнул по столу кулаком.

К работе не приступили.

Мало того, даже тех, кто хотел работать, активисты силой выталкивали из цехов на улицу. Дело доходило до избиений.

Рабочему, что ушёл от компании охотников, какой-то доброхот проломил голову, и его увезли в горнозаводскую больницу.

Обстановка накалялась...

– Опыт Обуховской обороны имеем, – хлопал по плечу Василия Шотман. – Полицию без труда разгоним...

– Главное, поболее народа из цехов вывести, – поддерживал его друг.

11 марта завод не работал.

Толпы рабочих ходили по улицам и собирались у заводоуправления.

Зеленцов направил рапорт главному начальнику Уральских горных заводов Баклевскому: «Рабочие Златоуста продолжают отказываться от новых книжек утверждённого образца. Разъяснений, убеждений было достаточно».

«Это обыкновенная провокация», – размышлял горный начальник.

Утром 12-го, Зеленцов принялся звонить исправнику и командиру расквартированного в Златоусте Мокшанского батальона:

– С целью ограждения безопасности рабочих, желающих продолжать трудиться, и для целостности казённого имущества, прошу прислать хотя бы две роты. Ведь у нас в арсенале полно оружия. Хорошего мало будет, коли бунтовщики до него доберутся.

Следом принялся звонить губернатору.

Узнав о беспорядках в Златоусте, Уфимский губернатор Николай Модестович Богданович тут же телефонировал жандармскому полковнику и губернскому прокурору.

Вечером губернское начальство, в сопровождении небольшого количества жандармов, прибыло в Златоуст.

Выслушав от Зеленцова подоплеку событий, приняли приглашение остановиться в его доме.

– В гостинице вам так удобно не будет, – уговаривал он их.

В связи с прибытием высокого начальства, подсуетился и местный жандармский рот-мистр, лично наведавшийся с группой поддержки сначала к Филимошкину, у которого от неприятных предчувствий кусок зайчатины встал поперёк горла, а затем и к заводскому пугалу – Симонову.

Через час оба рабочих уже сидели в тюрьме на шконках.

Один с подбитым глазом: не хрен на жандармов пасть разевать. Другой и вовсе с основательно разлохмаченной причёской, в которой отсутствовало приличное количество волос.

Утром 13-го, оружейный завод полностью остановился.

Огромная толпа собралась перед домом горного начальника.

- Освободите наших товарищей, – задал направление требований Шотман.
- Свободу арестованным! – заорал Северьянов.
- Свободу! Свободу! – скандировала разгорячённая толпа.
- Да кого задержали? – вышел к рабочим губернатор, а за ним и Зеленцов с полковником

и прокурором.

Подбежавший ротмистр, взяв под козырёк, доложил о ночном аресте смутьянов.

– Немедленно освободить! Немедленно, – едва сдерживая гнев, приказал жандармскому полковнику губернатор. – И так горит, а вы своими действиями керосин в огонь подливаете...

– Ротмистр. Доставьте сюда арестованных, – велел полковник.

Но сделать это с каждой секундой становилось всё труднее и труднее.

Оттеснив немногочисленных жандармов, толпа стала окружать Зеленцова с гостями.

Растолкав рабочих, к губернатору выбежала крепкая женщина с растрёпанными волосами из-под съехавшего на плечи платка. За руки она держала двух детей.

– Мужа посади-и-ли, – в истерике завопила она. – Кто детей кормить-поить будет, – трясла ребятешек, то толкая их в сторону начальства, то прижимая к себе.

К ней присоединилась другая расхристанная тётка с ребёнком на руках, и стала совать его губернатору.

– Кормильца в тюрьму отправили-и... Накось, корми его и одевай-обувай...

Толпа со всех сторон сжимала приезжих.

– Господа рабочие, я уже велел освободить арестованных, – стараясь сохранять выдержку, бросал в толпу слова Богданович.

– Вот! Уже господами стали, – язвил торчавший неподалёку от начальства Шотман.

–... Сейчас губернский прокурор с полковником лично съездят за ними и доставят сюда, – успокаивал толпу губернатор. – И с расчётными книжками разберёмся.., – он видел, что слова его подействовали, и народ начал успокаиваться.

Даже скандальные бабы перестали визжать дурными голосами, с надеждой глядя на важного чиновника.

Жандармский офицер с прокурором, раздвигая плечами толпу, направились к саням, чтоб ехать в тюрьму за арестованными.

– Так всё сорваться может, – шепнул Северьянову Шотман. – Народ у нас простодушный и отходчивый, потому его и легко задурить... – Братцы-ы, – дурным голосом заблажил он. – Нас хотят обмануть, а арестованных увезут на санях в Уфу-у, – бросился к полковнику и оттолкнул его от саней.

Не ожидающий грубого насилия жандарм потянулся к кобуре.

– Я тебе сейчас потолкаюсь, мерзавец.

На выручку к начальству пробивалось несколько подчинённых.

Но Шотман оказался быстрее полковника и, выхватив револьвер, выстрелил в него.

В толкотне пуля попала в полицейского исправника.

Северьянов тоже вытащил наган и, не целясь, пальнул в подбегающих полицейских, отметив, что один из них зашатался, схватившись рукою за грудь.

– Бейте-е сатрапо-о-в, – заорал Шотман, размахивая револьвером и стреляя в редкую цепочку полицейских, за которыми маячили рабочие: «Попаду в работягу, тоже неплохо будет, – рассудил он, – спишем потом на кровавый царский режим».

Выбежавший из дома адъютант губернатора стал махать платком солдатам, чтоб открывали огонь.

«Чего платком машет, сдаётся что ли?» – раздумывал пожилой батальонный командир, построивший две роты неподалёку от дома горного начальника.

Жандармы благополучно отбили у толпы начальников и повели их в дом.

– Осторожно, ротмистр, мне руку вывихнули, а вы за неё тянете, – бурчал Богданович. – Раненым помогите, да глупых баб с детьми в дом уведите, а то потопчут ненароком...

Обезумевшая толпа уже крушила окна и двери особняка.

Выйдя на балкон, губернатор увидел орущее море неуправляемых людей.

– Николай Модестович, у вас палец кровоточит, – протянул ему платок адъютант.

Поблагодарив кивком головы, Богданович приложил платок к пальцу, а затем вытер вспотевший лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.